

ГЛАВНОЕ ГИДРОГРАФИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ.

П. Г. Кушаковъ.

ДВА ГОДА ВО ЛЬДАХЪ

НА ПУТИ КЪ СЪВЕРНУМУ ПОЛЮСУ

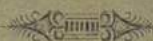
съ экспедиціею

Старшаго Лейтенанта Г. Я. Съдова.

9
Часть I

со вступительной статьей Л. Л. Брейтфуса:

Очеркъ экспедиціи Г. Я. Съдова.

42
ПЕТРОГРАД.

10-я Государственная типографія, въ Главномъ Адмиралтействѣ.

1920.

Г-20 $\frac{B-7}{13a}$

ГЛАВНОЕ ГИДРОГРАФИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ.

П. Г. Кушаковъ.

Г20 $\frac{B-7}{13a}$

ДВА ГОДА ВО ЛЬДАХЪ

НА ПУТИ КЪ СЪВЕРНУМУ ПОЛЮСУ

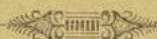
съ экспедиціею

Старшаго Лейтенанта Г. Я. Съдова.

Часть I

со вступительной статьей Л. Л. Брейтфуса:

Очеркъ экспедиціи Г. Я. Съдова.

ПЕТРОГРАД.

10-я Государственная типографія, въ Главном Адмиралтействѣ.

1920.

НА ПУТИ КЪ СЪВЕРНОМУ ПОЛЮСУ
СЪ ЭКСПЕДИЦІЕЮ
СТАРШАГО ЛЕЙТЕНАНТА СЪДОВА.
—
П. Г. Кушаковъ.

СТАРШАГО ЛЕЙТЕНАНТА СЪДОВА.

П. Г. Кушаковъ.

ДВА ТОДА ВО ПЕДАХЪ

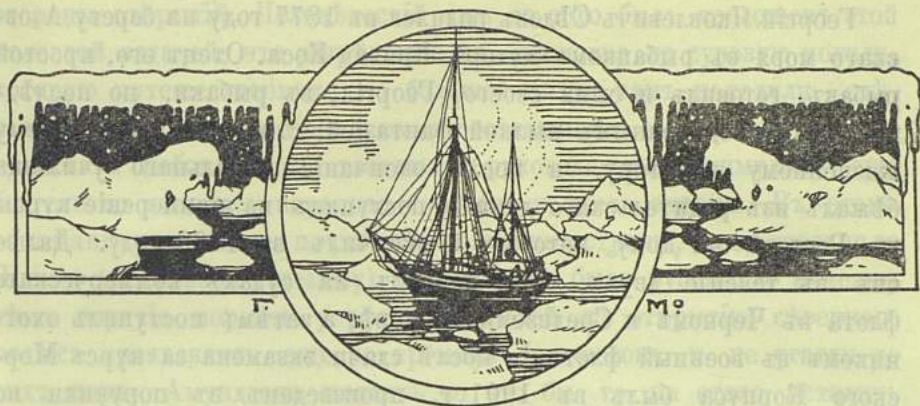
НА ПУТИ КЪ СЪВЕРШЕНОМУ ПОКОЮ

ОБЪЯВЛЕНИЕ

СЪСТАВЛЯЮЩАЯ СЛОВО

П. П. Кушнеръ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Очеркъ экспедиціи къ сѣверному полюсу старшаго
лейтенанта Г. Я. Съдова.

Л. Л. Врейтфусъ.

I.

ДАЛЕКО за полярнымъ кругомъ, на юго-западной оконечности острова Кронпринца Рудольфа, заброшеннаго среди необъятнаго океанскаго пространства и покрытаго вѣчнымъ льдомъ, подъ неоттаивающими глыбами камня и льда стоитъ одинокая могила одного изъ неутомимыхъ и безвременно погибшихъ на нивѣ полярныхъ изслѣдованій тружениковъ — старшаго лейтенанта Георгія Яковлевича Съдова.

Эта могила, которую обвѣиваютъ леденящіе вѣтры и въ зимнюю стужу, при блескѣ волшебныхъ сѣверныхъ сіяній, посѣщаютъ только бѣлые медвѣди и песцы, — лѣтомъ же, при свѣтѣ не заходящаго солнца, оживляютъ громкимъ гомономъ безчисленныя стаи пернатыхъ, безмолвно повѣствуетъ намъ о жизненномъ пути покоящагося въ ней отъ хижины простаго рыбака до того послѣдняго этапа на походѣ къ сѣверному полюсу, на которомъ прекратилась его мятежная жизнь.

Георгій Яковлевичъ Сѣдовъ родился въ 1877 году на берегу Азовскаго моря въ рыбацкомъ хуторѣ Кривая Коса. Отецъ его, простой рыбакъ, готовилъ и сына своего, Георгія, въ рыбаки, но послѣдній, будучи одареннымъ пылкой фантазіей, стремился къ большому жизненному простору, и послѣ окончанія начальнаго училища бѣжалъ изъ родительскаго дома и поступилъ на шкиперскіе курсы въ Ростовъ на Дону, которые и окончилъ въ 1898 году. Далѣе онъ въ теченіе двухъ лѣтъ плавалъ на судахъ коммерческаго флота въ Черномъ и Средиземномъ морѣ, а затѣмъ поступилъ охотникомъ въ военный флотъ, и послѣ сдачи экзамена за курсъ Морского Корпуса былъ въ 1901 г. произведенъ въ поручики по адмиралтейству и прикомандированъ къ Главному Гидрографическому Управленію съ назначеніемъ въ Гидрографическую экспедицію Сѣвернаго Ледовитаго океана. Здѣсь Сѣдовъ впервые столкнулся съ арктической природой и здѣсь, вѣроятно, и зародились въ его умѣ тѣ мысли о самостоятельныхъ полярныхъ изслѣдованіяхъ, которыя и привели его къ послѣдней, для него роковой экспедиціи. Въ 1904 году во время русско-японской войны Сѣдовъ былъ командированъ въ Николаевскъ на Амуръ, но по окончаніи войны онъ снова состоялъ на службѣ по Главному Гидрографическому Управленію, которымъ въ 1909 году былъ командированъ для самостоятельнаго изслѣдованія устья рѣки Колымы, а въ слѣдующемъ году на Новую Землю, гдѣ ему было поручено произвести съемку и промѣръ Крестовой губы.

Къ началу 1912 года мысль о достиженіи сѣвернаго полюса у Сѣдова окончательно назрѣла и 9 марта въ рапортѣ на имя начальника Главнаго Гидрографическаго Управленія, А. И. Вилькицкаго, онъ сообщилъ какъ о своемъ намѣреніи открыть сѣверный полюсъ, такъ и программу своей полярной экспедиціи. Вотъ его подлинныя слова:

«Промысловые и научные интересы Сѣвернаго Ледовитаго океана начали привлекать къ себѣ всеобщее вниманіе чуть ли не съ X-го столѣтія. Первыми пионерами были въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ промышленники, устремившіеся туда за богатой добычей морского звѣря, а затѣмъ и путешественники съ научной цѣлью. Многіе изъ путешественниковъ плавали сюда для отысканія свободнаго морского пути на востокъ, многіе для открытія новыхъ земель и физическаго изученія вообще океана и, наконецъ, многіе для открытія сѣвернаго полюса, чтобы разяснить міровую загадку, какъ со стороны научныхъ полезнѣйшихъ наблюденій, такъ и со

стороны открытій. Человѣческій умъ до того былъ поглощенъ этой нелегкой задачей, что разрѣшеніе ея, несмотря на суровую могилу, которую путешественники по большей части тамъ находили, сдѣлалось сплошнымъ національнымъ состязаніемъ; здѣсь, помимо человѣческаго любопытства, главнымъ руководящимъ стимуломъ еще безусловно являлись народная гордость и честь страны. Въ этомъ состязаніи участвовали почти всѣ культурныя страны, включительно до Японіи (къ южному полюсу), и только не было русскихъ, а между тѣмъ горячіе порывы у русскихъ людей къ открытію сѣвернаго полюса проявлялись еще во времена Ломоносова и не угасли до сихъ поръ. Амундсенъ желаетъ во что бы то ни стало оставить честь открытія за Норвегіей и сѣвернаго полюса. Онъ хочетъ итти въ 1913 году, а мы пойдемъ въ этомъ году и докажемъ всему міру, что и русскіе способны на этотъ подвигъ».

Программа экспедиціи.

1) Экспедиція выходитъ изъ Архангельска въ Сѣверный Ледовитый океанъ около 1 іюля 1912 года.

2) Первый курсъ экспедиція держитъ къ берегамъ Земли Франца Іосифа, гдѣ и зимуетъ.

3) Во время зимовки на Землѣ Франца Іосифа экспедиція, по возможности, изслѣдуетъ берега этой земли, описываетъ бухты и находитъ якорныя стоянки, а также изучаетъ островъ въ промысловомъ отношеніи. Собираетъ всевозможныя коллекціи по различнымъ отраслямъ естественныхъ наукъ. Опредѣляетъ астрономическіе пункты и дѣлаетъ цѣлый рядъ магнитныхъ наблюденій. Организуетъ метеорологическую и гидрологическую станціи. Сооружаетъ маякъ на видномъ мѣстѣ у наилучшей якорной бухты.

4) Съ первыми лучами солнца въ 1913 году экспедиція идетъ дальше къ сѣверу или на суднѣ, или пѣшкомъ по льду со шлюпками и собаками, въ зависимости отъ состоянія океана. На Землѣ Франца Іосифа оставляется запасъ провизіи въ домикѣ, который экспедиція имѣетъ въ виду построить. Если судно будетъ оставлено на Землѣ Франца-Іосифа и экспедиція пойдетъ къ полюсу пѣшкомъ, то вмѣстѣ съ судномъ будетъ оставлена и часть экипажа, которая, до возвращенія полюсной партіи, будетъ заниматься безпрерывными метеорологическими, гидрологическими и др. наблюденіями.

5) Полюсная партія во главѣ съ начальникомъ экспедиціи идетъ съ необходимымъ запасомъ провизіи и инструментами къ полюсу съ такимъ расчетомъ, чтобы въ теченіе всего свѣтлаго времени года (съ марта по сентябрь, приблизительно около 6 мѣсяцевъ) достигнуть полюса и вернуться обратно къ своему судну или въ Гренландію, въ зависимости отъ состоянія океана и обстоятельствъ, а затѣмъ уже и въ Россію.

6) Въ полюсную партію войдутъ 4 человека, собаки, шлюпки (каяки), сани, нарты, палатка и двуколки, въ которыхъ вмѣсто колесъ будутъ лыжи или полозья, въ зависимости отъ дороги. Партія также будетъ хорошо снабжена охотничьими ружьями и съдобными лепешками для людей и собакъ.

7) Если понадобится идти на суднѣ и сѣвернѣе Земли Франца-Иосифа, то тогда экспедиція оставляетъ судно съ частью экипажа у границы льдовъ, а сама идетъ пѣшкомъ дальше. Отъ полюса обратно экспедиція возвращается по возможности къ судну. Если же выгоднѣе будетъ пробиться къ ближайшему берегу Гренландіи, то экспедиція къ судну не вернется. Судно въ обоихъ случаяхъ, будетъ ли оно ждать возвращенія партіи на Землѣ Франца-Иосифа или у границы льдовъ, по заранѣе составленному условію, выждавъ извѣстный срокъ, уходитъ безъ партіи домой, если она къ этому сроку не подоспѣетъ.

8) Во все время путешествія, экспедиція будетъ вести метеорологическія, гидрологическія и др. наблюденія.

9) Экспедиція предполагаетъ вернуться обратно: раннее—осенью 1913 года и позднее—лѣтомъ 1914 г.

10) Программа плаванія составлена сообразно средствамъ въ 60—70 тысячъ рублей.

Составъ и смѣта.

1) Начальникъ экспедиціи, онъ же командиръ судна. 2) Помощникъ командира судна (штурманъ). 3) Геологъ. 4) Естествовѣдъ, онъ же препараторъ. 5) Механикъ. 6) Художникъ, онъ же фотографъ. 7) 8 матросовъ. Всего 14 человекъ.

Расходъ въ 70.000 руб. былъ исчисленъ слѣдующей смѣтой:

1. Судно въ полномъ вооруженіи (предполагалось зафрахтовать)	20.000 р.
2. Собаки, нарты и кормъ для собакъ	2.000 »

3. Теплое платье	3.000 р.
4. Запасъ провизіи на 3 года	10.000 »
5. Запасъ матеріаловъ и топлива	2.000 »
6. Кинематографъ и фотографія	2.000 »
7. Ружья и принадлежности	1.000 »
8. Домикъ, разные инструменты и печи.	1.000 »
9. Шлюпки, карбасы, лыжи и двуколки	1.000 »
10. Геодезическіе, мореходные и др. инструменты.	3.000 »
11. Карты, таблицы, книги и черт. принадл.	500 »
12. Разные мелкіе расходы	500 »
13. Содержаніе личнаго состава.	24.000 »
<hr/>	
Всего	70.000 р.

Для осуществленія своей экспедиціи, Сѣдовъ обратился сначала къ прессѣ и именно къ «Новому Времени», на столбцахъ котораго М. М. Ивановъ въ фельетонѣ отъ 5 марта 1912 г. «Къ Сѣверному полюсу» изложилъ главныя основанія плана этой экспедиціи и этимъ самымъ вызвалъ нѣкоторый притокъ пожертвованій. Одновременно Сѣдовъ сумѣлъ заинтересовать также и многихъ членовъ Государственной Думы. Вскорѣ во главѣ дѣла организациі полярной экспедиціи всталъ лидеръ національной партіи П. Н. Балашевъ и около него стала собираться группа лицъ, сочувствующихъ идеѣ Сѣдова. Этой группой 17 марта 1912 г. въ Государственную Думу, за подписью 51 члена сей Думы, было внесено законодательное предположеніе объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства 50.000 рублей въ распоряженіе Морского Министра для воспособленія устраиваемой Сѣдовымъ экспедиціи къ сѣверному полюсу. Въ этой запискѣ было указано, что общій расходъ на оборудованіе экспедиціи выразится въ суммѣ приблизительно отъ 100.000 до 150.000 руб. и что недостающія сверхъ казеннаго пособія средства будутъ собраны путемъ пожертвованій частныхъ лицъ, а равно и научныхъ учреждений и обществъ, въ томъ числѣ Академіи Наукъ и Географическаго Общества. Одновременно, этой же группой былъ организованъ «Сѣдовскій Комитетъ» изъ предсѣдателя—П. Н. Балашева, его товарища—М. А. Суворина, секретаря—В. В. Шульгина, казначея—А. Ф. Рубахина и членовъ—П. П. Сойкина, П. И. Бѣлавенецъ, И. К. фонъ-Гюббенетъ, П. П. Леонтьева и др. — Впослѣдствіи, а именно 28 іюня 1912 г., «Сѣдовскій Комитетъ» былъ преобразованъ въ

«Комитетъ для снаряженія экспедиціи къ сѣверному полюсу и по изслѣдованію русскихъ полярныхъ странъ», что ставило въ задачи не только снаряженіе самой экспедиціи Сѣдова, но и заботы по изученію Русскаго Сѣвера. Комитету было разрѣшено производить повсемѣстные сборы въ Россіи и съ этого времени пожертвованія хотя и стали поступать болѣе обильно, однако, и теперь общая сумма пожертвованій не превысила того минимума (60 — 70 тысячъ рублей), который былъ первоначально опредѣленъ Сѣдовымъ для осуществленія его экспедиціи, и экспедиція смогла осуществиться только благодаря тому обстоятельству, что М. А. Суворинъ открылъ Сѣдову изъ собственныхъ средствъ кредитъ на приобрѣтеніе всего необходимаго инвентаря, найма личного состава и зафрахтованія судна.

На просьбу предсѣдателя Совѣта Министровъ графа Коковцова, высказать заключеніе по поводу вышеупомянутаго законодательнаго предположенія 51 члена Государственной Думы, Морской Министръ Григоровичъ высказалъ свое полное сочувствіе идеѣ экспедиціи, при условіи достаточнаго ея снабженія соотвѣтственно современнымъ научнымъ и техническимъ требованіямъ, и добавилъ при этомъ, что даже въ томъ случаѣ, если экспедиціи и не удастся достигнуть полюса, то научный матеріалъ, который она можетъ доставить, составитъ чрезвычайно цѣнный вкладъ въ сравнительно скудную область нашихъ знаній по географіи полярныхъ странъ.

Сочувствіе Г. Я. Сѣдову со стороны Морского Министерства усматривается также и изъ того, что 14 марта 1912 года Сѣдовъ изъ капитановъ по адмиралтейству былъ переведенъ во флотъ съ чиномъ старшаго лейтенанта, а также, что для участія въ экспедиціи ему былъ разрѣшенъ двухлѣтній отпускъ съ сохраненіемъ содержанія.

Въ виду того, что упомянутымъ выше предположеніемъ Государственной Думы кредитъ на экспедицію долженъ былъ быть отпущенъ чрезъ Морское Вѣдомство и этимъ самымъ на него возлагалась нѣкоторая нравственная отвѣтственность за снаряженіе и ходъ экспедиціи, при Главномъ Гидрографическомъ Управленіи была образована особая комиссія подъ предсѣдательствомъ начальника Управленія генералъ-лейтенанта А. И. Вилькицкаго изъ слѣдующихъ лицъ: 1) д-ръ А. А. Бунге—спутникъ бар. Толля по экспедиціи на Ново-Сибирскіе острова и участникъ экспедиціи Юргенса къ устью р. Лены и градуснаго измѣренія на Шпицбергенѣ, 2) капитанъ 2 ранга А. В. Колчакъ—командиръ корабля «Заря» экспедиціи

бар. Толля, 3) А. А. Бялыницкій-Бируля—участникъ экспедиціи бар. Толля, 4) И. П. Толмачевъ—геологъ, извѣстный своими экспедиціями на р. Хатангу и по побережью Чукотскаго полуострова, 5) Л. Л. Брейтфусъ—бывшій начальникъ Мурманской экспедиціи, 6) капитанъ 1 ранга А. М. Бухтѣевъ—извѣстный своими гидрографическими работами въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ, 7) подполковникъ К. П. Мордовинъ, работавшій тамъ же, и 8) самый старшій лейтенантъ Г. Я. Сѣдовъ.

Какъ извѣстно, по поводу работъ этой комиссіи, начавшихся 1 мая 1912 г., въ газетахъ, въ свое время, появился цѣлый рядъ статей, сообщавшихъ отрывочныя, часто неточныя или неправильно освѣщенныя свѣдѣнія, благодаря чему въ широкой публикѣ получились крайне превратныя понятія о результатахъ занятій и намѣреніяхъ ея членовъ. Поэтому является умѣстнымъ, хотя и съ запозданіемъ, привести необходимыя разъясненія. Такъ, прежде всего, Сѣдову было указано, что комиссія признаетъ всю желательность и значеніе достиженія сѣвернаго полюса русской экспедиціей, хотя не можетъ не отмѣтить, что рѣчь можетъ идти именно только о достиженіи, а не объ открытіи сѣвернаго полюса. Открытіе сѣвернаго полюса, сдѣланное американцемъ Пири три года тому назадъ 24 марта (6 апрѣля) 1909 г.—въ настоящее время уже не возбуждаетъ ни у кого сомнѣній и вообще не было принято сразу только въ виду соперничества съ Кукомъ, показанія котораго были признаны особою комиссіей не заслуживающими довѣрія, тогда какъ слѣдственная комиссія вполне признала правильность данныхъ Пири. Далѣе Сѣдову былъ заданъ вопросъ, знакомъ ли онъ съ результатами экспедиціи герцога Абрुцкаго къ сѣверному полюсу въ 1899—1900 г., которая, какъ извѣстно, избрала базой для полюсной партіи также архипелагъ Франца-Иосифа. Оказалось, что Сѣдовъ только слышалъ объ этой экспедиціи, но съ результатами ея не былъ знакомъ, равно какъ не былъ знакомъ и съ результатами экспедицій, работавшихъ на этомъ архипелагѣ до и послѣ итальянской экспедиціи. Затѣмъ Сѣдову было указано, что Земля Петермана (предполагавшаяся къ сѣверу отъ Земли Франца-Иосифа), отъ которой онъ собирается идти на полюсъ и которую принимаетъ лежащей приблизительно подъ 84° сѣв. шир., т. е. въ разстояніи 630 верстъ отъ полюса, въ натурѣ не существуетъ и что отправная точка лежитъ болѣе, чѣмъ на 2 градуса южнѣе, а именно на Землѣ Кронпринца Рудольфа ($81^{\circ}48'$ сѣв. шир.), отстоящей отъ полюса на 860 верстъ, т. е. что въ оба конца разстояніе будетъ равно

не 1260 верстамъ, а 1720 верстамъ! И это только по прямой линіи. Но прямая линія не даетъ даже отдаленнаго представленія объ истинной длинѣ пути, какой придется партіи сдѣлать по вѣчно движущемуся льду. Знакомство Сѣдова съ трудами экспедиціи герцога Абрुццкаго, путь которой онъ имѣлъ въ виду повторить, не только убѣдило бы его въ отсутствіи Земли Петермана, но принесло бы ему много пользы по вопросамъ техники снаряженія санныхъ экспедицій, такъ какъ въ этихъ трудахъ весьма добросовѣстно разработаны именно эти вопросы, при чемъ указаны и многія допущенныя при снаряженіи ошибки. Далѣе коммиссія занялась подсчетомъ груза, который Сѣдовъ намѣревался взять съ собою на шести нартахъ, при 3—4 человѣкахъ и 60 собакахъ, къ полюсу. На этотъ счетъ у Сѣдова подробно разработанной схемы не оказалось. Одновременно члены коммиссіи произвели свой расчетъ, исходя изъ опыта санныхъ экспедицій Нансена и Каньи (участника экспедиціи герцога Абруццкаго), Колчака и др. Для пропитанія 1 человѣка ими были приняты 2 фунтовые раціоны, для 1 собаки—1 фунтовые. Въ указанныхъ экспедиціяхъ раціоны были нѣсколько большіе и всѣ расчеты велись на консервированные сушеные припасы, при чемъ мясо бралось въ видѣ пеммикана (также сушеннаго мясного порошка). Всѣ инструменты и все снаряженіе брались съ собою специально приспособленные, облегченные. У Сѣдова такихъ облегченныхъ инструментовъ не было. Суточная скорость передвиженія совѣщаніемъ была принята, согласно опыту Нансена и Каньи, въ 10 верстъ въ сутки. При этомъ съ очевидностью выяснилось, что безъ промежуточныхъ складовъ провизіи, т. е. безъ нѣсколькихъ вспомогательныхъ санныхъ партій, какъ это было у экспедиціи герцога Абруццкаго, и позднѣе у Пири, достигнуть полюса съ Земли Франца-Иосифа (т. е. съ Земли Кронпринца Рудольфа) невозможно.

Чтобы не быть голословнымъ, приводимъ главныя основанія, выставившіяся коммиссіей, какъ заранѣе, съ очевидностью обрекавшіе на неуспѣхъ экспедицію Сѣдова. Вотъ эти основанія.

1. База—Teplitz-Bai на Землѣ Кронпринца Рудольфа, $\varphi = 81^{\circ}48'N$. Разстояніе до полюса = $8^{\circ}12' = 860$ верстъ.

2. Средняя скорость движенія экспедиціи къ полюсу—10 верстъ въ сутки.

3. Количество провіанта, по опыту лейтенанта Колчака, въ сутки на человѣка = 2 фута (= 800 граммъ) по слѣдующему расчету:

Сухарей	90 золотн.
Мясного порошка	20 »
Масла сливочного	15 »
Молока сгущенного	15 »
Шоколада мясного и бѣлковаго	12 »
Тропона ¹⁾	5 »
Шотландск. овсянки.	15 »
Чая и кофе	5 »
Сахару	10 »
Клюквен. экстракту и сушен. зел.	5 »

Итого. . . . 192 зол. = 2 фун. ²⁾.

Норму въ 2 фунта, сравнивая ее съ нормами другихъ путешественниковъ (Каньи—1245 гр., Пири—1030 гр., Грили—1182 гр.), слѣдуетъ признать весьма сокращенной и допущена она была лишь въ виду того обстоятельства, что Сѣдовъ возлагалъ особенныя надежды на питательный препаратъ (мясной порошокъ) Скорикова.

4. Рационъ для собаки былъ опредѣленъ въ 1 фунтъ пеммикана.

5. Топлива (спирта и керосина) для походной кухни въ сутки на человѣка—180 граммъ.

Если принять въ расчетъ, что къ полюсу должно идти 3 человѣка на 3-хъ нартахъ по 13 собакъ каждая, то получится при проектированной суточной скорости въ 10 верстъ въ оба конца 172 дня пути съ расходомъ на продовольствіе:

3-хъ человѣкъ: $6 \text{ фун.} \times 172 = 1032 \text{ фун.} = 25,8 \text{ пуд.}$

39 собакъ: $39 \text{ фунтовъ} \times 86^3) = 3354 \text{ фун.} = 83,9 \text{ пуд.}$

Для варки пищи на:

3-хъ человѣкъ $180 \text{ гр.} \times 172 \times 3 = 5,8 \text{ пуд.}$

¹⁾ Препаратъ, содержащій бѣлковыя вещества въ легко-усвояемой формѣ.

²⁾ Въ дѣйствительности, дневной рационъ лейтенанта Колчака состоялъ изъ 2 ф. 11 зол., а именно сухарей бралось не 90, а 96 зол., и шотландской овсянки не 15, а 20 золотниковъ.

³⁾ Во время обратнаго пути предполагалось, что собакъ будутъ питать собаками, а затѣмъ нарты, уже облегченные, потянуть сами путешественники.

Сводка грузовъ:

Расходный грузъ.	Провизіи на 3 человѣка.	25,80 пуд.	
	» 39 собакъ .	83,90 »	
	Топлива	5,80 »	115,50 пуд.

Мертвый грузъ.	Одежда запасная . . .	2,25 пуд.	
	Спальные мѣшки . . .	2,25 »	
	2 каяка	2,50 »	
	Палатка шелковая. . .	1,00 »	
	Кухонный аппаратъ, го- рѣлка-примусъ, посуда, спички, запасныя части кухоннаго аппарата .	0,50 »	
	Теодолитъ съ принадлеж- ностями, 3 термометра, буссоль, фотографиче- скій аппаратъ съ при- надлежностями . . .	1,00 »	
	2 ружья съ патронами .	0,65 »	
	Аптечка	0,10 »	
	Запасныя части нартъ, ремни, концы и т. п.	1,50 »	12,00 пуд.
	Итого		127,5 пуд.

На одну нарту. . . 42,5 пуда.
» » собаку . . 3,27 »

Такая нагрузка невозможна, ибо нормальная нагрузка на восточно-сибирскую собаку = 1,5 пудовъ; на западно-сибирскую = около 1 пуда. Въ санной партіи лейтенанта Каньи нагрузка принималась въ среднемъ въ 210 килограммовъ на нарту въ 8 собакъ, что даетъ 13 пудовъ или 1,6 пуда на одну собаку.

Чтобы справиться со своей задачей и какъ-нибудь оправдать свои расчеты, Сѣдовъ уменьшилъ прежде всего раціоны, вводя въ питаніе якобы болѣе питательный мясной консервъ Скорикова, который, однако, не только не превышаетъ по питательности пеммиканъ, но какъ полагаетъ д-ръ Бунге нѣсколько ниже его. Брейтфусъ же указывалъ, что препаратъ Скорикова при всѣхъ своихъ хорошихъ питательныхъ качествахъ требуетъ для варки много

топлива вслѣдствіе чего онъ не можетъ конкурировать съ пеммиканомъ. Справедливость этого утвержденія была позже констатирована также и П. Кушаковымъ на практикѣ. Что же касается кормленія собакъ, то Сѣдовъ считалъ, что мяса одной собаки достаточно для прокормленія сначала 30—40 собакъ, затѣмъ 20 собакъ, хотя ему и доказывали, что для 36 собакъ Русской Полярной экспедиціи бар. Толля, бывшихъ въ партіи зоолога Бирули, ежедневно убивали одного взрослого оленя. Первоначально Сѣдовъ принималъ среднюю скорость санной партіи въ 20 верстъ, при чемъ, такъ какъ и при такомъ допущеніи нарты всетаки оказывались слишкомъ тяжелыми для 20 собакъ, то послѣдній предложилъ облегчить ихъ при помощи «водородныхъ баллоновъ», т. е. воздушныхъ шаровъ. Отъ послѣдняго проекта, правда, онъ вскорѣ подъ вліяніемъ сдѣланныхъ заявленій отказался.

Въ виду того, что и при всемъ этомъ, достиженіе полюса съ архипелага Франца-Иосифа непосредственно представлялось невозможнымъ, Сѣдовъ измѣнилъ планъ экспедиціи въ томъ смыслѣ, что хотѣлъ устроить базу на 84° сѣв. шир., куда его должна будетъ проводить вся экспедиція, въ распоряженіе которой имъ оставалось всего 2 нарты собакъ. На это ему было сказано, что такіе проводы равняются цѣлой экспедиціи, такъ какъ переходъ этотъ какъ разъ равняется тому, который Нансенъ и Югансенъ сдѣлали на пути отъ «Фрама» къ сѣверу, и что эта экскурсія и представить наиболѣе громоздкую часть экспедиціи, а не легкую, какъ полагалъ Сѣдовъ.

Въ виду отсутствія у Сѣдова плана и въ этомъ направленіи, комиссія разработала примѣрный планъ полюсной экспедиціи по вышеуказаннымъ заданіямъ, т. е. отправляющейся отъ Земли Кронпринца Рудольфа. При этомъ было сдѣлано допущеніе, что партія, приходящая на полюсъ, состоитъ не изъ 4-хъ, а изъ 3-хъ члѣвъ. Для того, чтобы двинуться на полюсъ съ нѣкоторой промежуточной между основной базой и полюсомъ точки, этой партіи необходимо подкрѣпиться припасами, привезенными съ Земли Франца Иосифа на собакахъ вспомогательной партіи. Такъ какъ послѣдняя должна быть снабжена провіантомъ для своихъ собакъ и каюровъ, то она можетъ взять лишь небольшую часть груза, предназначеннаго для полюсной партіи; почему для подвозки всего груза для полюсной партіи до возможно большей широты необходимъ цѣлый рядъ вспомогательныхъ партій. Продѣлывая разныя комбинаціи, какъ то: отправку освобождающихся нартъ обратно, нѣко-

торую перегрузку ихъ въ пути, подкармливаніе собакъ собаками же и т. п., совѣщаніе опредѣлило число собакъ въ 200 — 300, при соотвѣтствующемъ числѣ людей, какъ необходимое для того только, чтобы трое изъ всей экспедиціи могли достигнуть полюса. Интересно, что Пири достигъ полюса, имѣя для полюсной и четырехъ вспомогательныхъ экспедицій въ общей сложности 236 собакъ, при базѣ у мыса Колумбія на 83° сѣв. шир., т. е. въ разстояніи 735 верстъ отъ полюса, и при этомъ онъ совершилъ переходъ въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ въ смыслѣ проходимости льда, на какія условія нельзя надѣяться въ области, лежащей къ сѣверу отъ Земли Франца-Иосифа. Въ экспедиціи герцога Абрुццкаго было только 100 собакъ и, хотя экспедиція была весьма серьезно задумана, разработана и базировалась на двухъ подсобныхъ партіяхъ, она тѣмъ не менѣе окончилась неудачей.

Достиженіе полюса, по словамъ Нансена, дѣйствительно, сводится къ «собачьему вопросу». Острота же этого вопроса обуславливается въ сѣверномъ полушаріи тѣмъ, что вслѣдствіе постоянного движенія льда нѣтъ возможности устроить склады между базой и полюсомъ, на которые могла бы опираться экспедиція на возвратномъ пути, или отъ которыхъ возможно бы начинать движеніе къ полюсу. Значительно благопріятнѣе обстоитъ этотъ вопросъ для южнаго полушарія, гдѣ передвиженіе полюсныхъ партій совершается по неподвижному антарктическому материку.

Въ своихъ расчетахъ ни Сѣдовъ, ни совѣщаніе не принимали во вниманіе охоты какъ подспорья въ кормѣ, такъ какъ всѣ ссылки, дѣлавшіяся на Нансена, совершенно не основательны. Бѣлыхъ медвѣдей и моржей онъ билъ только въ архипелагѣ Франца-Иосифа у береговъ, и въ открытомъ океанѣ на охоту можно рассчитывать только какъ на счастливую удачу.

Послѣ изложеннаго, чрезвычайно странно, поэтому, утвержденіе г. Морского въ «Новомъ Времени» отъ 29 мая 1912 г. со словъ д-ра Бунге, что экспедиція будетъ стоить недорого, такъ какъ нельзя устраивать складовъ по дорогѣ. Именно, это обстоятельство и удорожаетъ экспедицію, такъ какъ требуетъ прежде всего сильнаго увеличенія санныхъ партій и собакъ. Совѣщаніе же вообще совершенно не касалось вопроса о средствахъ экспедиціи. Если и упоминалось иногда о стоимости собакъ, то лишь между прочимъ.

Невѣрно также и другое утвержденіе г. Морского со словъ д-ра Бунге, что собакъ не полагается кормить до сыта. Собакъ

кормить, если, конечно, есть возможность, до сыта, но послѣ окончанія дневного перехода. Даже въ домашнемъ быту ѣздовыхъ собакъ кормить обыкновенно вечеромъ. Утромъ собака ѣсть вяло, и усиленная работа вредна для только что поѣвшей собаки. Даже по отношенію къ людямъ—главное питаніе приходится обыкновенно на конецъ дневного перехода, на ужинъ, и естественно, что и собака, и ея каюръ къ вечеру сильно проголодаются, но отсюда еще не слѣдуетъ, что онѣ работаютъ полуголодными, и что ихъ дневной раціонъ становится меньше, чѣмъ въ обыкновенныхъ условіяхъ. Комиссія отнюдь не ставила въ упрекъ Сѣдову, что онъ остановился на западно-сибирскихъ собакахъ, такъ какъ другихъ получить въ тотъ срокъ, въ какой снаряжалась экспедиція, не представлялось возможнымъ, а собаки европейскаго сѣвера еще хуже ¹⁾. Расчеты комиссіи имѣла въ виду именно западно-сибирскую собаку. Преимущество же восточно-сибирскихъ собакъ надъ ѣздовыми собаками не только Западной Сибири, но и всего свѣта, есть въ настоящее время для тѣхъ, кто знаетъ ѣзду на собакахъ,—непреложная истина. И если экспедиція могла бы воспользоваться этими собаками, то, конечно, количество послѣднихъ могло бы быть уменьшено.

Удаченъ ли выборъ, который дѣлаетъ Сѣдовъ, беря съ собой мезенцевъ въ качествѣ каюровъ, какъ полагаетъ г. Морской со словъ д-ра Бунге, рѣшить трудно. Борьба съ Ледовитымъ океаномъ, которую ведутъ мезенцы на морскихъ промыслахъ, дѣлаетъ ихъ, конечно, пригоднымъ народомъ для перехода на Землю Франца-Иосифа, т. е. для наиболѣе легкой части экспедиціи, но неизвѣстно, каковы они будутъ каюрами для санныхъ поѣздокъ—для наиболѣе трудной части экспедиціи. Можно даже предполагать, что ѣзда на собакахъ, обращеніе и уходъ за ними для нихъ будетъ совершенно новымъ дѣломъ, и какъ они справятся съ нимъ—совершенно неизвѣстно.

Необходимо еще отмѣтить, что въ комиссіи совершенно не разсматривался тотъ случай, когда полюсная партія Сѣдова въ силу извѣстныхъ обстоятельствъ могла направиться не обратно къ базѣ (къ Землѣ Франца-Иосифа), а къ Гренландіи, о чемъ говорится въ 5 и 7 пунктахъ программы экспедиціи, а также въ брошюрѣ «Русскіе путешественники въ полярныя страны и къ сѣвер-

¹⁾ Въ дѣйствительности, какъ увидимъ ниже, Сѣдовъ составилъ свою свору главнымъ образомъ изъ архангельскихъ собакъ очень низкаго качества, изъ коихъ 50% погибло отъ холода въ первую же зимовку. Л. Б.

Разстояніе отъ 81°48' широты до 90° и обратно до 81°48' равно 1720 верстамъ. Считая среднюю суточную скорость движенія 10 верстъ, имѣемъ 172 дня пути. 6 нартъ при 60 собакахъ (10 собакъ въ нартѣ) и 3 человѣка потребуютъ:

1) Кормъ для людей (2 фун. въ день на человѣка)
на 172 дня 25,8 пуд.

2) Кормъ для собакъ (0,6 фунта въ день особаго
мясного сушенаго препарата) на 172 дня 154,8 *

3) Различный хозяйственный грузъ и инструменты. 10,0 *

Итого груза 190,6 пуд.

4) Собачьяго корма отъ убоя 60 собакъ. 60,0 *

Всего необходимо взять груза. 130,6 пуд.

На нарту. 21,8 *

На собаку 2,18 пуд.

Въ этомъ проектѣ, Сѣдовъ вмѣсто 3 нартъ съ 39 собаками беретъ 6 нартъ съ 60 собаками и, уменьшая дневной рационъ собаки до 0,6 фунта, получаетъ нагрузку на собаку въ 2,1 пуда, что, какъ мы уже показали выше, невозможно; кромѣ того 3 человѣкамъ не управиться съ 6 нартами, а если бы и удалось имъ это сдѣлать, то во всякомъ случаѣ скорость движенія значительно замедлилась бы, т. е. время путешествія удлинилось бы.

Въ заключеніе, комиссія признала проектъ старшаго лейтенанта Сѣдова недостаточно обоснованнымъ и продуманнымъ; не имѣя личного опыта, Сѣдовъ не ознакомился достаточно съ опытомъ другихъ экспедицій, оставшимся ему до послѣдняго времени совершенно неизвѣстнымъ. Комиссія все же сочла долгомъ высказать принципиальный взглядъ на самую идею полярной экспедиціи. Она полагаетъ, что теперь настало время для изученія приполярныхъ областей Россіи и что поэтому необходимо организовать большую научную экспедицію, вооруженную опытомъ и всѣми знаніями послѣднихъ лѣтъ. Насколько же необходима такая экспедиція, видно изъ того, напр., что Новая Земля обследована гораздо хуже, чѣмъ далекая Земля Франца-Иосифа, которая, съ момента своего открытія въ 1873 году австрійской экспедиціей, изучалась

цѣлымъ рядомъ экспедицій — Лей-Смитта (1880 — 81 г.), Джэксона (1894—96 г.), Нансена (1895—96 г.), Уэльмана (1898—99 г.), герцога Абрुцкаго (1899—1900 г.) и Бальдвинъ-Циглера-Фиала (въ 1901—02 и 1903—05 г.г.).

Всего было 3 — 4 засѣданія комиссіи, при чемъ, въ засѣданіе отъ 12 мая, въ которомъ обсуждался планъ экспедиціи, составленный комиссіей и служившій коррективомъ къ мыслямъ старшаго лейт. Сѣдова, были приглашены заинтересованные въ этой экспедиціи члены Государственной Думы — В. В. Шульгинъ, С. В. Востротинъ и др.

Совѣтъ Министровъ, рассмотрѣвъ упомянутое выше ходатайство 51 члена Государственной Думы объ ассигнованіи средствъ на экспедицію къ Сѣверному полюсу въ связи съ поступившими по этому же дѣлу заключеніями отъ другихъ вѣдомствъ, нашель, что мысль объ организаціи русскими моряками и учеными всесторонняго изученія приполярныхъ областей, конечно, заслуживаетъ принципіальнаго сочувствія, но что изложенныя въ запискѣ соображенія объ условіяхъ практическаго осуществленія обсуждаемаго путешествія представляются недостаточно обоснованными, при чемъ вообще намѣчаемая экспедиція старшаго лейтенанта Сѣдова носить нѣсколько непродуманный характеръ. Вслѣдствіе чего, и имѣя въ виду, что при отсутствіи увѣренности въ возможности пополнить необходимыя на оборудованіе экспедиціи ассигнованія за счетъ поступленій отъ частныхъ пожертвованій и обществъ, государственному казначейству пришлось бы, по всей вѣроятности, понести издержки, значительно превышающія 50,000 рублей, Совѣтъ Министровъ призналъ, что при обсужденіи вышеупомянутаго законодательнаго предположенія въ общемъ собраніи Государственной Думы правительству, черезъ представителя морского вѣдомства, слѣдуетъ высказаться за отклоненіе сего предположенія.

Послѣ этого Комитету по снаряженію экспедиціи пришлось болѣе энергично приступить къ повсемѣстному сбору, такъ какъ экспедиція снаряжалась и расходы шли. Обращаясь къ денежнымъ отчетамъ Комитета, мы видимъ, что главный притокъ поступленій былъ вначалѣ, когда въ «Новомъ Времени» и во многихъ провинціальныхъ газетахъ велась широкоувѣщательная реклама экспедиціи Сѣдова. Позднѣе, когда въ успѣхѣхъ экспедиціи приходилось все чаще и чаще сомнѣваться, притокъ пожертвованій сталъ быстро сокращаться. Изъ отчетовъ за періодъ времени съ марта 1912 по 1 апрѣля 1915 года явствуетъ, что Комитетомъ израсходовано на

экспедицію въ общей сложности 108.391 рубль, пожертвованій же поступило всего лишь на сумму 56.705 рублей, и долгу, слѣдовательно, экспедиція имѣетъ передъ Комитетомъ 51.686 рублей ¹⁾.

Разсматривая эти пожертвованія, нельзя не отмѣтить слѣдующаго: во первыхъ, для всей Россіи такая сумма слишкомъ невелика, во вторыхъ въ спискахъ замѣтно отсутствуютъ ученныя учрежденія или такія, для которыхъ полярныя изслѣдованія не должны бы не представлять интереса. Если вычесть изъ общей суммы 8 крупныхъ пожертвованій отъ 500 до 10.000 рублей на сумму въ 25.100 рублей, то мы найдемъ, что оставшаяся сумма въ 31.605 рублей, составившаяся изъ 1747 пожертвованій (изъ нихъ большинство коллективныхъ по подписнымъ листамъ, коихъ разослано было 6100 листовъ), даетъ среднее пожертвованіе въ 18 рублей. Причину такой сравнительно малой успѣшности сборовъ слѣдуетъ искать отнюдь не только вообще въ маломъ интересѣ русскаго общества къ полярнымъ изслѣдованіямъ, но также еще и въ томъ, что экспедиція Сѣдова, какъ мы уже показали выше, не являлась ни оригинальной, ни особенно необходимой, такъ какъ, во первыхъ, сѣверный полюсъ былъ уже открытъ три года передъ тѣмъ американцемъ Пири, и, во вторыхъ, проектъ Сѣдова являлся ни чѣмъ инымъ, какъ намѣреніемъ повторить экспедицію герцога Абрудцаго, но только съ менѣе пригодными средствами. Особенно послѣднее изъ этихъ двухъ обстоятельствъ и создало то положеніе, что всѣ компетентныя учрежденія и лица, какъ правительственныя, такъ и частныя, отнеслись къ этому начинанію отрицательно, и именно не къ самой идеѣ, проектируемой Сѣдовымъ экспедиціи, но къ ея плану и способу осуществленія.

Несмотря на все это, благодаря энергіи и необычайной настойчивости Сѣдова, снаряженіе экспедиціи шло впередъ, и къ 14 августа 1912 года экспедиція была снаряжена настолько, что могла начать плаваніе. Правда, судно экспедиціи оказалось настолько перегру-

¹⁾ Долгъ этотъ, впрочемъ, въ концѣ 1914 г. уменьшился на 8.694 руб. 95 коп. ибо когда истомленная и отчасти больная команда, вернувшись въ Архангельскъ, не получила отъ Комитета причитающагося ей жалованья и обратилась телеграфно съ просьбой на высочайшее имя, то ей была уплачена чрезъ Морского Министра упомянутая сумма. Кромѣ того, одновременно, членамъ экспедиціи была отпущена изъ казны въ награду за ихъ труды сумма въ 2.775 руб., а тремъ больнымъ матросамъ выдано пособіе въ 300 руб. Что же касается вдовы Сѣдова, В. В. Сѣдовой, а также вдовы старшаго механика Зандера, М. А. Зандеръ, то первой была назначена пожизненная годовая пенсія въ 1200 руб. второй—въ 300 рублей.

женнымъ необходимымъ снаряженіемъ, что не явилось возможнымъ взять съ собой многихъ необходимыхъ предметовъ, главнымъ образомъ достаточнаго количества угля, провизіи и проч.

Составъ экспедиціи былъ слѣдующій:

Группа членовъ экспедиціи и команды; сидятъ, считая слѣва, В. Ю. Визе, Я. Г. Сѣдовъ, П. Г. Кушаковъ и М. А. Павловъ.

1. Начальникъ, старшій лейтенантъ Георгій Яковлевичъ Сѣдовъ, родился въ 1877 г.
2. Командиръ судна, штурманъ дальняго плаванія Николай Петровичъ Захаровъ.
3. Штурманъ судна, штурманъ малаго плаванія Николай Максимовичъ Сахаровъ.
4. Механикъ судна Иванъ Андреевичъ Зандеръ.
5. Помощникъ механика Мартынъ Андреевичъ Зандеръ.
6. Помощникъ начальника, врачъ-бактеріологъ Павелъ Григорьевичъ Кушаковъ, родился въ 1881 году.

7. Геологъ Михаилъ Алексѣевичъ Павловъ, родился въ 1884 г.

8. Географъ и метеорологъ Владимиръ Юльевичъ Визе, родился въ 1886 году.

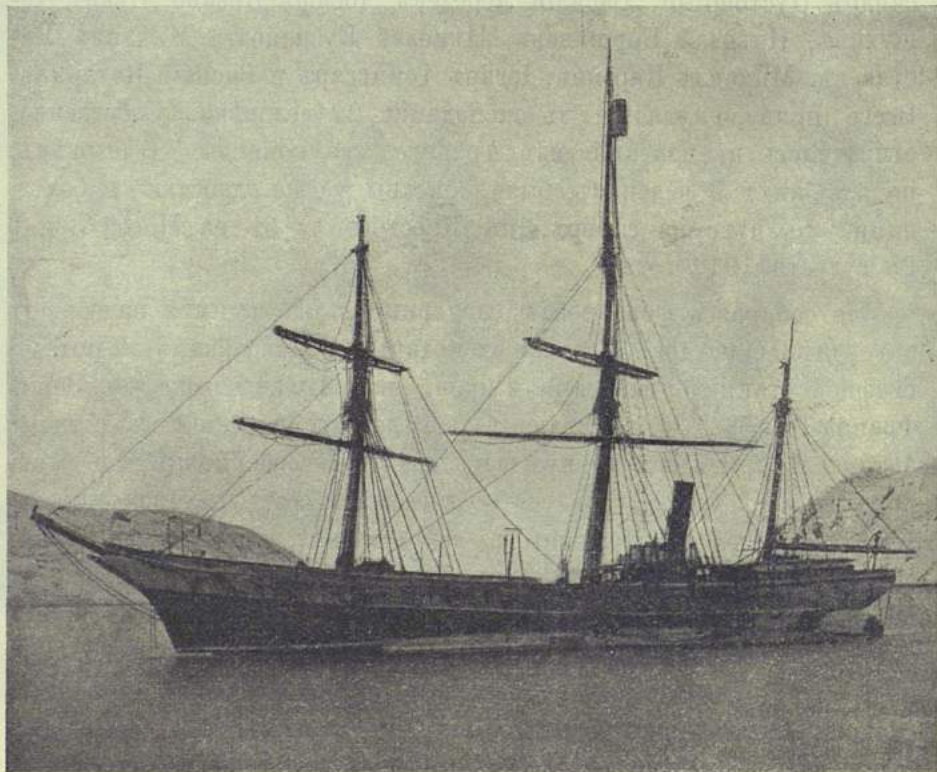
9. Художникъ-фотографъ Николай Васильевичъ Пинегинъ, родился въ 1883 году.

10. Команды верхней и нижней — 13 человекъ, а именно: Андрей Инютинъ, Григорій Линникъ, Платонъ Коноплевъ, Александръ Пустошный, Василий Лебедевъ, Иосифъ Кизино, Иванъ Пищухинъ, Николай Коршуновъ, Николай Кузнецовъ, Михаилъ Шестаковъ, Михаилъ Карзинъ, Юганъ Томиссаръ и Василий Катаринъ. Всего приняло участіе въ экспедиціи 22 человекъ. Собственно, отправилось въ плаваніе изъ Архангельска команды 18 человекъ, но изъ нихъ 5 человекъ были списаны за негодностью и болѣзнями, по пути на сѣверъ, въ Крестовой губѣ на Новой Землѣ 28 августа 1912 года.

Не собираясь форсировать полярные льды, а имѣя надобность въ суднѣ лишь для доставки экспедиціи съ постройками, радіотелеграфной станціей, запасами и проч. изъ Архангельска до Земли Франца-Иосифа, т. е. для сравнительно легкаго плаванія въ лѣтнемъ битомъ льдѣ, Сѣдовъ не нуждался въ суднѣ особенно приспособленномъ и могъ удовлетвориться любымъ звѣробойнымъ судномъ, достаточной емкости и снабженнымъ двигателемъ; при чемъ, снаряжая экспедицію въ довольно стѣсненныхъ матеріальныхъ условіяхъ, конечно, могъ дѣлать свой выборъ не изъ заграничныхъ, а изъ судовъ, имѣвшихся въ Архангельскѣ. Я бы сказалъ, что выборъ его не слѣдуетъ считать неудачнымъ. «Св. Мученикъ Фока», избранный судномъ экспедиціи, представляетъ изъ себя старый деревянный баркъ, передѣланный на 2-хъ мачтовое судно. Это судно къ 1912 г. имѣло уже очень почтенный возрастъ и длинный рядъ полярныхъ плаваній. Оно построено въ 1870 году въ норвежскомъ городѣ Тенсбергѣ подъ названіемъ «Geiser» и по своей конструкціи и типу принадлежитъ къ той славной плеядѣ полярныхъ деревянныхъ судовъ, на долю которыхъ выпала столь видная роль въ изслѣдованіи арктическихъ странъ. Такъ, знаменитая «Vega», впервые доказавшая возможность навигаціи между Атлантическимъ и Тихимъ океанами по Сибирскому морскому пути, «Stella Polare» (бывшій «Jason»), на которомъ герцогъ Абрुцкій совершилъ свое плаваніе къ сѣвернымъ островамъ Земли Франца Иосифа, и, наконецъ, «Заря» (бывшій «Herald Haarfager»), служившая Русской

Полярной экспедиціи подъ начальствомъ барона Толля, — являются sistership'ами «Св. Фоки».

До 1898 года «Св. Фока» находился въ рукахъ норвежскихъ промышленниковъ, ходившихъ на немъ на тюлений промыселъ преимущественно въ Гренландское море. Въ 1898 же году онъ находился сначала въ рукахъ мезенскихъ звѣропромышленниковъ братьевъ Юрьевыхъ, а затѣмъ — въ составѣ Мурманской научно-промысловой экспедиціи, которая имъ пользовалась для изслѣдо-

«Св. Фока» въ первоначальномъ вооруженіи.

ваній тюленьяго и моржоваго промысла около западныхъ береговъ Новой Земли и въ Карскомъ морѣ. Въ 1909 году «Св. Фока» перешелъ въ собственность звѣропромышленника шкипера В. Дикина, а въ 1912 г. былъ арендованъ Г. Я. Сѣдовымъ для полярной экспедиціи. Корпусъ «Св. Фоки» построенъ очень прочно. Всѣ главные члены или деревья корабля, какъ то: киль, кильсонъ, форъ и ахтеръ-штевни, дейдвудъ, привальные бруссы, бимсы обѣихъ палубъ, ватеръ-вейсы, планширя, карлингсы, комингсы люковъ и т. п. поставлены дубовые, толщиною значительно превышающіе

нормальные размѣры этихъ частей обыкновенныхъ мореходныхъ судовъ соотвѣтствующей величины. Наборъ поставленъ сплошной, сосновый и имѣетъ въ 4 ряда обшивку—одну внутреннюю 4 дюймовую и три наружныхъ, изъ которыхъ верхняя или крайняя къ водѣ, отъ кила до ватеръ-вейса, дубовая; кромѣ того, эта дубовая обшивка имѣетъ нѣсколько поясовъ, какъ подъ водой, такъ и надъ водой при ватеръ-линіи утолщенныхъ на дюймъ противъ прочихъ и эта часть называется у норвежцевъ ледяной обшивкой, такъ какъ она, главнымъ образомъ, подвергается дѣйствию льда, и именно какъ давленію, такъ и тренію. Носовая часть судна имѣетъ особое ледяное крѣпленіе, состоящее изъ 24-хъ, по 12 шт. на сторону, толстыхъ дубовыхъ брусевъ, поставленныхъ въ вертикальной плоскости на внутреннюю обшивку и пропущенныхъ отъ кила вверхъ выше бимсовъ второй палубы, связанныхъ сосновыми привальными брусьями, съ наложенными на нихъ толстыми дубовыми бимсами на 3 фута ниже противъ второй палубы. Снаружи носовая часть обшита толстымъ листовымъ и полосовымъ желѣзомъ по обѣ стороны ватеръ-линіи, вверхъ и внизъ. Бимсы къ набору и обшивкѣ прикрѣплены толстыми деревянными кокорами-кницами вертикальными и горизонтальными; бимсы же нижней палубы, кромѣ того, имѣютъ по четыре пары на сторону особыхъ толстыхъ желѣзныхъ кницъ $2\frac{1}{2}'' \times \frac{3}{4}''$, развѣтвляющихся каждая подъ бимсами на двѣ вѣтки, идущія діагонально на носъ и на корму по внутренней обшивкѣ почти до кильсона.

Размѣры корабля слѣдующіе: длина 133,3 фута, наибольшая ширина — 30,2 фута, углубленіе интрюма — 15,6 футъ, водоизмѣщеніе — 273 тонны. Въ полномъ грузу судно имѣетъ осадку кормой — 14 футъ.

Судно снабжено паровой машиной въ 290 лощ. силъ, развивающей при тихой погодѣ 5—6 узловъ хода, что вполне достаточно для маневрированія во льдахъ при маловѣтріи.

До 1906 года «Св. Фока» по вооруженію представлялъ изъ себя трехмачтовый парусный океанскій баркъ съ бѣлой бочкой, укрѣпленной на вершинѣ гротъ-брамъ-стѣнки и служащей постояннымъ мѣстомъ наблюденія за расположеніемъ льдовъ и звѣрей.

Въ этомъ же году старое барковое вооруженіе съ громоздкими неповоротливыми реями и прямыми парусами, требовавшими при маневрированіи много матросовъ, было замѣнено соотвѣтствующимъ двухъ-мачтовымъ вооруженіемъ, а именно: гротомъ, брифокомъ, двумя топселями, косымъ фокомъ (или фока-стакселемъ),

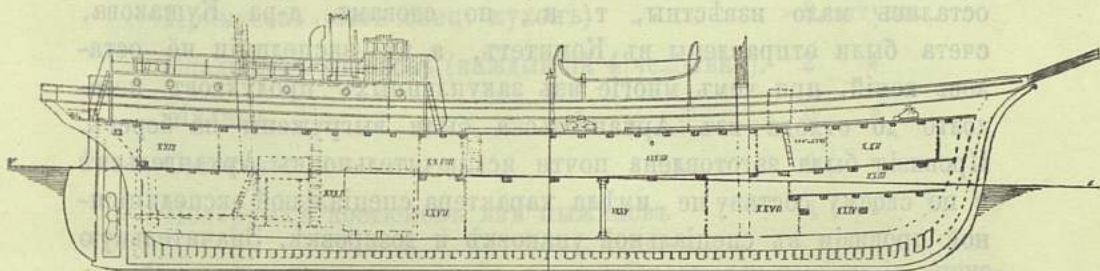
кливеромъ, бомъ-кливеромъ и летучимъ кливеромъ. Въмѣсто старой кормовой рубки, съ тремя каютами, была построена новая рубка съ соответствующимъ размѣщеніемъ каютъ для каютъ-компаніи, начальника и ассистента экспедиціи, для капитана и его помощ-

«Св. Фока» въ Карскомъ морѣ на службѣ Мурманской научно-промысловой экспедиціи въ 1908 году.

никовъ и для зоологической и гидрологической лабораторій и друг. помѣщений, требуемыхъ спеціальнымъ назначеніемъ судна, при чемъ было проведено во всѣ жилыя помѣщенія паровое отопленіе.

Остается еще упомянуть, что судно — двухпалубное, изъ которыхъ нижняя непостоянная, а устроена изъ съемныхъ люковъ съ толстыми дубовыми постоянными бимсами. Кубрикъ на 20 человекъ команды расположенъ въ носовой части въ палубѣ, здѣсь же находятся и различныя кладовыя; все остальное пространство въ носу занято подъ грузовой трюмъ для сала. Кормовая часть въ палубѣ на протяженіи 30 футъ занята машиной, котломъ и угольными ямами. Весь грузовой трюмъ до нижней палубы заполненъ желѣзными лекальными систернами для погрузки сала. Водотливныя средства корабля, кромѣ машинныхъ помпъ, заключаются въ двухъ чугунныхъ помпахъ, установленныхъ на верхней палубѣ

Вертикальный разрѣзъ судна „Св. Фока“.

На кормовой части верхней палубы — жилыя помѣщенія членовъ экспедиціи, ххii — помѣщеніе для команды, ххiii — кладовая для муки, ххiv — цѣпные ящики, ххv — крыйтъ-камера, ххvi — провизіонная каюта, ххvii — угольныя ямы, ххviii и ххix — кладовыя судовыхъ принадлежностей, ххxi — машина и котель, ххxiii и ххxv — трюмы.

и работающих вмѣстѣ однимъ коленчатымъ валомъ съ двумя большими маховыми колесами. Три якоря и цѣпи выкатываются изъ воды установленнымъ на бакѣ брашпилемъ съ передаточной цѣпью на паровую лебедку.

Хотя въ теченіе періода, когда «Св. Фока» находился въ рукахъ шкипера Дикина, онъ претерпѣлъ нѣсколько аварийъ отъ напора льдовъ около скалистыхъ береговъ Мурмана, которыя не были должнымъ образомъ исправлены, а также не подвергался необходимому ремонту, тѣмъ не менѣе судно это къ моменту кампаніи Г. Я. Сѣдова было еще достаточно прочнымъ для того, чтобы совершить плаваніе къ Землѣ Франца - Иосифа. Если корпусъ судна и подвергался отъ дѣйствія времени порчѣ, то преимущественно въ надводныхъ своихъ частяхъ; что же касается подводной части, то сосновая и дубовая породы, изъ которыхъ онъ построенъ, оставались не тронутыми ни гніе-

ніемъ, ни древоточицей, внутреннія же части обшивки, какъ автору настоящихъ строкъ пришлось лично убѣдиться въ 1905 г. во время ремонта судна, оказались весьма хорошо сохранившимися, мѣстами просинѣвшими и значительно просалившимися. Надо полагать, что послѣднее обстоятельство имѣло не малое влияние на сохраненіе дерева отъ гніенія, такъ какъ въ теченіе 34 лѣтъ на палубахъ этого судна ежегодно лилось сало при операціяхъ сниманія его со шкуръ, которое какъ весьма ходкій матеріалъ въ изобиліи проникало во всѣ щели, пазы и стыки и заполняло собою всѣ поры дерева.

Что касается снаряженія экспедиціи, то подробности его намъ остались мало извѣстны, т. к., по словамъ д-ра Кушакова, счета были отправлены въ Комитетъ, а въ экспедиціи не осталось копій, при чемъ многіе изъ закупленныхъ продуктовъ незадолго до отхода изъ Архангельска были выгружены на берегъ. Провизія была заготовлена почти исключительно въ Архангельскѣ и по своему составу не имѣла характера спеціальной экспедиціонной провизіи въ спеціальной упаковкѣ и дозировкѣ. Значительную часть этой провизіи составляли солонина и соленая рыба, а также обыкновенные сухари и мука въ мѣшкахъ и куляхъ, кромѣ того были взяты въ большомъ количествѣ консервы фабрики бр. Вихоревыхъ, варенье, сушеные фрукты, различныя сладости и проч. Изъ питательныхъ препаратовъ слѣдуетъ отмѣтить мясной порошокъ Скорикова. Одежда и шерстяное бѣлье были изготовлены въ Архангельскѣ, при чемъ, теплое платье и обувь были запасены только на 1 годъ и только для 14 человѣкъ, составлявшихъ главное ядро экспедиціи. Многое изъ поставленнаго архангельскими фирмами по части провизіи и теплаго платья и бѣлья оказалось весьма недоброкачественнымъ. Трагизмъ этого явленія заключается въ томъ, что настоящей контрольной пріемки этихъ товаровъ не было и недоброкачественность поставокъ обнаружилась только во время зимовки съ 1912 на 1913 годъ на Новой Землѣ.

Навигаціонные и съемочные инструменты и часть метеорологическихъ и гидрологическихъ инструментовъ была получена изъ Главнаго Гидрографическаго Управленія, остальная часть метеорологическихъ и гидрологическихъ инструментовъ — отъ Главной Физической Обсерваторіи и отъ Отдѣла Торговыхъ портовъ. Ученый персоналъ былъ снабженъ снаряженіемъ ихъ спеціальности. Былъ взятъ съ собой также кинематографъ и полное фотографическое снаряженіе.

Собственно экспедиціонное снаряженіе, т. е. снаряженіе полюсной партіи и другихъ экспедиціонныхъ партій, заключалось въ слѣдующемъ:

Палатокъ на 4 человѣка.	1 штука.
» » 10 »	1 »
» » 12 »	1 »
Нартъ норвежскихъ	6 »
Каяковъ »	4 »
Лыжъ »	10 паръ.
Примусовъ (безъ спец. кухонъ)	3 штуки.
Спальныхъ мѣшковъ (каждый на 4 человѣка).	2 »
Малиць	8 »
Совиковъ.	4 »
Полярныхъ костюмовъ изъ пыжиковъ	4 »

Не имѣлось въ экспедиціи ни приборовъ для измѣренія скорости движенія санныхъ партій (одометровъ), ни походныхъ кухонъ, ни специальной посуды. Палатки, какъ мы узнали отъ П. Г. Кушакова, пришлось во время первой зимовки перешивать на меньшее число людей, а за отсутствіемъ достаточнаго количества спальныхъ мѣшковъ—обходиться на экскурсіяхъ малицами, т. е. пубами въ родѣ мѣшковъ, и страдать въ нихъ во время ночевокъ отъ холода. Остается еще отмѣтить, что въ экспедиціи ощущался недостатокъ печей, всего было взято три норвежскія чугунки, паровое же отопленіе за недостаткомъ угля не функционировало. Не доставало экспедиціи также и необходимаго числа лампъ.

Охотничье снаряженіе было обычное въ подобныхъ плаваніяхъ. Небольшая бібліотека заключала въ себѣ по преимуществу книги классическаго содержанія и сравнительно мало книгъ по изслѣдованіямъ полярныхъ странъ. Изъ 80 собакъ только 30 были собаки западно-сибирской породы, остальную часть составлялъ всякій сбродъ изъ городскихъ собакъ, очень мало пригодныхъ для упряжной службы.

Хотя «Св. Фока» и можетъ брать до 10.000 пудовъ угля, какъ это обыкновенно онъ дѣлалъ, выходя на звѣринный промыселъ, однако въ данномъ случаѣ онъ вышелъ съ запасомъ лишь въ 7.000 пуд., что могло хватить не болѣе какъ на 23—25 ходовыхъ дней.

Такой ничтожный запас угля пришлось взять вслѣдствіе перегрузки судна предметами снаряженія. Не была принята экспедиціей также и радиостанція, не пришедшая изъ Петрограда въ Архангельскъ ко дню отхода «Св. Фоки».

Въ дальнѣйшемъ изложеніи общаго хода экспедиціи мы будемъ придерживаться, по возможности, преимущественно данныхъ, собственноручно записанныхъ Г. Я. Сѣдовымъ въ особую книгу приказовъ по экспедиціи, а также данныхъ изъ краткихъ отчетовъ, составленныхъ участниками ея, которые въ наше распоряженіе были представлены П. Г. Кушаковымъ.

II.

Экспедиція снаряжалась въ Архангельскѣ, въ Соломбалѣ, и вышла изъ этого порта, вмѣсто 8-го, какъ было назначено, 14 августа 1912 года.

Вотъ подлинныя слова Г. Я. Сѣдова, занесенныя имъ въ книгу приказовъ въ этотъ день:

«Сегодня отплываетъ первая русская экспедиція къ Сѣверному полюсу, снаряженная на средства особаго комитета подъ предсѣдательствомъ Михаила Алексѣевича Суворина. Комитетъ за краткостью времени не имѣлъ возможности собрать путемъ частныхъ пожертвованій достаточныхъ средствъ на снаряженіе экспедиціи, а потому принужденъ былъ или выдать долговыя обязательства, или затратить личныя средства отдѣльныхъ его членовъ. Во всякомъ случаѣ такъ или иначе Комитетъ довелъ свое дѣло до конца—осуществилъ великую идею Ломоносова, далъ возможность впервые развернуться трехцвѣтному русскому знамени за обладаніе Сѣвернымъ Ледовитымъ океаномъ вплоть до полюса. И эта работа, работа по водруженію нашего отечественнаго флага на почетномъ мѣстѣ для Россіи, на мѣстѣ, гдѣ ни одинъ флагъ еще никогда не развѣвался, поручена намъ,—участникамъ первой русской экспедиціи къ Сѣверному Полюсу.

Конечно, экспедиція, во главѣ которой стоятъ выпала большая честь на мою долю, я увѣренъ, съ гордостью, по мѣрѣ своихъ силъ, выполнить это почетное порученіе и тѣмъ оправдать высокое довѣріе жертвователей, которое на насъ возлагается, какъ съ точки зрѣнія идейнаго величія страны, такъ и научныхъ работъ въ неизвѣстныхъ заполярныхъ областяхъ.

Кромѣ того, на экспедицію возлагается вмѣстѣ съ симъ и нравственный долгъ возмѣстить впоследствии добытыми научными и другими матеріалами, отчетомъ экспедиціи и звѣровымъ промысломъ тѣ долги Комитета, которые почему либо не будутъ покрыты до возвращенія экспедиціи обратно. Вслѣдствіе этого объявляю по экспедиціи для свѣдѣнія, что всѣ добытые матеріалы экспедиціи въ чемъ бы они ни заключались и промыселъ не являются собственностью отдѣльныхъ лицъ, а представляютъ собою всецѣло достояніе экспедиціи.

Передъ отходомъ судна «Св. Фока» изъ Архангельска.

Для прохожденія службы въ экспедиціи и взаимоотношеніи ея начальника, участниковъ и команды полагаю необходимымъ для пользы дѣла и для общаго благополучія примѣнить во всей строгости Морской Уставъ (Кн. X Св. Морск. Пост.).

Приурочиваю нашу экспедицію къ военному судну, находящемуся въ отдѣльномъ плаваніи, памятуя, что только при соблюденіи вполне опредѣленныхъ правилъ и строгой дисциплины служба въ такомъ исключительномъ плаваніи можетъ кончиться для всѣхъ благополучно... Гдѣ порядокъ, тамъ побѣда!

Въ заключеніе долженъ сказать, что успѣхъ нашей экспедиціи не будетъ зависѣть всетаки и отъ тѣхъ строгихъ мѣръ и порядка, которые я примѣняю въ данномъ случаѣ, а исключительно отъ долга совѣсти каждаго участника и рабочаго, отъ непринужденнаго

старанія, отъ свободнаго, убѣжденнаго труда на благо отечества и науки.

Поэтому я и обращаюсь здѣсь ко всѣмъ участникамъ экспедиціи и рабочимъ съ глубокой просьбой дружно объединиться въ сознаніи общаго долга усердно работать и съ побѣдой выйти изъ начатаго нами дѣла. Я же всюду съ вами и впереди васъ. Богъ въ помощь!.. Въ добрый часъ»!..

Океанъ встрѣтилъ «Св. Фоку» очень сурово—сильнымъ штормомъ отъ норда, принудившимъ искать убѣжища въ Трехъ-островахъ, ибо слабая машина не могла выгребать противъ вѣтра. Здѣсь судно простояло до 17 августа. Выйдя затѣмъ въ море и взявъ курсъ на Крестовую Губу на Новой Землѣ, «Св. Фока» былъ встрѣченъ новымъ штормомъ, которымъ его свалило къ востоку и принудило зайти въ Бѣлушью Губу (что въ южной части Новой Земли) и отстаиваться здѣсь до 24 августа. Въ Крестовую губу пришли лишь 28 августа, гдѣ опять по разнымъ причинамъ простояли до 30 августа. Здѣсь пятеро изъ состава команды за болѣзнями и негодностью были списаны съ судна и съ ближайшимъ пароходомъ, совершающимъ сюда срочный рейсъ, отправлены въ Архангельскъ¹⁾.

Переходъ изъ Бѣлушней губы въ Крестовую губу былъ также весьма тяжелый. Вотъ, что сообщаетъ Сѣдовъ изъ послѣдней своей стоянки начальнику Главнаго Гидрографическаго Управленія отъ 28 августа.

«По пути «Св. Фока» выдержалъ около Маточкина Шара жестокой штормъ отъ ОНО. Сбило волной двѣ шлюпки и порвало кливеръ. Наливаюсь водой и иду дальше на сѣверъ къ восточному берегу Земли Франца Іосифа и, въ случаѣ, если не встрѣчу здѣсь льдовъ, пройду въ Теплицъ-бай, гдѣ базировался герцогъ Абрुццкій, въ крайнемъ случаѣ высажусь гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ въ зависимости отъ состоянія льдовъ. Вся команда состоитъ изъ 22 человѣкъ, провизіи взято для нихъ на 2 года, топлива для парохода взято на 30 дней полнаго хода, такъ что въ виду недостатка времени, съ одной стороны, и неимѣнія топлива, съ другой—«Св. Фока», вѣроятно вынужденъ будетъ зимовать на Землѣ Франца Іосифа. Къ полюсу направимся на 60 собакахъ съ географомъ Визе и 2 матросами около 1 марта 1913 года. Экспедиція снабжена очень хорошо инструментами. Начали уже аккуратно вести мете-

¹⁾ Такимъ образомъ, изъ 27 человѣкъ экипажа, вышедшихъ изъ Архангельска, теперь на суднѣ осталось 22, фамиліи которыхъ мы привели выше.

орологическія и гидрологическія наблюденія. Въ Крестовой губѣ ¹⁾ нашелъ метеорологическую станцію, въ большому сожалѣнію, не дѣйствующую. Промышленники говорятъ, что ее разрушило вѣтромъ. Если удастся—сдѣлаю астрономическія наблюденія на сѣверной оконечности Новой Земли.

Просимъ Комитетъ на будущій годъ прислать пароходъ навѣстить насъ и привезти угля, а также 3 человекъ, для метеорологическихъ наблюденій на станціи, которыхъ мы оставимъ послѣ себя на Землѣ Франца-Иосифа, чтобы не прерывать ихъ*.

Въ дальнѣйшемъ, какъ уже сказано, дабы не быть голословнымъ, мы приводимъ рядъ выписокъ изъ книги приказовъ Георгія Яковлевича, отражающихъ самымъ яркимъ образомъ всѣ главныя событія экспедиціи по день выхода въ походъ къ полюсу—2 февраля 1914 г. Такъ, 20 сентября 1912 г., у Панкратьевыхъ острововъ, въ бухтѣ «Св. Фоки» на Новой Землѣ, имъ занесено слѣдующее:

«Выйдя изъ Крестовой губы и слѣдуя курсомъ на сѣверъ вдоль западнаго берега Новой Земли, экспедиція встрѣтила первые льды у Крестовыхъ острововъ. Льды оказались настолько серьезными, что попытка пробиться сквозь нихъ нашимъ сравнительно слабымъ судномъ была бы напрасной работой. Поэтому экспедиція взяла курсъ на W, въ надеждѣ обойти ледъ съ запада. Пройдя этимъ курсомъ вдоль границы льдовъ около сутокъ, убѣдились, что ледъ тянется по параллели къ W на большое пространство. Съ другой же стороны ледъ какъ будто бы порѣдѣлъ. Поэтому экспедиція 2 сентября въ 4 часа утра вошла во льды, чтобы пробиться къ Землѣ Франца-Иосифа кратчайшимъ курсомъ. «Св. Фока» здѣсь показалъ себя между прочимъ весьма крѣпкимъ судномъ, свободно и легко выдерживавшимъ сильныя натиски и удары льда. Около 77° параллели встрѣтили сплошныя, непроходимыя льды, «Фока» былъ безсиленъ далѣе идти. Вслѣдствіе этого повернули обратно и 4 сентября въ 2 часа дня вышли изъ льда на чистую воду.

Не теряя надежды найти проходъ подъ берегомъ Новой Земли, взяли курсъ на мысъ Литке, но вскорѣ снова встрѣтили непроходимый ледъ, примыкавшій вплотную къ берегу. Поэтому принуждены были зайти въ Архангельскую губу и затѣмъ продвинулись между островами до полуострова Панкратьева, имѣя намѣреніе пройти проливами. Здѣсь изъ трехъ проливовъ два оказались въ

¹⁾ Здѣсь имѣется колонія Ольгино.

дѣйствительности перешейками, а третій—средній, довольно узкій, (100—150 саж.) сплошь забитый льдомъ.

Пошли обратно къ выходу въ море, чтобы еще разъ попытаться прорваться сквозь ледъ на сѣверъ, но, лавируя среди неизвѣстныхъ береговъ по невѣрной картѣ, приткнулись къ мели. Черезъ два дня снялись съ мели и снова попытались идти на сѣверъ, но упорные западные вѣтры такъ много нагнали льду къ берегу, что сразу пришлось отказаться отъ мысли сдѣлать что-либо въ этомъ направленіи, а ранніе, осенніе морозы, доходившіе до 15—18°, съ каждымъ днемъ сковывали льды все сильнѣе и сильнѣе; по всему стало видно, что дальше идти нѣтъ никакой возможности. Все испытано, все перепробовано.

Позднее время давало себя знать. Бухта, которую мы называли бухтой «Св. Фоки» будетъ нашей зимовкой, будетъ нашей тихой пристанью, да поможетъ она намъ благополучно перенести тяжелую полярную зиму съ трехмѣсячной непрерывной ночью. Скроется окончательно солнце 20 октября и снова заблеститъ 25 января 1913 года.

И такъ остаемся здѣсь, подъ 76° сѣверной широты и 60° восточной долготы *зимовать*... но «нѣтъ худа безъ добра».

Наша экспедиція, помимо достиженія полюса, преслѣдуетъ еще широкую научную работу, а такъ какъ Новая Земля, принадлежащая нашему отечеству, нуждается въ изслѣдованіи прежде всего, то мы и направимъ пока наши свѣжія силы на подробное и всестороннее ея изученіе.

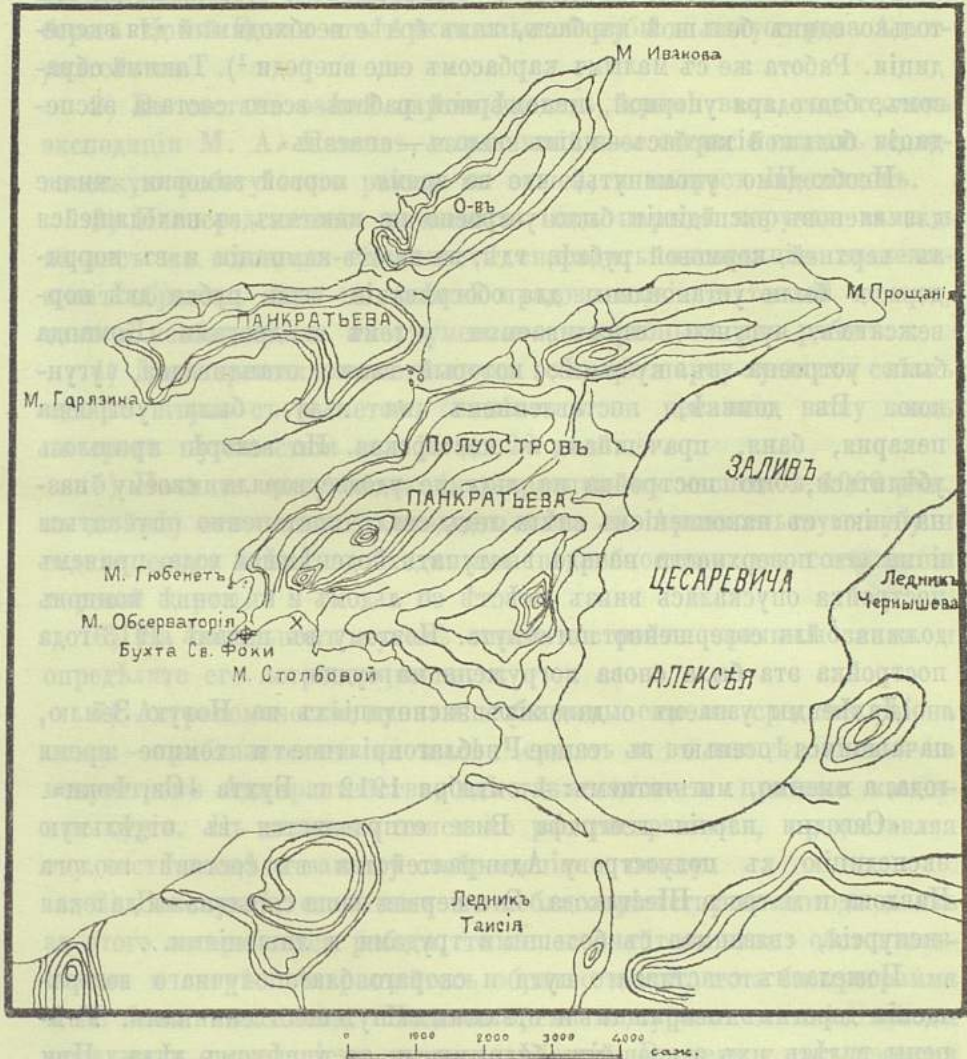
Вслѣдствіе чего убѣдительно прошу всѣхъ г.г. членовъ экспедиціи дружно взяться за дѣло, для котораго мы сюда пришли.

Команду призываю быть ближайшими и усерднѣйшими нашими помощниками. Надѣюсь что лихіе матросы не посрамятъ имя русскаго человѣка и своимъ усерднымъ трудомъ помогутъ намъ выполнить задачи экспедиціи на радость себѣ и на пользу дѣлу. Успѣхъ—наша награда!»

Не задолго до этого, а именно 11 сентября, въ книгу приказовъ Сѣдовымъ занесено о слѣдующемъ эпизодѣ:

«8-го сентября я съ географомъ Визе и однимъ матросомъ отправились на маломъ карбасѣ на берегъ для изслѣдованія острововъ Панкратьева. Не задолго до возвращенія нашего къ карбасу, подулъ сильный SW вѣтеръ, мѣшавшій намъ вернуться на судно. Несмотря на усиленную трех-часовую греблю, насъ все дальше и дальше отбрасывало назадъ. Въ виду того что судно стояло на

мели и, слѣдовательно, не могло къ намъ спуститься, съ него былъ посланъ за нами большой карбасъ съ полнымъ числомъ гребцовъ, который взялъ насъ на буксиръ. Но благодаря усилившемуся вѣтру и разгулявшейся волнѣ, большой карбасъ также не въ состояніи

X Зимовка "Св. Фоки" въ 1912 - 13 г.

⊕ Астрономич. пунктъ Лейтенанта Съдова.

былъ двигаться впередъ. Между тѣмъ со стороны судна надвигался на насъ густой ледъ. Въ силу такихъ обстоятельствъ оба карбаса немедленно были вытащены на большую льдину, стоявшую на мели, а люди поздней ночью перебрались на судно.

по льду. На другой день вѣтеръ затихъ и карбасы оказались невредимыми на льду въ разстояніи около версты отъ судна.

Вслѣдствіе того, что къ нимъ изъ за льда судно подойти не могло, рѣшено было тащить ихъ по льду къ судну. Однако, удалось дотащить послѣ суточной непрерывной, тяжелой работы только одинъ большой карбасъ, какъ болѣе необходимый для экспедиціи. Работа же съ малымъ карбасомъ еще впереди ¹⁾. Такимъ образомъ, благодаря упорной, непомѣрной работѣ всего состава экспедиціи большой карбасъ—нашъ оплотъ—спасенъ».

Необходимо упомянуть, что во время первой зимовки, жилье для членовъ экспедиціи было устроено по каютамъ въ находящейся въ верхней кормовой рубкѣ, гдѣ, въ каютъ-кампаніи и въ корридорахъ были установлены для обогрѣванія всей рубки двѣ норвежскихъ, чугунокъ, отопляемыхъ углемъ и дровами. Команда была устроена въ кубрикѣ, который также отоплялся чугуною. Въ домикѣ, поставленномъ на льду, была устроена пекарня, баня, прачешная и мастерская. Но вскорѣ пришлось убѣдиться, что постройка на льду не удовлетворяла своему назначенію: съ накопленіемъ снѣга ледъ сталъ постепенно опускаться и на его поверхности начала выступать подснѣжная вода, причѣмъ постройка опускалась внизъ вмѣстѣ со льдомъ и въ концѣ концовъ должна была совершенно погибнуть. Поэтому въ началѣ 1913 года постройка эта была снова погружена на судно.

Далѣе мы узнаемъ о далекихъ экспедиціяхъ на Новую Землю, начавшихся осенью въ самое неблагоприятное и темное время года, а именно, мы читаемъ: 4 октября 1912 г. Бухта «Св. Фоки».

«Сегодня партія географа Визе отправляется въ отдѣльную экспедицію къ полуострову Адмиралтейства въ составѣ геолога Павлова и матроса Шестакова. Это первая наша серьезная и далекая экскурсія, связанная съ большими трудами и лишеніями...

Пожелаемъ счастливаго пути и скорого благополучнаго возвращенія дорогимъ товарищамъ и отважнымъ путешественникамъ. Увѣрены видѣть ихъ здоровыми, бодрыми и съ успѣхомъ дѣла. При семъ объявляю инструкцію начальнику партіи В. Ю. Визе».

¹⁾ Вслѣдствіи былъ спасенъ и этотъ карбасъ.

Инструкція.

1) «Милостивый государь, Владимиръ Юльевичъ, сего числа вы отправляетесь въ отдѣльную экспедицію для описи Западнаго берега Новой Земли отъ Архангельской губы до полуострова Адмиралтейства.

2) Въ составъ вашей партіи входятъ, кромѣ васъ, еще геологъ экспедиціи М. А. Павловъ, выразившій свое согласіе связать геологическую работу этого района въ вашей, и матросъ Шестаковъ.

3) Непосредственное начальство надъ партіей поручаю вамъ и на васъ же возлагаю обязанности снарядить экспедицію надлежащимъ образомъ какъ въ смыслѣ продовольствія и теплой одежды, такъ и необходимыхъ инструментовъ, потребныхъ для работъ.

4) Для перевозки вашего груза возьмите нарту лучшихъ собакъ изъ 10 штукъ съ расчетомъ помѣстить на нее всю вашу кладь на срокъ путешествія отъ 15 до 20 дней.

5) Начните вашу опись (маршрутную въ масштабѣ 1000 саж. въ дюймѣ) отъ южнаго входнаго мыса въ Архангельскую губу и ведите ее со всѣми необходимыми подробностями для составленія морской карты.

6) На начальномъ пунктѣ описи постройте прочный знакъ и опредѣлите его астрономически.

7) Астрономическіе пункты необходимы еще въ срединѣ района описи—приблизительно на мысѣ Черномъ и въ концѣ описи—на полуостровѣ Адмиралтейства, гдѣ также сложите прочные каменные гуріи. Въ деталяхъ описи не распространяюсь, предоставляя эту часть всецѣло вашему соображенію и опыту.

8) Въ случаѣ, если вамъ не поблагопріятствуетъ погода и изъ за этого затормозится работа, то не огорчайтесь этимъ обстоятельствомъ и скорѣе возвращайтесь обратно домой, хотя бы программа и не была выполнена. Позднее время и суровыя зимнія погоды послужатъ оправданіемъ вашихъ дѣйствій. Впереди у насъ времени много и эту работу въ крайнемъ случаѣ всегда можно будетъ выполнить весной.

9) Забота о личномъ здоровьѣ и о здоровьѣ вашихъ спутниковъ составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ пунктовъ программы путешествія.

10) По возвращеніи обратно вамъ надлежитъ весь ходъ вашего путешествія и работъ изложить мнѣ письменно».

Затѣмъ, 8 декабря Г. Я. Сѣдовъ съ двумя матросами, пользуясь луннымъ свѣтомъ, идетъ на мысъ Литке для астрономическихъ и магнитныхъ наблюденій, а еще позже идетъ въ экскурсію врачъ Кушаковъ, объ этомъ мы читаемъ въ книгѣ приказовъ слѣдующее:

10 января 1913 г. Бухта «Св. Фоки».

«Сего числа отбываетъ партія врача П. Г. Кушакова въ отдѣльную научно-промысловую экскурсію къ мысу Литке и далѣе на сѣверъ, смотря по обстоятельствамъ.

Основной задачей партіи является добытіе мѣстнаго звѣря съ цѣлью научныхъ изслѣдованій его жизни, съ одной стороны, и пополненія съѣстныхъ припасовъ экспедиціи свѣжимъ мясомъ, съ другой.

Въ составъ партіи входятъ, кромѣ начальника партіи П. Г. Кушакова, еще судовой штурманъ Н. М. Сахаровъ и два матроса — Григорій Линникъ и Платонъ Коноплевъ.

Въ виду господствующихъ сорокаградусныхъ морозовъ и еще не установившагося свѣтлаго времени, партіи придется перенести тяжелыя испытанія.

Поэтому отъ всей души пожелаемъ отважнымъ путешественникамъ и дорогимъ товарищамъ полного здоровья, благополучія и успѣха».

Инструкція.

1) «Милостивый государь, Павелъ Григорьевичъ! Сего числа вы отправляетесь съ вѣренной вамъ партіей въ отдѣльную научно-промысловую экскурсію къ мысу Литке и далѣе на сѣверъ, смотря по обстоятельствамъ.

2) Въ составъ партіи, какъ видно изъ приказа, входятъ кромѣ васъ, еще судовой штурманъ Н. М. Сахаровъ въ качествѣ ближайшаго вашего помощника и два опытныхъ матроса.

3) Непосредственное начальство надъ партіей поручаю вамъ и на васъ возлагаю обязанности снарядить партію надлежащимъ образомъ, какъ въ смыслѣ продовольствія и теплой одежды, такъ и необходимаго оружія, потребнаго для вашей цѣли.

4) Для передвиженія въ пути возьмите нарту лучшихъ собакъ, числомъ 14 штукъ. Этими же собаками пользуйтесь и при охотѣ на медвѣдя.

5) Путешествіе ваше должно продлиться не болѣе 15—20 дней, такъ какъ едва ли будетъ подъ силу человѣку выдержать долѣе

жизнь въ обыкновенной походной палаткѣ и на открытомъ воздухѣ при столь суровой стужѣ.

6) На ряду съ прямой вашей задачей на васъ, возлагаю также и обязанность производить попутно тщательное наблюденіе надъ состояніемъ воды и льдовъ въ океанѣ. Для этой цѣли необходимо подниматься на высокія прибрежныя горы, откуда въ бинокль обозрѣвать горизонтъ моря.

7) Въ случаѣ неудачной погоды или вообще неблагоприятныхъ обстоятельствъ, не рискуйте благополучіемъ партіи и возвращайтесь домой.

8) Забота о личномъ здоровьѣ, а также о здоровьѣ вашихъ спутниковъ, является однимъ изъ главнѣйшихъ пунктовъ программы вашего путешествія.

9) По возвращеніи обратно, вамъ надлежитъ весь ходъ вашего путешествія и его результаты изложить мнѣ письменно».

Поражаетъ преданность Сѣдова своему Комитету и главному его меценату М. А. Суворину, о которомъ, несмотря на всѣ невзгоды и лишенія отъ плохого снаряженія, Сѣдовъ не перестаетъ думать съ трогательною благодарностью. Такъ, онъ называетъ одну изъ бухтъ Панкратьева полуострова—Губой Суворина, а «Св. Мученика Фоку» переименовываеъ въ «Михаила Суворина», въ ознаменованіе чего и пишетъ нижеслѣдующій приказъ:

24 Февраля 1913 г. Бухта «Св. Фоки».

«Всѣмъ извѣстно, что наша экспедиція къ сѣверному полюсу снаряжена особымъ Комитетомъ лицъ, состоящихъ подъ руководствомъ просвѣщеннаго покровителя ея Михаила Алексѣевича Суворина.

Горячо сочувствуя дѣлу изслѣдованія крайняго сѣвера и видя въ этомъ изслѣдованіи неоспоримую пользу для своей родины и для науки, Михаилъ Алексѣевичъ положилъ много личного труда и искреннихъ заботъ на оборудованіе названной экспедиціи.

Такимъ образомъ, всѣмъ намъ, участникамъ этой экспедиціи, представилась нынѣ полная возможность удовлетворить вполне наше пылкое желаніе—принести свои молодыя силы и широкую отвагу дѣлу науки, дѣлу нашего дорогого отечества.

Въ настоящее время мы уже стоимъ на нашемъ пути лицомъ къ лицу съ жестокой полярной природой и боремся за честь и славу русскаго имени, взявшаго на себя эту тяжелую, непомѣрную работу. Этимъ удовольствіемъ мы обязаны: нашимъ жертвователямъ нашему Комитету и въ особенности его главѣ М. А. Суворину.

Зафрахтованное для экспедиціи судно «Св. Мученикъ Фока», нынѣ, вѣроятно, уже принадлежащее Комитету, является между участниками экспедиціи и Комитетомъ тѣмъ неразрывнымъ звеномъ, которое связываетъ согласіе и дружбу обѣихъ сторонъ на пользу общаго задуманнаго дѣла.

Пусть же будетъ это согласіе и дружба намъ болѣе близкими, болѣе родственными, пусть будетъ это звено,—это судно «Св. Мученикъ Фока» отнынѣ, по справедливости, называться «Михаиль Суворинъ» о чемъ по экспедиціи объявляю».

Изъ экскурсій слѣдуетъ далѣе отмѣтить, что 5 марта 1913 г. Сѣдовъ и художникъ Пинегинъ отправляются на Южно-Крестовые острова съ гидрографическою и промысловою цѣлью, а географъ Визе и геологъ Павловъ—въ прибрежныя горы для изученія глетчеровъ.

Далѣе, какъ намъ повѣствуетъ книга приказовъ Сѣдова, тѣ же оба изслѣдователя предпринимаютъ новую большую экскурсію 17 марта 1913 г., а именно: «сего числа», пишетъ Сѣдовъ, «отбываютъ двѣ партіи нашей экспедиціи въ научныя, продолжительныя экскурсіи. Одна подъ начальствомъ географа В. Ю. Визе—для описи восточнаго берега Новой Земли (Карская сторона), отъ 75°0 параллели до мыса Желанія, а другая подъ начальствомъ геолога М. А. Павлова—для геологическаго изслѣдованія внутренняго покрова Новой Земли съ выходами къ восточному и западному ея берегамъ въ нѣсколькихъ пунктахъ.

Эти партіи посѣтятъ, насколько исторически извѣстно, впервые таинственныя мѣста Новой Земли и разрѣшатъ доннынѣ тяготящія надъ ними научныя вопросы о состояніи этихъ загадочныхъ областей.

Такимъ образомъ, выполнить эту во всѣхъ отношеніяхъ важную работу, съ одной стороны, заманчиво и пріятно, но, съ другой, весьма тяжело и даже рискованно для жизни.

Учитывая то добровольное и весьма охотное желаніе къ этому путешествію участниковъ партіи, ихъ горячій пылъ познать неизвѣстное и энергію преодолѣть тяжелое, приходится думать, что цѣль будетъ по силѣ возможности достигнута, ибо «терпѣніе и трудъ все перетрутъ».

Остается только пожелать отважнымъ путешественникамъ и дорогимъ товарищамъ полного здоровья и скорого, благополучнаго, побѣднаго возвращенія. При семъ объявляю инструкціи начальникамъ партій».

Инструкція.

1) «Милостивый Государь Владиміръ Юльевичъ!»

Сегодня вы отправляетесь въ сопровожденіи матроса Платона Коноплева въ отдѣльную научную экспедицію на переваль черезъ Новую Землю до берега Карскаго моря и далѣе по этому берегу на сѣверъ до мыса Желанія.

2) На васъ возлагается отвѣтственная забота снабдить свою партію необходимымъ запасомъ продовольствія, какъ для людей, такъ и для собакъ, приблизительно на время отъ 30 до 45 дней, въ зависимости отъ грузоподъемности десяти-собачьей парты, тяжесть которой отнюдь не должна превышать двадцати пудовъ, а также снабдить теплымъ платьемъ, обувью, всѣми необходимыми инструментами научными и хозяйственными и всѣмъ прочимъ, что Вы найдете необходимымъ для блага партіи.

3) Главная цѣль вашей экскурсіи заключается въ томъ, чтобы произвести маршрутную опись восточнаго берега Новой Земли, начиная приблизительно отъ $75,5^{\circ}$ параллели, на сѣверъ до мыса Желанія. Масштабъ описи пять верстъ въ дюймѣ.

4) На начальномъ пунктѣ описи (отшедшій пунктъ) сложите гурій съ крестомъ, на которомъ сдѣлайте соответствующую надпись. Этотъ пунктъ опредѣлите астрономически. По пути вашего маршрута засѣкайте по возможности всѣ видимыя горы и особенное вниманіе обращайтесь на прибрежные камни и островки. Зарисовывайте подробно характеръ берега, опредѣляйте его высоту и вообще соблюдайте всѣ детали, чтобы Ваша работа вполне отвѣчала современнымъ требованіямъ гидрографіи. Что касается метеорологическихъ замѣчаній, то для васъ, если добавить просьбу еще наблюдать состояніе льдовъ въ морѣ, какъ стоящему во главѣ этого дѣла, является вполне понятной вся важность этихъ наблюденій.

5) Астрономическіе пункты опредѣлите по возможности, кромѣ начального, еще на мысѣ Миддендорфа, на мысѣ Константинъ и на мысѣ Желанія. При астрономическихъ пунктахъ опредѣляйте и склоненіе компаса. Если съ астрономическихъ пунктовъ будутъ видны горы на западной сторонѣ Новой Земли, то возьмите пеленги этихъ горъ, т. е. онѣ могутъ быть опредѣлены экспедиціей съ достаточной точностью съ этой стороны и слѣдовательно вашъ азимутъ можетъ служить контролирующей засѣчкой самого пункта.

6) У мыса Желанія разсчитывайте встрѣтиться со мной, куда я думаю дойти раньше васъ по западному берегу Новой Земли. Здѣсь я построю свой гурій съ крестомъ и опредѣлю его астрономически, поэтому вы вашу опись привязывайте прямо къ этому пункту, а затѣмъ постарайтесь меня найти по запискѣ, оставленной мною у гурія. Возможно, что я буду на Оранскихъ островахъ. Намъ необходимо сличить наши хронометры. Будемъ возвращаться обратно вмѣстѣ. Если же меня не найдете, то не теряя цѣннаго времени,—возвращайтесь домой самостоятельно тѣмъ маршрутомъ, который выберете для себя болѣе легкимъ и кратчайшимъ.

7) Во всѣхъ вопросахъ, при разрѣшеніи вашей задачи, вы поступаете совершенно самостоятельно, сообразуясь съ обстоятельствами погоды и временемъ, хотя бы въ ущербъ настоящей инструкціи, лишь бы ваши дѣйствія вели партію къ благополучію и успѣху. Въ случаѣ какой либо насущной нужды или аварии, прекращайте работу и возвращайтесь немедленно обратно.

8) По возвращеніи, вамъ надлежитъ представить мнѣ краткій отчетъ о вашемъ путешествіи*.

Инструкция.

1) «Милостивый Государь, Михаилъ Алексѣевичъ!

Сегодня вы отправляетесь, въ сопровожденіи матроса Григорія Линника въ отдѣльную научную экскурсію на внутренній покровъ Новой Земли, въ область, приблизительно заключаемую между 75° и 76° параллелями и западнымъ и восточнымъ берегами о-ва.

2) Главная цѣль вашего похода заключается въ томъ, чтобы произвести по возможности подробное геологическое изслѣдованіе этой области и выяснить состояніе и характеръ ея внутренняго покрова, а также выходы къ берегамъ.

Программу и самый методъ этихъ работъ не считаю себя компетентнымъ излагать вамъ здѣсь, а потому, предоставляя этотъ вопросъ исключительно вашему просвѣщенному воззрѣнію, ограничиваю свою инструкцію лишь указаніями общими.

3) На васъ возлагается отвѣтственная работа снабдить свою партію необходимымъ запасомъ продовольствія, какъ для людей, такъ и для собакъ, приблизительно на время около тридцати дней, въ зависимости отъ грузоподъемности десяти-собачьей парты, тяжесть которой отнюдь не должна превышать двадцати пудовъ,—а такъ

же теплымъ платьемъ и обувью, всѣми необходимыми инструментами, научными и хозяйственными и всѣмъ прочимъ, чѣмъ вы найдете необходимымъ снабдиться для блага партіи.

4) Во время пути ведите общую маршрутную съемку въ масштабъ пять верстъ въ дюймѣ, а подробности снимайте въ масштабъ болѣе крупномъ, въ зависимости отъ геологическихъ требованій и вашего личнаго соображенія. Опредѣляйте склоненія компаса и ведите метеорологическія наблюденія. Нивелировка мѣстности составляетъ немаловажный вопросъ при изученіи земли, а потому обратите и на эту часть ваше вниманіе. Отшедшій пунктъ маршрута привяжите къ опредѣленнымъ уже здѣсь знакамъ, а пришедшій (выходъ на берегъ Карскаго моря) привяжите къ астрономическому пункту географа Визе, который одновременно съ вами выступаетъ въ этомъ-же направленіи. Средину вашего маршрута привяжите по возможности засѣчками къ видимымъ по берегамъ высокимъ горамъ, которыя могутъ быть опредѣлены съ одной стороны мною, а съ другой—географомъ Визе.

При соблюденіи всѣхъ этихъ условій вашъ маршрутъ можетъ быть вполне опредѣленно нанесенъ на карту и изслѣдованная вами область такимъ образомъ будетъ достаточно освѣщена съ научной стороны.

5) Во всѣхъ вопросахъ, при разрѣшеніи вашей задачи руководствуйтесь вполне самостоятельно своими личными соображеніями, примѣняясь къ обстоятельствамъ погоды и времени, хотя бы это шло въ разрѣзъ съ настоящей инструкціей, но на благо партіи и для успѣха дѣла. Въ случаѣ какой либо насущной нужды, или аварии, прекращайте работу и возвращайтесь обратно.

6) По возвращеніи обратно вамъ надлежитъ представить мнѣ краткій отчетъ о ходѣ вашего путешествія».

Вслѣдъ за этой партіей, а именно 19 марта 1913 г., самъ Сѣдовъ выступилъ, въ сопровожденіи боцмана Андрея Инютина, въ экскурсію для изслѣдованія западнаго берега Новой Земли вплоть до мыса Желанія.

Черезъ мѣсяцъ Сѣдовъ достигъ этого мыса и соорудилъ здѣсь на своемъ астрономическомъ пунктѣ крестъ. Не встрѣтивъ на м. Желанія географа Визе, какъ было условлено (см. инструкция на стр. 39), Сѣдовъ прошелъ къ югу ему навстрѣчу по карской сторонѣ Новой Земли до мыса Виссингеръ-Гофтъ, нанеся на карту и этотъ берегъ. Какъ оказалось, г. Визе помѣшали двигаться на сѣверъ неблагоприятныя условія погоды, почему онъ и ограничилъ свою

работу райономъ залива, названнаго имъ заливомъ Власьева, и карскаго берега къ югу отъ него (см. планъ на стр. 66). На этой экскурсіи Сѣдовъ опредѣлилъ 4 астрономическихъ и столько же магнитныхъ пунктовъ, выяснивъ положеніе горнаго хребта въ этой части Новой Земли и опредѣлилъ высоты главнѣйшихъ горъ. Высота горъ въ гавани Маака, по его свѣдѣтельству, достигаетъ 3,000 футъ (гора Липперта), понижаясь затѣмъ къ сѣверу. Далѣе онъ рассказываетъ въ частномъ письмѣ, что онъ и его спутникъ «много выстрадали на этомъ пути и были близки къ смерти»... «я тоже постепенно терялъ силы, такъ какъ провізія вся, кромѣ бульона Скорикова, израсходовалась... Питались однимъ бульономъ и съ удовольствіемъ мечтали о сухарѣ. Собакъ кормили галетами Скорикова кое-какъ черезъ два дня на третій, голодъ ихъ доходилъ до апогея». — «Какъ-то провалились у ледника, который я назвалъ «Вѣра», со всѣмъ, съ нартой, собаками, сами тоже болтались въ водѣ. Морозу 12° Ц., вѣтеръ со снѣгомъ. Картина страшная». — «Въ концѣ концовъ, волею Бога, спаслись всѣ. Ящикъ съ хронометрами лежалъ сверху нарты, а въ нихъ хранились всѣ документы съемки, и это все не подмокло, все же остальное перемокло и потомъ смерзлось. Мы сами, положимъ, были не лучше. Въ такомъ видѣ мы добрались до мыса Медвѣжьяго (это было на обратномъ пути) и два дня здѣсь отогрѣвались плавникомъ. Керосину у насъ уже давно не было. Дальше судьба насъ взяла подъ свое покровительство—мы убили медвѣдя. Откормили собакъ и сами отѣлись на славу, а изъ ворвани устроили себѣ отопленіе палатки, отчего вскорѣ стали черными, какъ негры».

15-го мая 1913 г. Сѣдовъ съ боцманомъ Иниутинымъ возвратился на «Св. Фоку». Сѣдовъ потерялъ за время похода 36 фунтовъ вѣсу и отморозилъ себѣ лицо и пальцы на ногахъ.

Эта экскурсія Сѣдова дала наиболѣе цѣнные результаты и, пожалуй, является наиболѣе тяжелой по условіямъ обстановки. Разстояніе отъ мѣста зимовки «Св. Фоки», около Панкратьева полуострова, вдоль берега до мыса Желанія и далѣе до мыса Виссингеръ-Гофъ, въ оба конца, во всякомъ случаѣ, не менѣе 700 верстъ, которое партіей Сѣдова пройдено въ 63 дня; при этомъ имъ произведена маршрутная съемка въ масштабѣ 5 верстъ въ дюймѣ, опредѣлена высота нѣкоторыхъ горъ и мысовъ, опредѣлено четыре астрономическихъ и магнитныхъ пункта, — на мысѣ Литке, на мысѣ Утѣшенія, на Обсерваціонной горѣ (въ заливѣ

Иностранцева) и на мысъ Желанія,— которые связаны съ основнымъ астрономическимъ пунктомъ на мысъ Обсерваторномъ въ бухтѣ Св. Фоки (около мѣста зимовки экспедиціи), т. е. замкнуть хронометрический рейсъ. Эти наблюденія позволяютъ вывести широту и долготу упомянутыхъ мѣстъ. Съдовымъ также составленъ прилагаемый къ настоящему очерку планъ упомянутой маршрутной съемки означеннаго выше берегового района, который уже по одному тому представляетъ значительный географическій интересъ, что, наконецъ-то, сѣверо-западный и сѣверный берегъ Новой Земли, начинаясь у мыса Нассау, лежащаго нѣсколько сѣвернѣе полуострова Панкратьева, и оканчиваясь къ югу у мыса Виссингеръ-Гофъ, дождался маршрутной съемки. До этого времени, какъ извѣстно, берегъ этотъ былъ нанесенъ лишь по случайнымъ съемкамъ съ моря, а именно: первое нанесеніе на карту сдѣлано голландцами, участниками экспедиціи Вилльяма Барентса въ 1596—97 г.г., а затѣмъ, если не считать полулегендарнаго путешествія вокругъ Новой Земли Саввы Лопкина около 1742 года, потратившаго на этотъ обходъ двѣ зимы и три лѣта, о которомъ не имѣется никакихъ документовъ, всѣ наши картографическіе матеріалы относительно этой части Новой Земли основываются на съемкахъ, произведенныхъ преимущественно въ 1871 году, во время лѣтней и осенней навигацій норвежскими капитанами Макомъ, Дёрма, Карльсеномъ, Э. и С. Иоганнесеномъ, Иаксеномъ и друг. На данныхъ этихъ изслѣдователей основываются всѣ современные, какъ русскія, такъ и иностранныя карты ¹⁾).

Очень возможно, что хронометрическая связь работъ Съдова съ Архангельскомъ и не окажется удовлетворительной и поэтому его работу придется издать отдѣльно, не связывая съ остальными картографическими изданіями Морского Вѣдомства по Новой Землѣ, тѣмъ не менѣе работа его и въ такомъ изданіи явится весьма цѣннымъ вкладомъ въ науку.

¹⁾ Сколько намъ извѣстно, карта этой части въ настоящемъ своемъ видѣ впервые появилась, въ масштабѣ 1:720000, въ журналѣ: «*Petermann's Geographische Mittheilungen*» Bd. 18. 1872 при статьѣ: «*Die neuen norwegischen Aufnahmen des nordöstlichen Theiles von Nowaja Semlja durch Mack, Dörma, Karlsen u. A. im 1871*». р. 395, Taf. 19 и 20. р. 395.

Эта статья напечатана въ переводѣ на русскій языкъ, вмѣстѣ съ картою, въ «Морскомъ Сборникѣ» въ 1873 году № 1 и 2, при чемъ къ ней написано Павломъ Козакевичемъ предисловіе съ историческими справками о плаваніяхъ, совершенныхъ въ разное время съ открытія острова вплоть до 1870 года. Л. В.

Далѣ мы видимъ изъ слѣдующаго приказа Сѣдова и приложенной инструкціи къ нему, съ какой заботой онъ отправлялъ на родину капитана Захарова, помощника механика Зандера и трехъ матросовъ, которые, какъ мы ниже узнаемъ, послѣ нелегкаго плаванія на шлюпкѣ, достигли 26 августа самоѣдскаго становища въ Маточкиномъ шарѣ, откуда и выѣхали 18 сентября со вторымъ срочнымъ рейсомъ на пароходѣ «Ольга» въ Архангельскъ. Посылая эту партію, Сѣдовъ рассчитывалъ, что она доберется до Архангельска съ первымъ рейсомъ срочнаго парохода и надѣялся, что со вторымъ рейсомъ ему успѣютъ доставить необходимый уголь и свѣжую провизію.

Вотъ текстъ этого приказа отъ 9 іюня 1913 г. «Командиръ судна экспедиціи, Николай Захаровъ, настоящимъ приказомъ освобождается отъ означенной должности и отправляется на родину, какъ закончившій свою миссію въ экспедиціи, тѣмъ болѣе, что эта командировка вполне согласуется съ его желаніемъ, съ одной стороны, а съ другой—даетъ возможность экспедиціи представить въ Комитетъ драгоцѣнные документы научныхъ работъ на Новой Землѣ за первую половину плаванія экспедиціи.

Вступая, такимъ образомъ, въ непосредственное командованіе судномъ экспедиціи, находящимся въ полной исправности, я съ сожалѣніемъ расстаюсь съ Николаемъ Петровичемъ, всегда относившимся къ своему дѣлу съ полнымъ вниманіемъ и аккуратностью, а осторожность, такъ необходимая въ полярномъ плаваніи, всюду являлась неразрывной его спутницей, приведшая въ концѣ концовъ судно къ благополучнымъ результатамъ.

Вмѣстѣ съ командиромъ судна отправляются на родину, по слабости здоровья, второй механикъ Мартынъ Андреевичъ Зандеръ и три матроса: Іоганъ Томиссаръ, Михаилъ Карзинъ и Василій Катаринъ. Экспедиція отъ всей души желаетъ дорогимъ сослуживцамъ и товарищамъ счастливаго пути и благополучнаго прибытія на родину и вмѣстѣ съ ними посылаетъ сердечный привѣтъ и наилучшія благопожеланія роднымъ и знакомымъ».

И н с т р у к ц і я.

«Милостивый государь, Николай Петровичъ! Сего числа вы отправляетесь на родину въ сопровожденіи механика М. Зандеръ и матросовъ: Карзина, Томиссара и Катарина. По отбытіи ва-

шемъ изъ экспедиціи—впредь до сдачи въ Комитетъ моихъ порученій, вамъ надлежитъ по возможности руководствоваться слѣдующими пунктами настоящей инструкціи:

1) Какъ средство передвиженія, возьмите судовую шлюпку въ полномъ вооруженіи, съ расчетомъ погрузить въ нее кромѣ людей еще всѣ запасы и имущество партіи.

2) Озаботьтесь снабженіемъ партіи провизіей на три мѣсяца, а также необходимыми матеріалами и одеждой. Кромѣ того захватите пульное и дробовое ружья съ принадлежностями.

3) Перечисленные въ началѣ инструкціи люди всецѣло подчиняются вамъ и жизнь ихъ ввѣряется вашей отвѣтственности. За проступки вашихъ людей, ведущіе къ неблагополучію партіи, и вообще за нарушеніе вашихъ распоряженій вамъ предоставляется законное право, какъ начальнику Отдѣльной партіи, наказывать ихъ денежными штрафами и другими мѣрами вплоть до преданія суду.

4) Во время путешествія не упускайте случая зарисовывать по возможности берега и тѣмъ пополнить гидрографическую работу экспедиціи.

5) Прибывъ въ Крестовую губу, вы располагаете дальнѣйшее ваше путешествіе на Мурманскомъ пароходѣ, о чемъ вамъ надлежитъ войти въ переговоры съ представителемъ архангельской губернской администраціи или съ командиромъ парохода.

6) Если не застанете Мурманскаго парохода, то устранивайтесь, если случится, на частномъ. Въ крайнемъ же случаѣ плывите на шлюпкѣ берегами съ необходимой осторожностью до Печоры.

7) Вамъ ввѣряется доставка въ Комитетъ отчетовъ и картъ работъ экспедиціи, а также почта. Это важное порученіе прошу выполнить какъ можно аккуратно.

8) По сдачѣ порученія, вы и ваши люди имѣете получить отъ Комитета слѣдующее вамъ содержаніе полностью, какъ выполнившіе службу въ экспедиціи, а также представить для оплаты счетъ, могущихъ случиться у васъ расходовъ. Въ случаѣ, если вамъ потребуются деньги въ пути, то о семъ телеграфируйте въ Комитетъ.

9) Настоящая инструкція должна быть представлена въ Комитетъ.

10) Все имущество сдайте на храненіе подъ расписку въ Дирекцію маяковъ въ Архангельскѣ, относительно чего вамъ надлежитъ войти въ переговоры съ Директоромъ, полковникомъ Престинымъ. Въ крайнемъ случаѣ испросите по телеграфу указанія Комитета.

11) О вашемъ путешествіи и гидрографическихъ замѣчаніяхъ вамъ надлежитъ представить въ Комитетъ соотвѣтствующій отчетъ».

Въ дѣйствительности, партія капитана Захарова не попала въ Крестовую губу, мимо которой она прошла въ туманѣ. Эта партія, какъ уже сказано выше, 26 августа благополучно достигла болѣе южно расположеннаго Маточина шара и отсюда отправилась на срочномъ пароходѣ въ Архангельскъ.

Въ слѣдующемъ приказѣ Сѣдовъ подводитъ итогъ произведенной за зиму и весну совокупной работѣ. Вотъ текстъ этого приказа.

18 іюня 1913 г. Бухта «Св. Фоки»

«Съ наступленіемъ весны, т. е. времени года сравнительно доступнаго здѣсь для производства научныхъ работъ не только при нашей базѣ, но и вѣѣ ея, весь личный составъ экспедиціи съ яснымъ и полнымъ сознаніемъ своего долга горячо взялся за дѣло.

Разрѣшеніе многихъ научныхъ вопросовъ, дремлющихъ вѣѣами въ полярныхъ странахъ, является одной изъ главныхъ задачъ экспедиціи. Поэтому, зимую на Новой Землѣ, мы прилагали всѣ свои силы къ тому, чтобы какъ можно шире использовать пребываніе здѣсь нашей экспедиціи, тѣмъ болѣе, что эта еще полувѣѣстная земля принадлежитъ нашему отечеству и отъ насъ больше чѣмъ отъ кого-либо ждетъ къ себѣ вниманія. Слѣдствіемъ такой постановки дѣла является, такимъ образомъ, помимо постоянныхъ научныхъ работъ всѣхъ частей экспедиціи при базѣ, еще цѣлый рядъ экскурсій—далекихъ, сопряженныхъ съ большими трудами и лишениями и близкихъ, или такъ называемыхъ домашнихъ.

На всѣ эти экскурсіи было затрачено много тяжелаго труда и цѣннаго здоровья офицеровъ и команды, какъ экскурсировавшихъ, такъ и остававшихся дома. Каждый человѣкъ вкладывалъ въ дѣло экскурсіи послѣднія свои силы, каждый дѣлалъ все, что могъ, объ этомъ краснорѣчиво говорятъ результаты походовъ среди не очень гостепріимной природы Новой Земли подъ 76° сѣверной широты и не совсѣмъ удобной дороги. Трудность такихъ походовъ здѣсь въ это время можетъ себѣ ясно представить только тотъ, кто на себѣ лично испыталъ всю тяжесть полярной, суровой природы и тому лишь только будетъ вполне понятно, съ какими лишениями добываются въ этихъ походахъ научные матеріалы, говоря кратко, они берутся буквально съ бою. Приходится каждую пядь пути завоевывать у полярной природы. Все же, не смотря на это, у насъ экскурсіи совершались и дѣло дѣлалось. Видно было, что каждый участникъ экспедиціи: и офицеръ, и матросъ проникся

яснымъ сознаніемъ, что нужно работать, нужно трудиться, нужно оправдать то довѣріе, съ которымъ проводила насъ наша родина.

Все это участниками экспедиціи, какъ теперь мнѣ пріятно констатировать, учтено въ пользу дѣла. Особенно пріятно отмѣтить тяжелые походы на Карскую сторону географа Визе и геолога Павлова. Результатомъ этихъ походовъ мы имѣемъ два маршрута поперекъ Новой Земли въ самомъ широкомъ и таинственномъ ея мѣстѣ съ подробной нивелировкой и геологическими разрѣзами, опись части берега Карскаго моря съ астрономическимъ и магнитнымъ пунктами, изученіе внутренняго покрова земли и метеорологическія наблюденія во время всего пути.

Одновременно съ этимъ, партіей начальника экспедиціи описанъ западный берегъ Новой Земли отъ полуострова Панкратьева до мыса Желанія и далѣе по Карской сторонѣ до мыса Виссингеръ—Гофтъ. На этомъ пути, кромѣ астрономическаго пункта на полуостровѣ Панкратьева, опредѣлено еще четыре ихъ по пути маршрута и столько же магнитныхъ пунктовъ, при чемъ на обратномъ пути замѣнены на всѣхъ пунктахъ хронометрическіе рейсы. Во время всего пути велись метеорологическія наблюденія.

У базы экспедиціи удалось въ теченіе зимы общими силами произвести мензурную съемку полуострова и острова Панкратьевыхъ и описать острова Южно-Крестовые, а также описать и изслѣдовать ближайшіе ледники.

Подвести итогъ произведенной нами работѣ тѣмъ болѣе пріятно, что въ ней сдѣланы нѣкоторые открытія несогласія съ существующими картами, и намъ, участникамъ первой русской экспедиціи къ сѣверному полюсу, такимъ образомъ, достался счастливый жребій внести исправленіе въ существующую вѣками невѣрную карту Новой Земли.

Такимъ образомъ, наша экспедиція, не задаваясь будущимъ, уже сдѣлала кое-что для науки. Впереди походъ къ Сѣверному полюсу. Эта задача экспедиціи вторая, задача, такъ сказать, идейная, связанная съ именемъ русскаго человѣка и честью страны. Поэтому, надѣюсь, что мы и въ этомъ походѣ покажемъ свое усердіе, мужество и отвагу и такъ же, съ побѣдой, выйдемъ изъ него.

Взвѣсивъ все перечисленное, остается только радоваться предварительному успѣху и полному благополучію экспедиціи. Въ заключеніе считаю своимъ непремѣннымъ и пріятнымъ долгомъ объявить всему составу экспедиціи отъ лица службы глубокую

благодарность, а матросамъ: Григорію Линнику и Платону Коноплеву, ходившимъ на Карскую сторону, и Андрею Инютину, ходившему къ мысу Желанія, кромѣ того, еще сердечное спасибо».

Далѣе, мы узнаемъ, что 1 іюля издается приказъ о подъемѣ флага и началѣ кампаніи, причемъ вводится обычный порядокъ жизни на военномъ кораблѣ, а именно: будять команду въ 6 час.; съ 7—12 ч. работа, съ 12—2 ч. обѣдъ и отдыхъ, съ 2—6 ч. работа, затѣмъ ужинъ и отдыхъ.

По случаю дня годовщины выхода экспедиціи изъ Архангельска читаемъ слѣдующее:

15 августа 1913 г. Бухта «св. Фоки».

«Сегодня исполнился ровно годъ, какъ наша экспедиція отбыла изъ Россіи въ полярныя страны (14 августа изъ Архангельска, а 15 августа отъ Сѣверо-Двинскаго плавучаго маяка). Плаваніе наше въ теченіе этого года прошло совершенно благополучно и удачно, принимая во вниманіе ту научную работу, которую экспедиціи удалось сдѣлать.

Наступилъ второй годъ, для насъ такъ сказать Новый, а съ нимъ и новыя надежды и, быть можетъ, новое благополучіе и новый успѣхъ.

Быстро протекли 365 дней среди труда, дружбы и братства; еще быстрѣе промчатся они во второй половинѣ нашего плаванія, когда труды экспедиціи будутъ подходить къ концу, когда ближе будетъ чувствоваться дорогая родина, когда обратный курсъ корабля готовъ будетъ каждую минуту всколыхнуть насъ по бурной поверхности Арктическаго моря и заставить радостно биться наши осиротѣлыя сердца. Пріятно будетъ вернуться домой съ сознаніемъ того, что вы исполнили свой долгъ передъ родиной и наукой. Поэтому, наберемся снова мужества, энергіи и отваги, объединимся чувствомъ дружбы, согласія и вѣры въ успѣхъ и станемъ дальше продолжать нашъ тяжелый трудъ такъ же хорошо, какъ и начали его. При такомъ условіи, какъ уже кстати показалъ и старый годъ, наше личное благополучіе и успѣхъ работъ будутъ обезпечены на радость намъ и на пользу дѣла... Отъ всей души поздравляю офицеровъ и команду съ праздникомъ экспедиціи, съ первой годовщиной нашего плаванія.

Желаю здоровья, успѣха, а также—вторую годовщину отпраздновать уже на родинѣ среди родныхъ и друзей...

Предписываю въ этотъ день судно экспедиціи расцвѣтить флагами и произвести пушечный салютъ».

21 августа 1913 г. Бухта «св. Фоки».

«Сегодня мертвой зыбью отъ свѣжаго WSW вѣтра, дувшаго въ ночь съ 19 на 20 августа, весь стоячій ледъ въ бухтѣ поломало въ пакъ, вслѣдствіе чего настала первая возможность пробовать пробиваться судномъ въ море. Поэтому, объявляю по экспедиціи, что сего числа, съ Божьей помощью, снимаемся съ якоря на Землю Франца-Иосифа, къ мысу Сар Флога».

Дѣйствительно, на слѣдующій день, «св. Фока» вышелъ въ плаваніе и направился къ лежащему къ сѣверу Панкратьеву острову съ цѣлью оставить на знакѣ, выстроенномъ П. Г. Кушаковымъ, складъ провизіи на 17 человѣкъ на 1 мѣсяцъ, а также винтовку съ патронами. Объ этомъ намѣреніи изложено въ запискѣ, оставленной на знакѣ—крестѣ экспедиціи въ бухтѣ св. Фоки. Изъ дальнѣйшей же записки, оставленной 25 августа въ промысловой избѣ на южной оконечности Большого Заячьяго острова (въ группѣ Горбовыхъ острововъ на Новой Землѣ)¹⁾ явствуетъ, что экспедиція не могла попасть на о-въ Панкратьева, такъ какъ онъ былъ во льдахъ. Почему какъ провіантъ,²⁾ такъ и копій картъ сѣв. частей Новой Земли, снятыхъ зимою, оставляются здѣсь.

Въ этой же запискѣ добавлено, что «въ экспедиціи все благополучно. Убѣдительно прошу всякаго, нашедшаго здѣсь оставленные нами карты отправить въ Петербургъ въ Комитетъ экспедиціи, а провизіей, въ случаѣ нужды, воспользоваться. Старшій лейтенантъ Сѣдовъ».

25-го августа «св. Фока» окончательно оставилъ Новую Землю и направился къ мысу Флора на Землѣ Франца-Иосифа, котораго онъ достигъ 31-го августа и гдѣ пробылъ до 4 сентября. Путь судна усматривается на прилагаемой картѣ. Подробности объ остановкѣ у мыса Флора, около поселка Elmwood, мѣста зимовокъ многихъ предшествующихъ экспедицій—мы находимъ въ слѣдующей запискѣ, оставленной здѣсь Сѣдовымъ:

«1913 г. 4/17 сентября. Пробывъ здѣсь пять дней, въ теченіе которыхъ мы взяли въ поселкѣ Elmwood около 200 пудовъ угля и

¹⁾ См. планы якорныхъ мѣстъ на Новой Землѣ № 1912, издан. Главнаго Гидр. Управленія.

²⁾ Согласно списка д-ра Кушакова здѣсь сложено:

1. Сухарей	4 ящика.	5. Чаю	7 фунтовъ.
2. Солонины	1 боченокъ.	6. Кофе	3 »
3. Масла	20 фунтовъ.	7. Ружей	2 штуки.
4. Сахару	20 »	8. Патроновъ	300 »

часть дровъ, а также убили въ окрестностяхъ необходимое количество моржей, какъ кормъ для собакъ и ворвань для отопленія, сего числа отправились дальше на сѣверъ по пути къ Землѣ Kronprinz'a Rudolfa. Остановимся на зимовку, въ зависимости отъ льдовъ и свирѣпствующихъ нынѣ бурь, гдѣ нибудь на этомъ пути по Британскому каналу или же въ восточной части архипелага, возможно, что и на самой Землѣ Kronprinz'a Rudolfa. Оттуда партія пойдетъ къ полюсу.

Пришедшее русское судно прошу доставить намъ уголь къ мѣсту нашей зимовки, оставивъ на Cap Flora лишь 1000 пудовъ его въ бухтѣ къ западу отъ поселка приблизительно въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ зеленая шлюпка, поближе къ берегу, чтобы его было возможно удобнѣе принять на бортъ карбаса. Въ случаѣ, если какія либо тяжелыя обстоятельства не позволятъ вамъ дойти до мѣста нашей зимовки, то весь уголь и другіе запасы, если бы они были присланы, а также всю корреспонденцію—оставить здѣсь на Cap Flora. Возможно, что экспедиція въ теченіе зимы пришлетъ сюда дополнительную записку о томъ, гдѣ она остановилась зимовать и гдѣ ее, такимъ образомъ, нужно будетъ искать.

Если судно будетъ располагать временемъ, то прошу привести въ жилой видъ большой рубленый домъ ¹⁾.

Если судно можетъ располагать лишней шлюпкой человекъ на 8—10, то прошу таковую оставить на Cap Flora на всякій случай.

Въ экспедиціи всѣ здоровы, все благополучно. Привѣтъ. Старшій лейтенантъ Сѣдовъ».

Далѣе, опять, на основаніи документовъ, оставленныхъ намъ Сѣдовымъ, и свѣдѣній, полученныхъ отъ д-ра Кушакова мы узнаемъ, что судно «Св. Фока» или «Михаилъ Суворинъ», какъ его дальше именуетъ Сѣдовъ, стремясь къ сѣверу, пробралось Британскимъ каналомъ почти до 81° сѣв. шир., но, встрѣтя непроходимый ледъ и не имѣя достаточно топлива, принуждено было спуститься къ югу и за позднимъ временемъ, 8 сентября, добравшись до острова Гукера (Hooker Island), здѣсь, въ проливѣ Мелленіуса, въ бухтѣ, названной имъ «Тихой», стать на вторую зимовку. Вотъ, что пишетъ Сѣдовъ по этому поводу въ книгѣ приказовъ:

«8 сентября 1913 г. Бухта Тихая на о-вѣ Гукера, Земля Франца-Иосифа».

¹⁾ Здѣсь говорится о деревянномъ домѣ, срубленномъ для экспедиціи Джексона въ Архангельскѣ.

«Сего числа судно экспедиціи «Михаилъ Суворинъ» окончательно стало на зимовку на Землѣ Франца-Иосифа подъ $80\frac{1}{2}^{\circ}$ сѣверной широты и 53° восточной долготы отъ Гринвича. Большихъ трудовъ стоило старому, дряхлому судну добраться до этихъ широтъ, тѣмъ болѣе, что на пути въ Баренцовомъ морѣ встрѣтилось намъ столько льду, сколько ни одна экспедиція, кажется, не встрѣчала его, (поясъ, шириною въ $3\frac{1}{2}^{\circ}$), а если прибавить сюда весьма ограниченный запасъ топлива и довольно малую скорость судна, то можно сказать смѣло, что наша экспедиція, поистинѣ, совершила подвигъ, преодолевъ столь тяжелое препятствіе среди льдовъ, непогоды и наступившихъ осеннихъ заморозковъ. Самоотверженно стремясь къ осуществленію завѣтной цѣли русскихъ людей, русской мысли—развернуть свой трехцвѣтный флагъ въ высокихъ полярныхъ широтахъ, на безбрежномъ просторѣ всевозможныхъ научныхъ и идейныхъ завоеваній, мы отбросили свои личные интересы въ сторону и, сплотившись въ одно единодушное цѣлое на пользу дѣла экспедиціи и на радость родинѣ, добрались сюда. Здѣсь нашъ трудъ, здѣсь нашъ и отдыхъ. Походъ къ полюсу—дѣло маленькое, давно побѣдимое. Отъ всей души поздравляю офицеровъ и команду съ благополучнымъ приходомъ на Землю Франца-Иосифа и желаю счастливой, тихой зимовки.

Начнемъ, господа, такимъ образомъ нашу скромную работу въ странѣ, гдѣ русскому человѣку впервые приходится выступить среди цѣлаго ряда уже ранѣе работавшихъ представителей почти всѣхъ культурныхъ государствъ. Въ этомъ наша гордость, въ этомъ наше счастье».

Мѣсто второй зимовки экспедиціи за сѣверо-западнымъ мысомъ о-ва Гукера слѣдуетъ признать весьма благопріятнымъ. Островъ имѣетъ округленную форму и, согласно описи географа Визе, равняется 100 кв. верстамъ. Уже Пайеръ, открывшій въ 1873 г. архипелагъ Франца-Иосифа, утверждалъ, что острова послѣдняго лишены хорошихъ гаваней-убѣжищъ. Зимовки послѣдующихъ экспедицій вполне это подтвердили; такъ, оказалось, что зимовка на суднѣ около мыса Флора едва возможна; зимовка въ бухтѣ Теплицъ для судна итальянской экспедиціи «Stella polare» едва не окончилась катастрофой; судно же экспедиціи Циглера «America» погибло въ этой бухтѣ.

Совершенно иное мы узнаемъ о бухтѣ Тихой, давшей послѣдній пріютъ экспедиціи Сѣдова: судно «Св. Фока» зимовало здѣсь въ

2-хъ саженьхъ отъ берега, на который были положены сходни, и по мнѣнію В. Ю. Визе, это—одна изъ лучшихъ бухтъ во всемъ архипелагѣ, особенно въ смыслѣ безопасности отъ напора льдовъ. Названіе «Тихая», данное этой бухтѣ Сѣдовымъ, по словамъ г. Визе, вполне оправдалось: экспедиціей за 10 мѣсяцевъ пребыванія здѣсь было отмѣчено значительно меньшее число штормовъ, доходящихъ на Землѣ Франца-Иосифа, какъ извѣстно, нерѣдко до силы урагана, чѣмъ то было сдѣлано другими экспедиціями. Лишь одинъ разъ сила вѣтра достигла силы урагана—40 метровъ въ секунду, средняя же сила въ бухтѣ Тихой оказалась меньше, чѣмъ въ бухтѣ Св. Фоки. Такое явленіе, надо полагать, обуславливается топографическими особенностями мѣста, а именно—сѣверный берегъ острова Гукера обрывистъ и скалистъ, высота плато у бухты Тихой около 130 метр. надъ уровнемъ моря. Съ юга бухта защищается отъ вѣтровъ колоссальной базальтовой скалой Rubini rock, совершенно отвѣсно обрывающейся къ морю. Глубина моря подлѣ самой скалы болѣе 60 сажень. Только вблизи самой воды имѣется узкая полоса сравнительно ровной земли, образующей здѣсь рядъ береговыхъ террасъ. Въ глубинѣ бухты непосредственно къ морю спускается съ острова ледяной покровъ.

Морской ледъ въ глубинѣ бухты въ 1913 году совершенно не вскрывался и, повидимому, вскрывается лишь въ рѣдкіе годы, т. к. спускающійся съ острова материковый ледъ здѣсь какъ бы спаивается въ одно цѣлое съ морскимъ льдомъ. Берега бухты оказались совершенно лишенными плавника, столь обильно встрѣчающагося на берегахъ Новой Земли.

Къ сожалѣнію, какъ мы видимъ далѣе, для нашей экспедиціи вторая зима была еще болѣе тяжелая, нежели первая. Въ виду того, что для достиженія мыса Флоры были сожжены всѣ запасы топлива (уголь, дрова, машинное масло и т. п.), уже съ начала зимовки, камбузъ и жилия помѣщенія пришлось отапливать верхними надстройками, кладовыми и средней палубой. Отсутствие топлива побудило ликвидировать кубрикъ и перевести команду частью въ каюты-кампанію, частью въ офицерскія каюты. Но не смотря и на эту мѣру, всѣ страдали отъ холода въ жилыхъ помѣщеніяхъ. Съ начала зимы среди членовъ экспедиціи начались заболѣванія, преимущественно цынгой. Цынгой страдалъ и самъ Сѣдовъ. Подъемъ духа былъ уже не прежній...

Вступленіе экспедиціи въ 1914 годъ Сѣдовымъ отмѣчено слѣдующимъ приказомъ.

1 января 1914 г. Бухта Тихая.

«Сердечно поздравляю г.г. офицеровъ и команду съ новымъ годомъ. Отъ всей души желаю: здоровья, общаго согласія, дружбы и успѣха. Увѣренъ, что 1914 годъ дастъ намъ возможность полностью окончить наше дѣло и вернуть насъ благополучно на родину».

Хотя и самъ Сѣдовъ хворалъ, тѣмъ не менѣе, онъ не отступалъ отъ намѣченной цѣли и дѣятельно готовился къ полюсной экспедиціи, въ которую онъ и выступилъ 2-го февраля.

Въ этотъ день имъ написано два приказа, въ его жизни послѣднихъ. Въ нихъ изложена программа дальнѣйшей дѣятельности экспедиціи, приводимъ ихъ полностью.

2 февраля. Бухта «Тихая» (Приказъ № 2. 1914 г.).

«Отправляясь сего числа съ партіей къ сѣверному полюсу, передаю временно командованіе экспедиціей со всѣми законными правами и обязанностями врачу экспедиціи и завѣдывающему хозяйственной частью Павлу Кушакову».

Инструкція.

«Милостивый государь, Павелъ Григорьевичъ, оставляя васъ за начальника экспедиціи, прошу васъ руководствоваться, по возможности, слѣдующими пунктами настоящей инструкціи:

1. Я хотѣлъ бы прежде всего просить васъ, чтобы мною введенный порядокъ въ экспедиціи, по возможности, вами не мѣнялся. Прибѣгайте къ этому, лишь въ крайней необходимости, когда этого потребуетъ само дѣло и обстоятельства.

2. Всѣ научныя работы и изслѣдованія желательно главнымъ образомъ сосредоточить по восточному берегу Британскаго канала, какъ болѣе свободному отъ ледяного покрова и вообще болѣе доступному для работъ.

3. Научныя и другія дальнія экскурсіи разрѣшайте не ранѣе перваго марта при чемъ заботьтесь, чтобы онѣ совершались съ большой осторожностью, имѣя въ виду опасность быть отрѣзаннымъ водой отъ судна.

4. Одну экскурсію отправьте на Сар Флога подъ начальствомъ художника Николая Пинегина заготовить тамъ дрова для нашего судна и оставить записку на видномъ мѣстѣ о томъ, гдѣ мы находимся, на тотъ случай, если бы туда пришло раньше насъ какое-либо другое судно.

5. Съ открытіемъ воды, бейте по возможности больше звѣря и собирайте сало для машиннаго топлива на обратный путь.

6. Въ научныхъ экскурсіяхъ начальникамъ партій представляйте, по возможности, больше самостоятельности, содѣйствуя имъ всѣми имѣемыми средствами экспедиціи.

7. Для отопленія жилыхъ помѣщеній, хлѣбопекарни и кухни добывайте дрова отъ ненужныхъ и маловажныхъ судовыхъ различныхъ подѣлокъ, рубокъ и проч. Вторую же палубу жгите только въ крайнемъ случаѣ.

8. Полюсную партію ждите въ бухтѣ Тихой только до перваго августа сего года, послѣ чего постройте здѣсь каменную землянку, оставьте въ ней небольшой запасъ провизіи, ружья, патроны и вообще все необходимое для пріюта трехъ человѣкъ, а сами идите въ Россію на суднѣ или на карбасѣ, смотря по обстоятельствамъ и ни въ какомъ случаѣ не оставайтесь на новую зимовку за полярнымъ кругомъ, ибо многіе наши люди третьей зимовки не перенесутъ. Въ пути полагайтесь на штурмана Сахарова и ему же поручите вести судно или карбасъ.

9. Уходя съ Земли Франца-Иосифа, оставьте на Сар Флога копіи картъ, безъ меня произведенныхъ гидрографическихъ и другихъ работъ. Отремонтируйте тамъ одинъ домикъ. Приведите въ порядокъ провизіонные запасы и сложите ихъ въ домикѣ, а также отремонтируйте находящійся на Сар Флога карбасъ, на случай если бы намъ пришлось на немъ плыть въ Россію.

10. По приходѣ въ Россію не безпокойтесь ходатайствовать о посылкѣ за нами судна, т. е. это будетъ напрасная трата средствъ, ибо, если намъ суждено будетъ уцѣлѣть, то мы и самостоятельно доберемся домой.

11. Во всѣхъ вопросахъ управленія экспедиціей поступайте по своему личному усмотрѣнію исполнѣ самостоятельно, лишь бы ваши распоряженія шли на пользу и благополучіе всему дѣлу. Въ случаѣ же, если почувствуете недостатокъ въ себѣ сильнаго опыта разрѣшить самостоятельно тотъ или другой вопросъ, тогда собирайте совѣтъ и рѣшайте этотъ вопросъ сообща.

12. Одной изъ главныхъ вашихъ задачъ является внимательнѣйшая забота о здоровьѣ и сохранности жизни людей экспедиціи, благополучный исходъ чего послужитъ большой пользой для дѣла и высокой нравственной наградой для васъ. Старшій лейтенантъ Сѣдовъ.

Далѣ, того же числа записано въ книгу приказовъ (приказъ № 3 1914 г.) рукою Сѣдова слѣдующее:

«Волею Божьей мы прибыли на Землю Франца-Иосифа и волею же Божьей идемъ, наконецъ, на полюсъ.

«Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ», такъ говоритъ русская пословица. Въ Петербургѣ мы предполагали попасть въ первый же годъ на Землю Франца-Иосифа, а на слѣдующій годъ идти къ полюсу, причемъ идти на 5—6 нартахъ, при 50—60 собакахъ, съ сильнымъ снаряженіемъ и большимъ запасомъ свѣжихъ силъ людей, а попали лишь на второй годъ и то съ большимъ трудомъ. Идти на полюсъ принуждены не на 6 нартахъ, а лишь на 3 и то не полныхъ, при 24 уцѣлѣвшихъ собакахъ, и слѣдовательно въ силу необходимости при сокращенномъ комплектѣ людей, въ которыхъ къ большому нашему общему горю нельзя не замѣтить нѣкотораго упадка силъ, какъ нравственныхъ, такъ и физическихъ, вызванныхъ двумя суровыми зимовками.

Въ полюсную партію входятъ: одинъ офицеръ (лично я) и два матроса (Григорій Линникъ и Александръ Пустошный); клади всей идетъ около 50 пудовъ, въ томъ числѣ запасовъ провизіи для собакъ на полтора мѣсяца.

Географъ экспедиціи Визе, который долженъ былъ бы по первоначальной программѣ принять участіе въ походѣ къ полюсу, теперь оставляется мною при суднѣ экспедиціи. Эта перемѣна вызвана главнымъ образомъ недостаткомъ собакъ въ полюсной партіи и частью соображеніями по производству нѣкоторыхъ научныхъ работъ на Землѣ Франца-Иосифа, гдѣ онъ является вполне надежнымъ моимъ замѣстителемъ. Конечно, это обстоятельство, я знаю, не можетъ особенно порадовать В. Ю. Визе, который горячо хотѣлъ раздѣлить мою участь въ полюсной партіи, а также не можетъ доставить и мнѣ большого удовольствія, ибо я лишаясь дорогого культурнаго спутника и преданнаго дѣлу работника. Ну, что же дѣлать, на все воля Божья. Раздѣлимъ нашъ трудъ пополамъ и каждый на своемъ мѣстѣ честно исполнимъ свой долгъ...

Итакъ, сегодняшній день мы выступаемъ къ полюсу; это—событіе и для насъ, и для нашей родины. Объ этомъ днѣ мечтали уже давно великіе русскіе люди—Ломоносовъ, Менделѣевъ и другіе. На долю же насъ, маленькихъ людей, выпала большая честь осуществить ихъ мечту и сдѣлать посильное научное и идейное завоеваніе въ полярномъ изслѣдованіи на пользу и гордость нашего отечества.

Мнѣ не хочется сказать вамъ, дорогіе спутники: «прощайте», мнѣ хочется сказать вамъ «до свиданія», чтобы снова обнять васъ и вмѣстѣ порадоваться за нашъ общій успѣхъ и вмѣстѣ же вернуться на родину.

Особенно было бы пріятно застать васъ здѣсь, среди общаго благополучія, въ полномъ мирѣ и согласіи.

Пусть же этотъ приказъ, пусть это, быть можетъ, послѣднее мое слово послужитъ вамъ памятью взаимной дружбы и любви.

До свиданія, дорогіе друзья!.. Старшій лейтенантъ Сѣдовъ».

Вступивъ въ исполненіе своихъ обязанностей, П. Г. Кушаковъ продолжаетъ выполненіе программы, продиктованной Сѣдовымъ.

Снаряжаются экспедиціи—1) одна художника Пинегина къ мысу Флора, главнымъ образомъ для доставки туда почты на случай, если бы къ этому мысу подошло какое либо судно до освобожденія «Св. Фоки» изъ Тихой гавани, во время этой экспедиціи Н. В. Пинегинъ прошелъ до острова Bell, гдѣ имѣется домикъ (Eira-House), поставленный въ 1880 г. Лей-Смитомъ, и 2) двѣ экспедиціи географа Визе: для съемки острова Гукера, который имъ обойденъ кругомъ, и къ острову Alger, гдѣ временно базировалась для работъ экспедиція Циглера (Camp Ziegler), о чемъ сказано ниже въ обзорѣ трудовъ экспедиціи. Упадокъ духа вслѣдствіе плохой жизненной обстановки отразился и на ходѣ экскурсионныхъ работъ, которыхъ въ 1913/14 г. было значительно меньше, нежели въ предшествующемъ.

Дальнѣйшія событія крайне печальны: 1-го марта скончался отъ цынги единственный въ экспедиціи механикъ И. А. Зандеръ, котораго похоронили близъ зимовки «Св. Фоки» у астрономическаго знака, поставивъ на могилѣ желѣзный крестъ, а 6-го марта возвратились совершенно истомленные и больные оба матроса полюсной партіи и привезли скорбную вѣсть о смерти Г. Я. Сѣдова, которая послѣдовала 20 февраля во время пути на переходѣ черезъ проливъ между островами Карла-Александра и Кронпринца Рудольфа (близъ юго-западной оконечности послѣдняго). По ихъ словамъ, выйдя больнымъ, Сѣдовъ уже черезъ недѣлю лежалъ на нартѣ въ спальномъ мѣшкѣ и временами лишался чувствъ..., приходя въ сознаніе, смотрѣлъ на компасъ, боясь, что его везутъ обратно..., 16 февраля Сѣдовъ сдѣлалъ въ послѣдній разъ запись въ дневникѣ; 17-го февраля, не доходя нѣсколькихъ верстъ до земли Кронпринца Рудольфа, широкій каналъ воды принудилъ партію остановиться. Начался жестокій штормъ, продолжавшійся три дня. Больному

стало еще хуже. По временамъ онъ терялъ сознаніе. Матросъ Пустошный былъ также боленъ цынгой и также временами впадалъ въ обморокъ. Сѣдовъ жаловался на холодъ, доходившій до 40°Ц., и отогрѣвался примусомъ. Такъ промучились, лежа въ палаткѣ, еще и 18 и 19 числа, кормя Сѣдова ложкою и оттирая ему грудь и ноги спиртомъ. 20-го февраля въ 2 ч. 40 м. утра Сѣдовъ скончался подъ завываніе полярной выюги., произнесъ послѣднія слова: «Линникъ, Линникъ... помоги!...» Сначала спутники Сѣдова намѣревались продолжать путь въ Теплицъ-бай, къ мѣсту зимовки герцога Абрущкаго, чтобы забрать оттуда запасы керосина, котораго у нихъ почти не было, но открытая полынья на пути и незнаніе точнаго мѣстоположенія этой зимовки помѣшали этому намѣренію. Тогда они перевезли тѣло со льда на Землю Кронпринца Рудольфа, около мыса Бророкъ, втащили на косогоръ, гдѣ и похоронили своего начальника на мерзлой почвѣ, обложивъ его камнями.

Затѣмъ они сняли шапки, пропѣли три раза вѣчную память и на могилѣ поставили крестъ изъ лыжъ. Сѣдовъ похороненъ въ полярномъ мѣховомъ костюмѣ и покрытъ тѣмъ флагомъ, который онъ такъ упорно везъ съ собой, чтобы водрузить его на полюсъ.

Блуждая и отыскивая свои старые слѣды, оба матроса, какъ уже сказано выше, 6-го марта, въ полномъ изнеможеніи, возвратились, наконецъ, въ Тихую гавань и члены экспедиціи узнали о томъ, что имъ казалось почти неизбѣжнымъ—о смерти Георгія Яковлевича Сѣдова, явившейся еще одной страшной страницей въ исторіи полярныхъ путешествій, еще однимъ мученическимъ подвигомъ. Этой тяжелой драмой и оканчивается экспедиція.

III.

Эта драма должна остановить на себѣ вниманіе будущаго изслѣдователя полярныхъ странъ и убѣдить его, что въ полярныхъ изысканіяхъ—и здѣсь особенно—нужна преемственность въ использованіи всего предшествующаго опыта и знанія. Между тѣмъ, какъ подготовка, такъ и весь ходъ несчастной экспедиціи показывалъ, что Сѣдовъ былъ въ высокой степени энтузіастъ и имѣлъ сравнительно очень мало личнаго опыта, знанія ближайшей исторіи изслѣдованія полярныхъ странъ, а также желанія принимать совѣты со стороны компетентной. Комитетъ же, снаряжавшій эту экспедицію, не будучи компетентнымъ въ принятомъ на себя дѣлѣ, поддерживалъ въ тому же экспедицію, главнымъ образомъ, со сто-

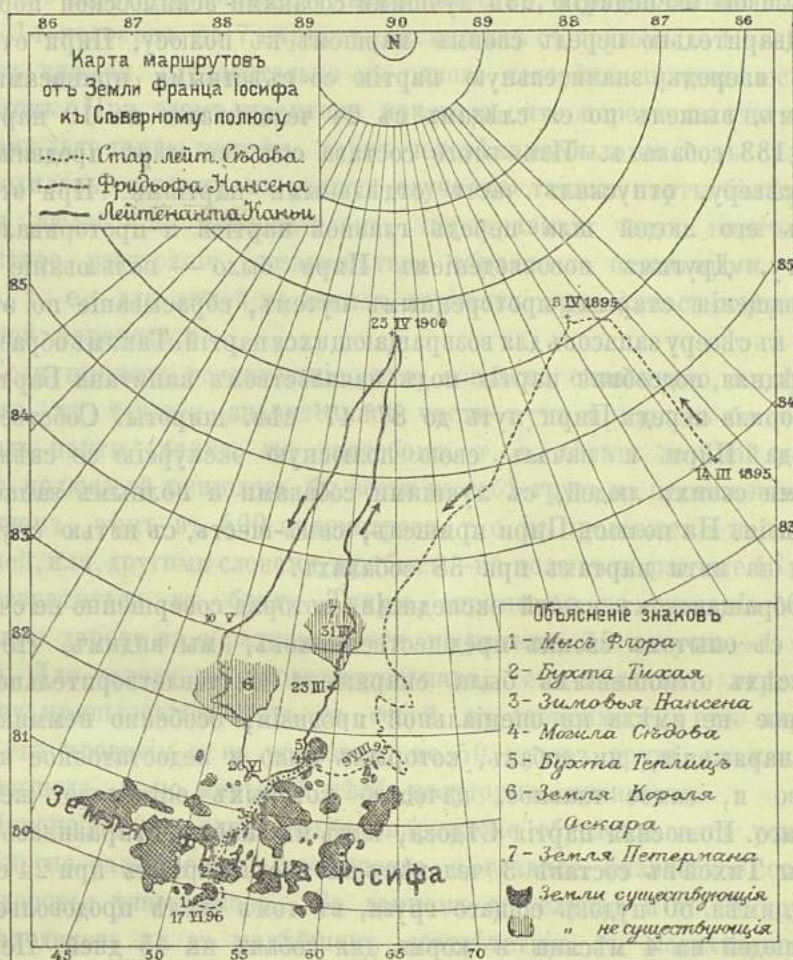
роны спортивной—достиженія полюса, мало заботясь о технической и научной сторонѣ дѣла. Изъ компетентныхъ круговъ и отъ отдѣльныхъ лицъ, какъ Сѣдову, такъ и Комитету, что уже изложено въ началѣ настоящей статьи, дѣлались своевременно весьма важныя указанія и предостереженія по поводу непродуманности общаго плана экспедиціи; совѣты эти, къ сожалѣнію, не только игнорировались, но нерѣдко истолковывались въ совершенно обратномъ смыслѣ. При иномъ отношеніи къ этому серьезному дѣлу, экспедиція Сѣдова не ушла бы неподготовленной и неснаряженной надлежащимъ образомъ.

Дѣйствительно, Сѣдову указывалось, что Нансенъ совершилъ весьма рискованный опытъ отправившись съ «Фрама», съ $84^{\circ} 14'$ сѣв. шир., къ полюсу, имѣя одного спутника, 28 собакъ и провизіи, для людей на 100 дней и для собакъ на 80 дней. Его экспедиція къ полюсу хотя и не была успѣшной, но окончилась благополучно. (см. прилагаемую схему маршрутовъ Сѣдова, Нансена и Каньи).

Экспедиція герцога Абруцкаго использовала опытъ Нансена, усмотрѣла всѣ замѣченные недостатки и выработала детальную схему полюсной экспедиціи для партіи лейтенанта Каньи, которая опиралась на двѣ вспомогательныя партіи, отправившіяся съ ней вмѣстѣ.

Черезъ 12 дней пути, первая вспомогательная партія, передавъ часть запасовъ провизіи полюсной партіи, вернулась обратно, имѣя въ своемъ распоряженіи двѣ нарты при 12 собакахъ; вторая партія по прошествіи 24 дней, передавъ часть провизіи, отправилась обратно на двухъ нартахъ при 16 собакахъ. Полюсная же партія изъ 4-хъ человекъ съ четырьмя нартами при 38 собакахъ, съ общимъ грузомъ въ 1028 килограммъ, продолжала путь къ полюсу. Всего въ этой экспедиціи имѣлось 100 западно-сибирскихъ собакъ. Провизія была первоклассная, въ весьма раціональной дозировкѣ и упаковкѣ, снаряженіе значительно облегченное по спеціальному заказу. Къ своей базѣ въ бухтѣ Теплицъ на Землѣ Кронпринца Рудольфа экспедиція прибыла въ первую же навигацію, зимовка прошла весьма благополучно и въ походѣ къ полюсу люди выступили вполне свѣжими и.., не смотря на это, полюсная экспедиція не была успѣшна. Требовалась еще болѣе могущественная организація.

Американецъ Пири, тренировавшій себя въ теченіе 23 лѣтъ въ высоко полярныхъ областяхъ Гренландіи, Земли Гранта и на ледяномъ пакѣ, учтя какъ свой опытъ, такъ и опытъ Нансена и Каньи, снаб-

Данныя о маршрутахъ Нансена и Каньи.

Нансенъ отправился къ полюсу съ судна «Фрамъ» (съ $84^{\circ}4'N$ $101^{\circ}33'E$ отъ Грин.), 14 марта н. ст. 1895 г. Достиженіе имъ крайняго сѣвернаго пункта ($86^{\circ}13'5N$) — 8 апр. н. ст. 1895 г. Достиженіе Земли Франца Иосифа (Бѣлой Земли) — 9 августа 1895 г. Затѣмъ зимовка на о-вѣ Аделаида и 17 іюня 1896 г. встрѣча съ Джексономъ около мыса Флора. Нансенъ прошелъ отъ судна до встрѣчи съ Джексономъ около 1300 километровъ со средней суточной скоростью въ 10 километровъ.

Каньи отправился изъ бухты Теплицъ, что на Землѣ Кронпринца Рудольфа, къ полюсу 11 марта н. ст. 1900 г.; достигъ самаго сѣвернаго пункта ($86^{\circ}34'N$) — 25 апрѣля 1900 г. и возвратился обратно въ бухту Теплицъ — 23 іюня 1900 г. Партію Каньи сопровождали двѣ вспомогательныя партіи: 1-я до $82^{\circ}32'N$, 2-я — $83^{\circ}16'N$. Дѣйствительная длина пройденнаго Каньи въ 104 дня пути равняется 1397 километрамъ при средней суточной скорости въ 13 километровъ.

диль свою экспедицію 235 лучшими собаками эскимосской породы. Предварительно передъ своимъ маршемъ къ полюсу, Пири отправилъ впередъ значительную партію со съѣстными припасами и, затѣмъ, вышелъ по ея слѣдамъ съ 24 человѣками на 19 нартахъ при 133 собакахъ. Изъ этого состава онъ, по мѣрѣ продвиженія къ сѣверу, отпускалъ части отдѣльными партіями. При этомъ, часть его людей шла передъ главной партіей и проторивала ей дорогу. Другимъ нововведеніемъ Пири было — пользованіе для возвращенія старымъ протореннымъ путемъ, сбрасываніе по этому пути къ сѣверу запасовъ для возвращающихся партій. Такимъ образомъ, послѣдняя подсобная партія подъ начальствомъ капитана Бартлета проторила передъ Пири путь до $87^{\circ} 47'$ сѣв. широты. Собственно, отсюда Пири и началъ свою полюсную экскурсію со свѣжими силами своихъ людей, съ лучшими собаками и полнымъ запасомъ провизіи. На полюсъ Пири пришелъ, самъ-шесть, съ пятью спутниками на пяти нартахъ при 38 собакахъ.

Обращаясь къ нашей экспедиціи, которая совершенно не считалась съ опытомъ своихъ предшественниковъ, мы видимъ, что она во всѣхъ отношеніяхъ была снаряжена неудовлетворительно, а главное не имѣла ни специальной провизіи, особенно пеммикана, ни снаряженія, ни собакъ, которыхъ было и недостаточное количество и, самое главное, качество которыхъ оставляло желать многого. Полюсная партія Сѣдова, какъ мы знаемъ, отправилась изъ бухты Тихой въ составѣ 3 человѣкъ на трехъ нартахъ при 24 собакахъ, имѣя 50 пудовъ общаго груза, въ томъ числѣ продовольствія для людей на 4 мѣсяца и корма для собакъ на 45 дней. Передъ этой партіей разстилался путь, считая только по прямой линіи, до полюса и обратно въ 2200 километровъ. Принимая во вниманіе, что по прошествіи 45 дней, Сѣдовъ долженъ былъ начать кормить своихъ собакъ собаками, партія примѣрно черезъ 60 дней должна была остаться безъ собакъ. Къ этому моменту у нея должно было оставаться около 20 пудовъ груза, а именно: 9—10 пудовъ провизіи и 10 пудовъ мертваго груза (снаряженіе), т. е. не менѣе 7 пудовъ на человѣка (считая и нарту), что вдвое превосходило бы въ отрицательную сторону условія, въ которыхъ въ 1914 году добралась со «Св. Анны» на Землю Франца-Иосифа партія штурмана Альбанова и притомъ еще съ тою разницею, что партіи Альбанова предстоялъ путь, считая по прямой, въ 150—300 километровъ, тогда какъ Сѣдову съ его спутниками по прошествіи 60 дней предстоялъ бы путь не меньше, чѣмъ въ 1600 километ-

ровъ. Въ партіи Альбанова ¹⁾, какъ извѣстно, первоначально выступило 14 человѣкъ на 7 нартахъ, вѣсившихъ съ грузомъ до 10—10½ пудовъ каждая, слѣдовательно на одного человѣка приходилось до 5 пудовъ. При этомъ практика показала, что передвигать по торосистому льду такую тяжесть двумъ человѣкамъ было не подъ силу и приходилось, поэтому, въ такихъ случаяхъ тащить нарты большему числу людей, а, слѣдовательно, переправивъ часть нартъ на извѣстное разстояніе, возвращаться обратно за остальными нартою, т. е., для людей въ такихъ случаяхъ приходилось совершать двойной переходъ.

Если принять во вниманіе, что, согласно сказаннаго, и партіи Сѣдова въ теченіе значительной части пути пришлось бы передвигать нарты такимъ же способомъ, т. е. дѣлать двойной путь, то до полюса ей пришлось бы везти на себѣ грузъ на протяженіи, не меньшемъ, чѣмъ въ 500 километровъ, т. е. въ продолженіе не менѣе 70 дней, или, другими словами, прибыть—на полюсъ не раньше 15 мая, а возвратиться въ бухту Тихую, принимая во вниманіе очень тяжелую дорогу на обратномъ пути, не раньше 15 августа—1 сентября. Для такого же продолжительнаго, семи-мѣсячнаго перехода Сѣдову пришлось бы взять съ собой, въ зависимости отъ характера его провизіи и ея упаковки, не 50 пудовъ груза, съ какимъ онъ вышелъ, а по меньшей мѣрѣ полуторное количество.

Наконецъ, не одно только снаряженіе обуславливаетъ успѣхъ партіи, но также еще и тренировка, а, главное, физическое состояніе здоровья участниковъ. Въ данномъ же случаѣ и то, и другое не находилось ни въ малѣйшемъ соотвѣтствіи съ поставленными задачами.

Къ сожалѣнію, какъ мы видѣли ²⁾, Сѣдовъ даже во время своей зимовки въ бухтѣ Тихой, все еще считалъ походъ къ полюсу «дѣломъ маленькимъ»... а поэтому, не слѣдуетъ и удивляться, что экспедиція его такъ трагически окончилась, не достигнувъ даже тѣхъ широтъ, отъ которыхъ другія, болѣе продуманныя экспедиціи, только начинались...

Возвращаясь къ «Св. Фокѣ» и оставшимся на немъ членамъ экспедиціи и командѣ, мы узнаемъ, что къ началу весны на суднѣ имѣлось четверо больныхъ цынгой; провизіи оставалось немного, а что касается топлива, то его уже съ осени не имѣлось, оставалось лишь ожидать вскрытія бухты Тихой и Британскаго канала,

¹⁾ См. Зап. по Гидрографіи т. ХІІ. Приложение, стр. 18. Петроградъ 1917.

²⁾ См. приказъ отъ 3 сент. 1913 г., стр. 67. Л. Б.

чтобы чрезъ него плыть подъ парусами къ мысу Флора и тамъ ожидать судна съ углемъ. Если же льды не позволятъ выйти на суднѣ—отправиться на шлюпкѣ. Трагизмъ положенія усугублялся еще тѣмъ обстоятельствомъ, что послѣ смерти единственнаго механика, И. А. Зандера, на суднѣ не было другого механика, а единственный кочегаръ былъ съ осени боленъ цынгой, при чемъ машина была съ осени вся разобрана и ея чертежей на суднѣ не имѣлось. Изъ этого положенія экспедицію вывелъ д-ръ Кушаковъ, который на переходѣ отъ Новой Земли къ Землѣ Франца Иосифа стоялъ на вахтѣ въ машинѣ и потому ему легче, чѣмъ кому другому изъ состава экспедиціи удалось собрать машину и пустить ее въ ходъ. Окончаніе сборки механизма и приведеніе его въ движеніе состоялось 17 іюля и это значительно подняло духъ экспедиціи и воскресило надежды на возможность возвращенія на родину на суднѣ.

Изъ дальнѣйшаго мы узнаемъ, что судно смогло освободиться отъ льда того же 17 іюля и послѣ трехъ-дневнаго лавированія пришло 20 іюля къ мысу Флора. На этомъ незначительномъ переходѣ, бывшемъ для судна едва не роковымъ, о чемъ повѣствуетъ подробно П. Г. Кушаковъ, пришлось снять съ судна для топки машины часть фальшборта, стѣнки и значительную часть средней палубы.

На мысѣ Флора экспедиція встрѣтила двухъ членовъ экипажа судна «Св. Анна» экспедиціи лейтенанта Г. Л. Брусилова—штурмана В. И. Альбанова и матроса А. Кондрата, которые, какъ извѣстно, 10 апрѣля 1914 г. покинули судно, вмѣстѣ съ девятью другими участниками экспедиціи Брусилова, и частью пѣшкомъ, частью на каякахъ, послѣ тяжелыхъ лишеній въ пути, во время котораго эти девять человѣкъ погибли, добрались до мыса Флора за одиннадцать дней до прихода сюда «Св. Фоки». Эти лица были забраны «Св. Фокою», который вышелъ отсюда на югъ 26-го іюля ¹⁾).

Чтобы не пуститься въ открытый океанъ безъ топлива, пришлось разобрать на топливо домъ и амбаръ въ поселкѣ Elmwood, основанномъ Джэксономъ.

До 7-го августа «Св. Фока», пробиваясь сквозь льды, сжегъ все, что только было возможно—весь запасъ дровъ съ мыса Флоры, запасныя снасти, всѣ каюты и часть бимсовъ. Выйдя, наконецъ, на чистую воду подъ 75° с. ш., онъ пошелъ подъ

¹⁾ См. Зап. по Гидр. т. ХLI. Приложение. Петроградъ 1917 г.

парусами. Течь судна къ этому времени настолько усилилась, что все время непрерывно приходилось качать воду. Высота воды была до 50 дюймовъ.

Только 17-го августа дряхлому «Фокъ» удалось добраться въ становище Рынду на Мурманѣ и, запасшись затѣмъ въ Шельнинѣ и Порчнихѣ углемъ, вернуться, наконецъ, въ Архангельскъ 24 августа, гдѣ ему была устроена торжественная встрѣча мѣстнымъ населеніемъ.

Заканчивая этотъ общій обзоръ хода экспедиціи Сѣдова, необходимо еще отмѣтить, что лѣтомъ 1914 года на поиски этой экспедиціи Главнымъ Гидрографическимъ Управленіемъ посылалась подъ начальствомъ кап. 1 р. Ислямова специальная экспедиція изъ трехъ судовъ, вооруженная гидро-аэропланомъ. Поиски велись одновременно вдоль западнаго побережья Новой Земли отъ Крестовой губы до Баренцовыхъ острововъ (76° 20' с. ш.), куда для этой задачи были отправлены паровая шхуна «Андромеда» и пароходъ «Печора» съ гидро-аэропланомъ, а къ Землѣ Франца-Иосифа, было командировано специальное деревянное судно съ паровымъ двигателемъ «Герта». Этими судами были, между прочимъ, посѣщены и оба послѣднія мѣста остановокъ «Св. Фоки» на Новой Землѣ и на Землѣ Франца-Иосифа, гдѣ были найдены всѣ оставленныя экспедиціей Сѣдова записки и копіи плановъ съемокъ, но не была встрѣчена сама экспедиція. Случилось такъ, что въ тотъ самый моментъ, когда «Герта» производила осмотръ береговъ архипелага Франца-Иосифа, экспедиція Сѣдова на «Св. Фокъ» подходила къ Мурману; оба судна разошлись въ полосѣ льдовъ между 75° и 76¹/₂° с. ш. Кромѣ того, въ 1915 году морское вѣдомство, продолжая поиски экспедиціи Брусилова, снова снарядило судно «Андромеду» на этотъ разъ къ мысу Флора съ цѣлью провѣдать провіантное депо, оставленное здѣсь въ предшествовавшемъ году экспедиціей на «Гертѣ», а также, чтобы поставить домъ-убѣжище, взамѣнъ снесенныхъ экспедиціей Сѣдова на топливо домика и амбара и чтобы сложить здѣсь 300 пудовъ угля и вельботъ съ полнымъ вооруженіемъ. Къ сожалѣнію, тяжелыя условія плаванія этого года, вслѣдствіе большого скопленія льдовъ въ сѣверной части Баренцова моря, не позволили осуществиться этой задачѣ и шхуна «Андромеда», прокрейсировавъ все лѣто сравнительно недалеко отъ этого архипелага, къ концу навигаціи должна была вернуться, не выполнивъ возложеннаго на нее порученія.

IV.

Обращаясь къ научнымъ результатамъ, достигнутымъ экспедиціею старшаго лейтенанта Сѣдова, необходимо указать, что результаты эти еще не опубликованы; но судя на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя появлялись въ свое время въ ежедневной прессѣ, изложены въ предварительныхъ отчетахъ участниковъ экспедиціи, а также сообщены мнѣ лично гг. Визе и Кушаковымъ, за работами этой экспедиціи слѣдуетъ признать большое значеніе.

Изъ этихъ работъ особеннаго вниманія заслуживаетъ съемка берега Новой Земли отъ мѣста зимовки «Св. Фоки», у Панкратьева полуострова, чрезъ мысъ Желанія до мыса Виссингеръ-Гофъ, что на Карской сторонѣ. Объ этой съемкѣ уже говорилось выше (см. стр. 41 и прилагаемую карту).

Въ теченіе этой экскурсіи Сѣдовымъ описанъ западный, сѣверный и сѣверо-восточный берега Новой Земли отъ Панкратьева полуострова до мыса Виссингеръ-Гофъ на Карской сторонѣ. Эта работа производилась компасомъ съ діоптрами, разстоянія измѣрялись непосредственно шагами, а точки опредѣлялись 2—3 и болѣе засѣчками. Курсы прокладывались, по возможности, по равному пути съ мыса на мысъ, или, если встрѣчались большіе заливы—съ мыса до середины залива, а отсюда на слѣдующій мысъ. Промежуточные точки при этомъ опредѣлялись засѣчками; мѣста горъ опредѣлялись также засѣчками по примѣтнымъ ихъ вершинамъ. Параллельно со съемкой велся глазомѣрно планъ вида и характера береговъ. Черезъ 50—80 верстъ опредѣлялись астрономическіе пункты помощью секстана съ искусственнымъ горизонтомъ, обозначенные гуріями съ деревянными крестами.

Горы опредѣлены по ихъ вершинамъ. Высоты ихъ опредѣлены угломъ, измѣреннымъ кипрегелемъ или секстаномъ и разстояніемъ. Нѣкоторыя вершины опредѣлены барометрически. Въ отдѣльных частяхъ отъ базиса, гдѣ не было видно необходимыхъ знаковъ, сооруженныхъ экспедиціею, дѣлались вставки маршрутной съемки, которыя, въ концѣ концовъ, привязывались по хорошо опредѣленнымъ знакамъ. Такимъ образомъ, были всѣ астрономическіе пункты привязаны къ главному пункту у мѣста зимовки 1912—13 года, на мысъ Обсерваторномъ, который въ свою очередь, согласно утвержденію Сѣдова, привязанъ помощью 6 хронометровъ къ астрономическому пункту въ Соломбалѣ.

Согласно результатам этихъ работъ, мысъ Желанія нужно подвинуть къ югу около 7 верстъ и къ востоку около 2 верстъ. Мысъ Карлсена вслѣдствіе такого передвиженія является самой сѣверной оконечностью Новой Земли. Мысъ Большой Ледяной слѣдуетъ подать къ югу приблизительно на 12 верстъ, мысъ Утѣшенія—къ югу около $3\frac{1}{2}$ верстъ и къ западу около $2\frac{1}{2}$ верстъ. Мысъ Литке, который оказался островомъ, слѣдуетъ перенести къ сѣверу около 1 версты и къ востоку около 10 верстъ; мысъ Обсерваторія — къ сѣверу около 7 верстъ и къ востоку около $9\frac{1}{2}$ верстъ.

Что касается Панкратьевыхъ острововъ, то они подверглись болѣе обстоятельному изслѣдованію, при чемъ въ этой группѣ только одинъ оказался островомъ (см. рис. на стр. 33), а остальные составляютъ одинъ общій полуостровъ, который связанъ съ берегомъ узкимъ низменнымъ перешейкомъ; островъ отдѣленъ отъ полуострова неширокимъ проливомъ съ глубиною 3—4 фута на малую воду. Высота прилива оказалась здѣсь въ сизигійные дни одинъ футъ.

Магнитное склоненіе опредѣлялось на всѣхъ астрономическихъ пунктахъ компасомъ. Азимуты числомъ до 10 и болѣе брались обыкновенно тогда, когда солнце находилось на небольшой высотѣ, чтобы его можно было наблюдать непосредственно чрезъ діоптры безъ помощи отражательнаго зеркала. Моменты замѣчались по хронометру. Эти наблюденія обыкновенно приурочивались къ тому дню когда бралось и время. Наклоненіе магнитной стрѣлки опредѣлялось инклиномъ, а горизонтальное напряженіе дефлекторомъ и приборомъ качанія.

Партіями В. Ю. Визе и М. А. Павлова произведена маршрутная съемка перевала черезъ Новую Землю на Карскую сторону съ подробной барометрической нивелировкой всего пути. Изучены на этомъ пути ледники и расположеніе горныхъ хребтовъ. Это—первое пересѣченіе Новой Земли въ самомъ широкомъ ея мѣстѣ, въ поясѣ между 75 и 76 градусами сѣверной широты, гдѣ ширина, считая по нормали къ продольной оси острова около 100 верстъ. Болѣе южно расположенное пересѣченіе этого сѣвернаго острова совершено въ 1908 году французской экспедиціею Бенара и Русанова, а именно изъ Крестовой губы къ заливу Незнаемому, вершины которыхъ раздѣлены кряжемъ, считая по прямой, въ 30 верстъ, и—по маршруту въ 40 верстъ. Первое же пересѣченіе Новой Земли совершено на южномъ островѣ докторомъ Гриневецкимъ въ 1883 г. изъ Малыхъ Кармакулъ.

Пункты на Новой Землѣ.	Широта сѣверная.	Долгота восточная отъ Гринв.	Магнитные элементы.		
			Склоненіе.	Накло- неніе.	Напря- женіе.
Опредѣленія Г. Я. Съдова.					дефл. единицъ
1. Мысъ Обсерваторія	76°00'07"	59°55'04".5	+22° 6'21"	81°25'5	270.3
2. Мысъ Литке (о-въ Баренца)	76°15'10"	60°51'34".5	+22°23'00"	81° 6'3	222.0
3. Мысъ Утѣшенія	76°15'08"	62°37'49".5	+25° 9'30"	81°35'3	—
4. Гора Астрономическая	76°30'47"	65°57'49".5	+24°18'00"	82° 8'0	—
5. Мысъ Желанія	76°56'27"	68°28'04".5	+24°56'00"	82°26'0	—
6. О-въ Назимова	—	—	+22°51'30"	81°16'0	—
Опредѣленія В. Ю. Визе:					
7. Пунктъ на ледяномъ покровѣ	75°39'31"	61°17'29".0	+22°16'00"	—	—
8. Заливъ Власьева	75°26'11"	62°07'44".0	+24°42'00"	—	—

Изъ географическихъ работъ на Землѣ Франца-Иосифа слѣдуетъ отмѣтить произведенную В. Ю. Визе инструментальную съемку острова Гукера и нѣкоторыхъ близъ лежащихъ небольшихъ острововъ—Scott-Keltie, Leigh-Smith, Royal Society ¹⁾. Снимокъ этой мѣстности мы предполагаемъ помѣстить въ соотвѣтственномъ мѣстѣ дневника Н. Г. Кушакова.

Съемка базируется на слѣдующихъ трехъ астрономическихъ, предварительно вычисленныхъ пунктахъ:

Пункты на Землѣ Франца-Иосифа.	Широта сѣверная.	Долгота восточная отъ Гринв.	Магнитное	
			склоне- ніе.	наклоне- ніе.
Бухта Тихая	80°17'56"	52°48'30"	+19°26'9	82°36'5
Мысъ Harmsworth на югѣ о-ва Гукера.	80°07'26"	53°02'34"	—	—
Юго-западная оконечность о-ва Leigh Smith	80°11'26"	54°01'27"	—	—

¹⁾ См. карту, приложенную къ труду: A. Fiala. Fighting the Polar Ice, London. 1907.

Кромѣ того, имѣ произведены астрономическія наблюденія въ мѣстѣ стоянки экспедиціи Циглера — Camp Ziegler — на островѣ Alger благодаря чему имѣется возможность связать хронометры экспедиціи Сѣдова съ хронометрами американской экспедиціи.

Здѣсь, какъ и на Новой Землѣ, произведенъ рядъ магнитныхъ наблюденій надъ тремя элементами — въ бухтѣ Тихой (каждый рядъ длительностью въ 7 дней, причѣмъ наблюденія производились 3 раза въ сутки) и нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ, между прочимъ на мысѣ Флора и въ Camp Ziegler, гдѣ подобныя наблюденія производились раньше другими экспедиціями, а слѣдовательно является возможность вывести вѣковыя колебанія магнитныхъ элементовъ.

Много вниманія г. Визе было удѣлено глаціологіи — изученію небольшого ледника около скалы Rubini rock, недалеко отъ зимовки «Св. Фоки», а также между прочимъ имъ была измѣрена скорость теченія этого ледника въ двухъ мѣстахъ, которая оказалась очень небольшой — именно: среднее передвиженіе первой вѣхи оказалось въ іюнь мѣсяцѣ 0.135 метр. въ сутки, второй — 0.157 метр. при среднемъ уклонѣ поверхности ледника въ $2^{\circ}32'7''$.

Оледенѣніе Земли Франца-Иосифа, по наблюденіямъ г. Визе, является очень значительнымъ, такъ, напр., 87.9% всей площади о-ва Гукера покрыто ледниками. Островъ Leigh-Smith являетъ собой примѣръ еще большаго оледенѣнія, здѣсь льдомъ покрыто 94.2% всей его площади. Въ связи съ этими работами было обращено вниманіе также и на изученіе снѣжного покрова о-ва Гукера, которое заключалось главнымъ образомъ въ многочисленныхъ опредѣленіяхъ его мощности и плотности въ различныхъ слояхъ, а также въ наблюденіи процесса стаиванія снѣга, процесса постепеннаго оттаиванія почвы и т. п.

Въ отношеніи климатологіи, экспедиціей Сѣдова доставленъ рядъ непрерывныхъ метеорологическихъ наблюденій съ мѣстъ ея зимовокъ въ бухтѣ Св. Фоки и въ бухтѣ Тихой, гдѣ эти наблюденія производились подъ непосредственнымъ руководствомъ географа В. Ю. Визе.

Обращаясь къ даннымъ метеорологической станціи въ бухтѣ «Св. Фоки», работавшей въ теченіе періода съ сентября 1912 г. по день ухода отсюда экспедиціи въ августъ 1913 г., мы находимъ въ этихъ наблюденіяхъ цѣнный матеріалъ по климатологіи сѣвернаго раіона Новой Земли, откуда подобныя наблюденія поступаютъ весьма рѣдко. Какъ извѣстно, на сѣверѣ Новой Земли, т. е. на сѣверномъ изъ двухъ острововъ этой Земли, пер-

вые метеорологическія наблюденія относятся ко времени экспедиціи Баренца; зимовавшей въ 1596/97 году въ Ледяной гавани, что на восточномъ Карскомъ берегу. Эти наблюденія имѣютъ сейчасъ лишь историческій интересъ, такъ какъ они велись лишь надъ силой и направленіемъ вѣтра, состояніемъ ледяного покрова, облачностью и различными гидрометеорами. Термометръ и барометръ тогда еще не были изобрѣтены и потому ни температура воздуха, ни давленіе атмосферы не могли регистрироваться.

Первыя научныя метеорологическія наблюденія въ этой области

Метеорологическая станція въ бухтѣ «Св. Фоки».

принадлежать лейтенанту Пахтусову и штурману Цыволкѣ, которые въ 1834—35 году зимовали въ Маточкиномъ шарѣ, близъ западной его оконечности. Затѣмъ въ 1838—39 году метеорологическія наблюденія велись штурманомъ Цыволкой въ Мелкой губѣ ($73^{\circ}57'$ с. ш. $54^{\circ}48'$ в. д.) и еще позже, а именно въ 1872—73 г., зимовавшимъ въ Горбовыхъ островахъ, на Большомъ Заячьемъ островѣ ($75^{\circ}55'$ с. ш. 59° в. д.), норвежскимъ капитаномъ Тоби-сеномъ, а также находившейся въ дрейфѣ со льдами между Новой Землей и Землей Франца Іосифа австрійской экспедиціей на суднѣ «Тегетгофъ». Эти послѣднія наблюденія 1872/73 г., какъ расположенныя сравнительно близко отъ мѣста зимовки «Св. Фоки», для

I. Наблюденія 1912—1913 года.

М Ѣ С Я Ц Ы. (нов. стиль).	Температура воздуха по Ц.							Атмосферное давленіе									
	Экспеди. Сѣдова.			Экспеди. Брусилова.				Мал. Кармакулы.			Экспеди. Сѣдова.			Мал. Кармакулы.			
	Средняя.	Абс. макс.	Абс. мин.	Средняя.	Абс. макс.	Абс. мин.	Средняя.	Абс. макс.	Абс. мин.	Средняя.	Абс. макс.	Абс. мин.	Средняя.	Абс. макс.	Абс. мин.		
1912 г.																	
Октябрь	-12.3	0.0	-24.2	-11.8	—	—	—	6.8	+ 1.2	-18.0	- 3.2	762.3	781.7	733.9	762.7	781.4	734.6
Ноябрь	-10.7	0.3	-30.4	-15.9	2.5	-31.2	—	—	—	—	-11.0	755.4	771.5	730.4	—	—	—
Декабрь	-12.0	1.8	-32.4	-20.0	5.0	-30.0	7.4	1.4	-15.8	-14.4	755.8	769.7	731.6	756.7	768.7	738.3	—
1913 г.																	
Январь	-25.1	1.0	-50.2	-35.5	-20.1	—	-17.1	+ 0.6	-40.1	-16.1	757.8	773.9	735.3	757.1	773.0	737.2	—
Февраль	-18.3	0.5	-39.7	-21.4	2.5	-32.5	-17.1	+ 0.6	-33.3	-16.3	752.2	771.2	718.0	752.9	776.0	732.4	—
Мартъ	-15.3	3.0	-36.2	-22.6	6.2	-38.7	-13.1	6.7	-27.6	-15.1	749.4	767.0	737.1	747.9	766.2	732.9	—
Апрѣль	-13.9	3.7	-33.9	8.6	6.2	-25.0	7.7	4.3	-22.3	-10.3	760.0	779.4	736.3	759.5	777.4	737.4	—
Май	9.0	0.7	-23.6	3.0	6.8	-13.7	4.8	3.0	-14.6	4.4	756.5	774.7	740.6	756.6	767.2	740.3	—
Іюнь	1.6	6.4	-10.9	3.0	20.0	-1.2	0.2	6.0	—	+ 1.1	753.4	770.8	741.0	754.5	771.9	737.8	—
Іюль	+ 1.6	+11.3	2.5	+ 3.4	+18.7	1.2	+ 5.4	+14.1	—	+ 6.4	761.4	771.7	742.1	762.1	771.7	746.4	—
Августъ	+ 1.7	+ 9.2	3.6	0.2	+16.2	8.7	+ 5.3	+12.9	—	+ 6.2	760.2	770.8	750.5	764.4	776.9	752.8	—

II. Наблюдения 1872—1873 г.

МѢСЯЦЫ. (нов. стиль).	Зимовка экспедиции Сѣдова около Панкратьева полуострова въ 1912—1913 г.				Дрейфъ австрійской экспедиции между Новой Землей и Землею Франца-Иосифа, (78,7° N 67° E). въ 1872—1873 г.				Зимовка капитана Гобсона на Большомъ Залѣмъ островѣ въ 1872—1873 г.			
	Температура по Ц.			Давле- ніе среднее.	Температура по Ц.			Давле- ніе среднее.	Температура по Ц.			Давле- ніе среднее.
	Средняя.	Мах.	Min.		Средняя.	Мах.	Min.		Средняя.	Мах.	Min.	
Январь	-25.1	+ 1.0	-50.2	757.7	-22.6	- 2.6	-43.9	753.7	-19.4	- 3.5	-40.5	767.3
Февраль	-18.3	- 0.5	-39.7	753.2	-34.9	- 2.5	-46.2	741.6	-25.7	- 2.5	-39.0	751.0
Мартъ	-15.3	- 3.0	-36.2	749.4	-32.0	-18.0	-42.4	748.2	-23.8	- 7.5	-35.5	757.9
Апрѣль	-13.9	+ 3.7	-33.9	760.0	-22.5	- 8.5	-38.6	753.0	-17.3	- 6.5	-33.0	762.1
Май	- 9.0	+ 0.7	-23.6	756.4	- 9.2	- 2.4	-28.0	758.6	(- 9.6)	(- 2.0)	(-15.0)	—
Іюнь	- 1.6	+ 6.4	-10.9	753.7	- 0.7	+10.1	-10.7	751.3	—	—	—	—
Іюль	+ 1.6	-11.3	- 2.5	—	+ 1.5	—	- 3.0	—	—	—	—	—
Августъ	+ 1.7	- 9.2	- 3.6	—	+ 0.3	+ 8.1	- 7.0	751.0	—	—	—	—
Сентябрь	- 3.6	—	—	—	- 9.4	+ 0.5	-23.2	748.9	—	—	—	—
Октябрь	-12.3	± 0.0	-24.2	762.3	-16.9	+ 2.5	-33.7	751.8	-12.4	+ 3.0	-27.0	761.9
Ноябрь	-10.7	- 0.3	-30.4	755.4	-25.0	- 2.9	-35.9	757.3	-21.5	- 1.5	-36.0	766.2
Декабрь	-12.0	- 1.8	-32.4	755.8	-30.5	-18.6	-35.9	757.1	-25.7	-13.5	-37.5	764.5

насть являются особенно интересными. Съ другой стороны, для освѣщенія климатической картины района, прилегающаго къ мѣсту зимовки экспедиціи Сѣдова, цѣнными являются наблюденія, производившіяся въ это же самое время на постоянной метеорологической станціи въ Малыхъ Кармакулахъ, а также на шхунѣ «Св. Анна» полярной экспедиціей лейтенанта Брусилова, находившейся съ осени 1912 года по осень 1913 года въ дрейфѣ со льдомъ въ Карскомъ морѣ, въ сравнительно въ небольшомъ отдаленіи отъ мѣста зимовки «Св. Фоки», по другую сторону Новой Земли.

Въ двухъ выше приведенныхъ таблицахъ I и II мы сопоставляемъ среднія мѣсячныя температуры и атмосфернаго давленія изъ наблюдений экспедиціи Сѣдова, съ одной стороны, съ таковыми же 1912—13 г., производившимися въ экспедиціи Брусилова и на Мало-кармакульской станціи; съ другой—съ наблюденіями 1872—73 г., производившимися въ австрійской экспедиціи на суднѣ «Тегеттгофъ» и капитаномъ Тобисеномъ на Большомъ Заячьемъ островѣ.

Изъ этихъ сопоставленій усматривается, что осень, зима (кромя января) и весна 1912—13 года были въ районѣ зимовки «Св. Фоки» значительно теплѣе, чѣмъ 1872—73 года. По отношенію же наблюдений экспедиціи Брусилова, произведенныхъ въ районѣ Карскаго моря, т. е. къ востоку отъ мѣста зимовки «Св. Фоки», климатическія условія въ теченіе зимняго времени были менѣе суровы, таковыя же весенняго болѣе суровы, что объясняется, несомнѣнно, главнымъ образомъ, тѣмъ, что полуостровъ Панкратьева не только омывается водами болѣе теплаго, по сравненію съ Карскимъ, Баренцова моря, но еще и тѣмъ, что онъ расположенъ по близости одной изъ значительныхъ вѣтвей Гольфштрема, подходящихъ въ этой широтѣ къ берегу Новой Земли.

Сравнивая данныя станціи въ бухтѣ Св. Фоки (76° с. ш.) съ таковыми въ Малыхъ Кармакулахъ ($72^{\circ} 23'$ с. ш.) и, принимая во вниманіе, что послѣдняя расположена почти на $3\frac{1}{2}^{\circ}$ южнѣе и также находится въ области, омываемой одной изъ наиболѣе значительныхъ вѣтокъ Гольфштрема, мы не находимъ въ климатическихъ условіяхъ этихъ двухъ станцій какихъ либо большихъ несоотвѣтствій, кромѣ средней температуры за январь 1913 г., которая оказалась въ бухтѣ Св. Фоки на $8,0^{\circ}$ холоднѣе таковой въ томъ же году въ Малыхъ Кармакулахъ и на $9,0^{\circ}$ холоднѣе нормы для послѣдняго мѣста.

Имѣя въ своемъ распоряженіи лишь средніе выводы за 11 мѣсяцевъ зимовки, мы, конечно, далеки отъ того, чтобы дѣлать изъ

нихъ какія-либо заключенія; однако, и этихъ данныхъ достаточно для того, чтобы лишній разъ убѣдиться, что области Панкратьева полуострова также присущи всѣ характерныя особенности климата высоко арктическихъ странъ, лежащихъ по сосѣдству съ моремъ, сравнительно хорошо нагрѣтымъ осенью и зимой и несвободнымъ отъ льдовъ весной и отчасти лѣтомъ. Этимъ обстоятельствомъ объясняется значительное запаздываніе здѣсь наступленія весны и лѣта и въ общемъ, сравнительно, высокая средняя температура осени и зимы и низкая весны и лѣта.

Что касается давленія атмосферы, то въ приводимыхъ здѣсь среднихъ мѣсячныхъ особенно выраженныхъ несогласій не встрѣчается; во всѣхъ случаяхъ преобладаетъ давленіе довольно низкое, причемъ, значительная измѣнчивость его здѣсь, какъ впервые предположилъ Тилло на основаніи изслѣдованія многолѣтнихъ наблюденій давленія въ Петроградѣ и Архангельскѣ, выражена наиболѣе рельефно.

Такое явленіе, надо думать, обусловливается главнымъ образомъ тѣмъ, что постѣ прохожденія циклоновъ, т. е., низкаго давленія, наступаетъ соотвѣтственное повышенное давленіе, которое сопровождается и рѣзкимъ пониженіемъ температуры воздуха.

Хотя мы и видѣли, что зима 1912—13 г. на сѣверѣ Новой Земли была теплѣе обыкновеннаго; тѣмъ не менѣе, временами, морозы были весьма жестоки; особенно это сказывалось въ теченіе періода съ 15 января по 5 февраля по новому стилю, когда температура держалась въ среднемъ между 30—40 градусами, причемъ 29 января абсолютный минимумъ былъ 50°2 Ц.

Далѣе изъ предварительнаго отчета. Визе мы узнаемъ, что преобладающими вѣтрами за періодъ наблюденій, доходившими до бурь, въ осенніе, зимніе и весенніе мѣсяцы были вѣтры изъ SW четверти. Эти бури обусловливались большею частью проходившими циклонами. Менѣе часто наблюдались вѣтры отъ SSO и SO иногда съ характеромъ боры. Вѣтры же изъ NO четверти были рѣдки и сравнительно слабы, еще рѣже отмѣчались вѣтры изъ NW четверти.

Что касается метеорологическихъ наблюденій въ бухтѣ Тихой на островѣ Гукера, то здѣсь мы имѣемъ рядъ непрерывныхъ 2-хъ часовыхъ наблюденій надъ всѣми атмосферными элементами съ 19 сентября 1913 г. по день выхода отсюда экспедиціи 17 іюля 1914 г.

Въ нижеслѣдующей таблицѣ III мы приводимъ среднія мѣсячныя температуры воздуха въ бухтѣ Тихой въ связи съ таковыми же

данными за то же время изъ Малыхъ Кармакулъ и данными, полученными въ разное время другими экспедиціями, зимовавшими въ архипелагѣ Франца-Иосифа.

III. Средняя температура на Землѣ Франца-Иосифа и въ Малыхъ Кармакулахъ ¹⁾.

МѢСЯЦЫ. (нов. стил.).	1	2	3	4		5	6	7	
	Экспеди- ція Сѣдова въ бухтѣ Тихой. 1913—14	Малыя Карма- кулы (Новая Земля). 1913—14	Экспеди- ція Нансена. 81.2° N. 55.6° E. 1895—96	Экспедиція Джексона на мысѣ Флора. 79.8° N. 49.7° E. 1894—95 1895—96		Экспеди- ція Уэльмана. 80.1° N. 59.0° E. 1898—96	Экспеди- ція герцога Абруц- цаго. 81.8° N. 58.1° E. 1899—900	81.8° N. 57.9° E. 1903—04	79.9° N. 50.0° E. 1904—05
Январь . .	—30.0	—24.6	—28.4	—24.2	—28.5	—27.5	—19.9	—26.7	—28.6
Февраль . .	—26.7	—22.0	—27.5	—29.2	—21.9	—24.6	—29.7	—26.4	—22.7
Мартъ . .	—26.2	—16.3	—12.3	—26.1	—12.9	—29.9	—29.0	—28.3	—21.6
Апрѣль . .	—16.3	—11.6	—13.2	—19.1	—12.7	—18.2	—19.1	—22.6	—15.9
Май, . . .	— 7.9	— 3.1	(— 7.9)	— 9.0	— 9.1	— 9.2	— 9.6	—	— 4.2
Іюнь . . .	— 1.9	+ 2.0	(— 1.6)	— 0.3	— 1.4	— 0.1	— 1.3	(— 0.4)	— 0.7
Іюль . . .	+ 0.7 ²⁾	+ 3.5	(+ 0.2)	+ 1.3	+ 0.6	+ 1.8	+ 2.3	(+ 1.9)	+ 1.5
Августъ . .	—	+ 6.1	—	+ 0.3	— 0.3	—	(+ 0.9)	—	+ 1.0
Сентябрь . .	— 7.0 ¹⁾	+ 1.2	— 6.5	— 6.9	— 4.6	— 1.8	— 5.3	— 6.3	— 5.9
Октябрь . .	—14.2	— 7.2	—17.6	—18.6	—13.7	—15.1	—17.0	—14.7	—10.6
Ноябрь . .	—19.6	—12.3	—24.2	—18.3	—22.1	—20.7	—18.8	—23.6	—24.9
Декабрь . .	—16.9	—11.9	—24.1	—26.9	—21.4	—26.9	—17.8	—26.4	—25.5

Сравненіе этихъ данныхъ между собой показываетъ довольно хорошее между ними согласованіе, кромѣ сравнительно довольно низкихъ среднихъ температуръ въ бухтѣ Тихой въ январѣ и іюнѣ, отмѣчая въ то же время еще болѣшую суровость климата здѣсь по сравненію съ таковымъ въ бухтѣ Св. Фоки на Новой Землѣ. Принимая во вниманіе данныя, имѣющіяся въ литературѣ, мы видимъ, что средняя годовая температура на Землѣ Франца-Иосифа колеблется между -12.3 и -15.1 при абсолютномъ минимумѣ -45.7 и максимумѣ $+12.2$, при чемъ здѣсь средняя мѣсячная температура выше нуля встрѣчается только въ іюль и августъ. Въ сѣверной части Новой Земли средняя годовая температура

¹⁾ Данныя графъ 3—7 заимствованы изъ труда: J. Hann, Handbuch d. Klimatologie. Stuttgart. 1911.

²⁾ За 29 сутокъ.

³⁾ За 12 сутокъ.

колеблется между $-6^{\circ}9$ и $-8^{\circ}3$ при абсолютномъ минимумѣ въ $-50^{\circ}2$ и абсолютномъ максимумѣ $+11^{\circ}3$, здѣсь среднія мѣсячныя положительныя температуры наблюдаются въ теченіе іюня, іюля и августа.

Наблюденія экспедиціи подтверждаютъ прежнія наблюденія, что архипелагъ Франца-Иосифа лежитъ къ сѣверу отъ путей нашихъ сѣверо-европейскихъ циклоновъ. Поэтому, въ то время, когда въ бухтѣ Св. Фоки преобладали вѣтры SW четверти, въ бухтѣ Тихой, наоборотъ, превальирующими являлись вѣтры изъ NO четверти. При этомъ, на Новой Землѣ всякій сильный штормъ отъ SW сопутствовался рѣзкимъ повышеніемъ температуры, иногда съ -20° до -2° ; здѣсь же—штормы отъ O и NO сопровождались всегда очень низкими температурами.

Остается еще отмѣтить, что для опредѣленія гармоническихъ постоянныхъ волнъ прилива въ бухтѣ Тихой производились въ теченіе одного мѣсяца. Высота сизигійнаго прилива 8,7 дюйма.

По отношенію геологическихъ работъ слѣдуетъ замѣтить, что послѣднія велись геологомъ экспедиціи М. А. Павловымъ по всѣмъ отдѣламъ геологіи и разработка собранныхъ минералогическихъ, петрографическихъ и палеонтологическихъ коллекцій, надо надѣяться, дастъ цѣлый рядъ разъясненій какъ по отношенію отрицательнаго движенія береговой линіи Новой Земли, такъ, особенно, и по отношенію геологическаго строенія ея. Особенный интересъ обращаетъ на себя изслѣдованіе моренъ глетчера Таисія, на восточной части котораго были найдены четвертичныя раковины и морскія водоросли, а на вершинѣ, на высотѣ 40 метровъ, плавникъ. Велись г. Павловымъ также изслѣдованія надъ пластичностью льда при низкихъ температурахъ въ связи съ оптическимъ изслѣдованіемъ его.

Очень цѣнно указаніе г. Павлова, что на восточномъ берегу Новой Земли мѣстные глетчеры отсутствуютъ, по крайней мѣрѣ въ районѣ 75° — 76° с. ш., по причинѣ неблагоприятныхъ орографическихъ условій. Между тѣмъ, какъ на западномъ берегу такіе ледники образуются на горахъ, на высотѣ отъ 500 метровъ, гдѣ они выполняютъ глубокія и узкія лощины, обыкновенно небольшихъ размѣровъ, и имѣютъ весьма крутое паденіе. Накопленію здѣсь снѣга способствуютъ главнымъ образомъ SSO вѣтра, которые наносятъ громадное количество снѣга съ ледяного покрова.

Во время этихъ интересныхъ, но далеко не безопасныхъ экскурсій по ледникамъ, геологъ Павловъ однажды провалился въ трещину, покрытую свѣже-выпавшимъ снѣгомъ, и, пролетѣвъ около

7 сажень съ большой быстротой внизъ, задержался лишь благодаря «мосту»¹⁾. Черезъ $\frac{1}{2}$ часа дружной работы спутниковъ, провадившагося удалось поднять спасательными веревками на поверхность глетчера цѣлымъ и невредимымъ, если не считать ушиба колѣна и непріятнаго сотрясенія организма.

На зимовкѣ въ 1913—14 г. геологомъ Павловымъ былъ подробно обследованъ островъ Гукера. Во время его экскурсій были на Rubini rock найдены гурій (безъ какихъ-либо письменныхъ сообщеній), вѣроятно, поставленный экспедиціей Уэльмана; интересна также находка на сѣверномъ мысѣ о-ва Гукеръ—на Cap Markham — приблизительно на высотѣ 75 метр. надъ уровнемъ моря, окаменѣлаго плавника.

Переходя къ естественно-историческимъ изслѣдованіямъ по отдѣлу біологіи, мы можемъ отмѣтить, что и въ этомъ отношеніи экспедиціею собранъ весьма разносторонній матеріалъ. Всѣ біологическія изслѣдованія велись врачомъ П. Г. Кушаковымъ, который, помимо сбора разнообразныхъ обычныхъ коллекцій по зоологіи и ботаникѣ, избралъ для своихъ работъ весьма интересную и мало изученную еще область паразитологіи полярныхъ животныхъ—паразитологію крови и кишечника и другихъ внутреннихъ органовъ. Собирались имъ также и наружные паразиты со всѣхъ добывавшихся членами экспедиціи млекопитающихъ и птицъ. Въ этомъ отношеніи интересны изслѣдованія его надъ люрикомъ (*Mergulus alle L.*), у котораго, въ связи съ позднимъ отлетомъ, констатированно массовое заболѣваніе какой-то глистой изъ отряда *Acanthocephali*, а также изслѣдованія надъ вшами и глистами (изъ рода *Acarida*) съ леминговъ и изслѣдованія надъ пуховѣдами (*Mallophaga*) съ различныхъ морскихъ птицъ.

Любопытно, что, какъ показываютъ эти изслѣдованія, нѣкоторымъ полярнымъ животнымъ, особенно чайкамъ, присуща значительная кишечная фауна и флора, тогда какъ, кишечникъ другихъ животныхъ, напр., бѣлыхъ медвѣдей, характеризуется только однимъ видомъ бактерій—именно *Bacterium coli communis*, и, наконецъ, у третьихъ, особенно у вида кайры, изъ семейства чистиковъ (*Uria sp.*), кишечникъ оказался совершенно стерильнымъ. Крово-паразитовъ изслѣдованіями врача Кушакова не обнаружено.

Практическое значеніе приобрѣтають наблюденія П. Г. Кушакова надъ жизнью въ экспедиціи собакъ, особенно отношеніе ихъ

¹⁾ Снѣжныя перемычки на разныхъ высотахъ глубокой трещины.

къ низкимъ температурамъ въ связи съ различнаго рода питаніемъ. Оказалось, что при одинаковомъ кормѣ (галеты Скорикова, америк. галеты и овсянная крупа) морозъ въ 40—50° сибирскія собаки переносили довольно легко, не теряя своего вѣса; между тѣмъ какъ архангельскія собаки убывали въ вѣсѣ, не смотря на прикармливаніе, причемъ двѣ изъ трехъ, подвергавшихся эксперименту архангельскихъ собакъ, околѣли. Изъ дальнѣйшаго отчета врача Кушакова мы узнаемъ, что къ срединѣ іюня 1913 года изъ 80 собакъ, взятыхъ въ Архангельскѣ, въ экспедиціи осталось лишь 29 (16 сибирскихъ и 13 архангельскихъ), остальные же погибли въ теченіе зимы и весны во время экскурсій; причемъ отъ холода погибло около 50% всѣхъ собакъ и значительное количество погибшихъ изъ этой категоріи пришлось на собакъ архангельскихъ. Особыхъ заболѣваній среди собакъ, какъ это наблюдалось иногда въ другихъ полярныхъ экспедиціяхъ, не случилось.

Поражаетъ упоминаніе въ отчетѣ П. Г. Кушакова о значительномъ количествѣ крысъ, клоповъ и другихъ насекомыхъ, которыхъ экспедиція приобрѣла отъ «Св. Фоки» въ видѣ бесплатнаго приложенія, и которые участникамъ ея доставили не мало убытковъ и огорченій.

Въ отношеніи промысловъ животныхъ, экскурсіи членовъ экспедиціи въ осеннее и зимнее время показали, что промыселъ въ это время бѣлаго медвѣдя и морскихъ звѣрей, вслѣдствіе сплошныхъ льдовъ, а также темноты, если не устроить на наиболѣе примѣтныхъ мысахъ избушекъ со складами провизіи и топлива, въ такихъ полярныхъ широтахъ въ теченіе полугода невозможенъ.

Необходимо помнить, что въ широтѣ зимовки экспедиціи солнце не восходитъ съ 19 октября по 27 января и, кромѣ того, очень много пасмурныхъ и туманныхъ дней.

Съ другой стороны, наблюденія экскурсіи г. Визе, съ 17 марта по 17 апрѣля стараго стиля, показали, что на Карской сторонѣ Новой Земли живетъ большое количество песцовъ, а также встрѣчается и дикій олень.

Слѣдуетъ еще отмѣтить, что на всемъ Карскомъ берегу, гдѣ только берегъ низменный, встрѣчается много плавнику, что весьма цѣнно для промышленника.

Относительно охоты на Землѣ Франца-Иосифа данныя экспедиціи указываютъ на частыя встрѣчи съ бѣлыми медвѣдями, причемъ двѣ медвѣжьихъ берлоги были обнаружены въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ судномъ. Далѣе экспедиціей указывается, что около бухты

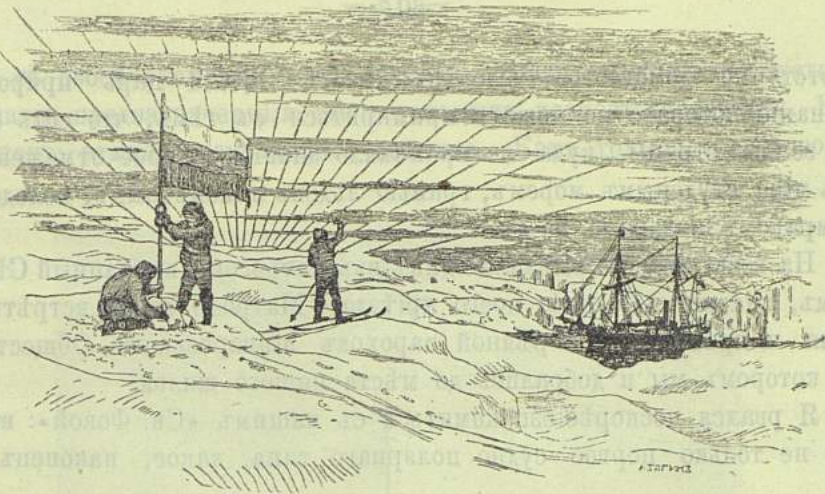
Тихой образовавшіяся подъ вліяніемъ сильнаго теченія въ Мелленіусъ-зундѣ уже въ мартѣ мѣсяцѣ полныи привлекали сюда миллионы птицъ, «базары» которыхъ, т. е. гнѣздованія на скалахъ большими массами, могли сравниться по количеству населенія только съ базарами на мысѣ Флора. Обиліе яицъ и птичьяго мяса быстро возстановили упавшія за зиму силы участниковъ экспедиціи.

Нельзя въ заключеніе обойти молчаніемъ и трудовъ художника-фотографа Н. В. Пинегина, занимавшагося въ экспедиціи зарисованіемъ ландшафтовъ этюдовъ, обычнымъ фотографированіемъ и кинематографированіемъ. Многіе изъ читателей, вѣроятно, уже знакомы съ этими работами по выставкѣ въ Академіи Художествъ, а также по кинематографическимъ сеансамъ, сопровождавшихъ доклады Сѣдовскаго Комитета объ этой экспедиціи, бывшихъ три года тому назадъ.

Весьма цѣнными являются также многочисленныя этюды полярныхъ сценъ, писавшіеся г. Пинегинъ главнымъ образомъ на Землѣ Франца-Иосифа.

Этотъ весьма бѣглый и неполный обзоръ научныхъ работъ экспедиціи старшаго лейтенанта Сѣдова показываетъ, что всѣ члены ея одинаково, вполне сознательно и ревностно, не щадя своихъ силъ, отдавались, каждый въ области своей специальности, дѣлу изслѣдованія полярной природы. Пожелаемъ, чтобы понесенныя этими безкорыстными работниками труды и лишения, вмѣстѣ съ дорогою пріобрѣтеннымъ опытомъ, не остались лежать втунѣ, какъ это обыкновенно случается съ русскими экспедиціями, но, чтобы, въ недалекомъ будущемъ, научные труды ихъ, появившись въ свѣтъ, стали достояніемъ широкихъ народныхъ массъ, развивая въ нихъ любовь и интересъ къ изученію отечественныхъ приполярныхъ окраинъ,—опытъ же, вынесенный, изъ этой экспедиціи ея участниками, да послужилъ бы имъ для дальнѣйшаго плодотворнаго творчества на этой тернистой нивѣ на пользу науки.

Къ Сѣверному полюсу съ экспедиціей старшаго лейтенанта Г. Я. Сѣдова.

(Дневникъ исполняющаго обязанности начальника экспедиціи П. Г. Кушакова).

Г Л А В А I.

Пріѣздъ въ Архангельскъ.

Проводы, сборы и приготовленія къ отъѣзду.

СЕГОДНЯ, 28 іюля 1912 года, я пріѣхалъ въ Архангельскъ въ этотъ старый, славный городъ мореходовъ, куда нѣкогда направлялъ свой орлиный взоръ самъ Петръ Великій, откуда вышло столько безстрашныхъ морскихъ удалцовъ, гдѣ Европейская Россія пока имѣетъ единственный выходъ въ широкое море-океанъ... Здѣсь, казалось, все должно быть объято преданіями сѣдой старины, дыша стремленіями къ неизвѣданному, неразгаданному сѣверу, манящему своими сказочными красотами, спящему сномъ непробуднымъ, словно заколдованная царевна, ждущая своего безстрашнаго рыцаря-ислѣдователя, чтобы проснуться, загорѣться красотой и повѣдать міру свои глубокія тайны, познать которыя такъ жадно

неотступно домогается человекъ, этотъ гордый царь природы, сознание котораго не можетъ примириться съ тѣмъ, что есть еще на землѣ страны, куда не проникало знаніе, которое отмежевано отъ міра студенымъ моремъ, гранью льдовъ вѣковѣчныхъ, холодомъ и мракомъ полярной ночи...

На вокзалѣ меня ожидалъ одинъ изъ матросовъ, посланный Съдовымъ, знавшимъ о днѣ моего приѣзда. Матросъ этотъ встрѣтилъ меня и проводилъ на рѣчной пароходъ Макаровскаго Общества, на которомъ мы и добрались до мѣста нашего жилья.

Я рвался поскорѣе ознакомиться съ нашимъ «Св. Фокой»: вѣдь это не только первое судно полярнаго типа, какос, наконецъ, я

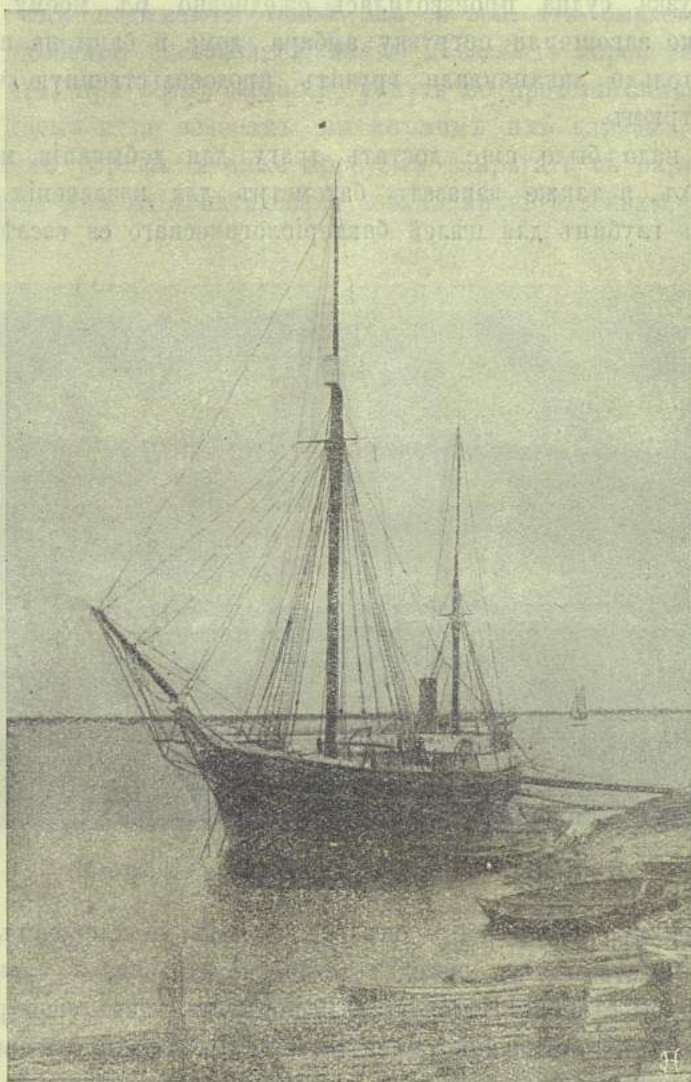
Домъ въ Соломбалѣ, въ которомъ жила экспедиція.

увиджу, но и корабль, на которомъ мнѣ предстоитъ совершить далекій, долгій путь — къ славѣ или гибели, одинъ Богъ знаетъ...

Всю дорогу я спрашивалъ матроса, скоро-ли мы прибудемъ, гдѣ стоитъ судно, грузится-ли оно и что дѣлаетъ команда. Черезъ полчаса мы были уже на пристани «Саломбала». Къ пристани подошли еще два матроса нашей команды, взяли наши вещи, и всѣ мы двинулись къ двухэтажному сѣренькому домику, саженьяхъ въ 200-хъ отъ пристани. Почти противъ дома стоялъ и нашъ «Святой Мученикъ Фока».

Поселились мы на верху въ небольшой комнатѣ, съ наскоро поставленными двумя кроватями, столомъ и двумя стульями. Квартира походная, но чистая и свѣтлая. Рядомъ помѣстился Г. Я. Съ-

довъ съ своей супругой, а съ другихъ сторонъ прилежали пустыя комнаты, предназначенныя для остальныхъ членовъ экспедиціи. Въ нижнемъ этажѣ размѣстилась команда. Какъ только мы устраи-

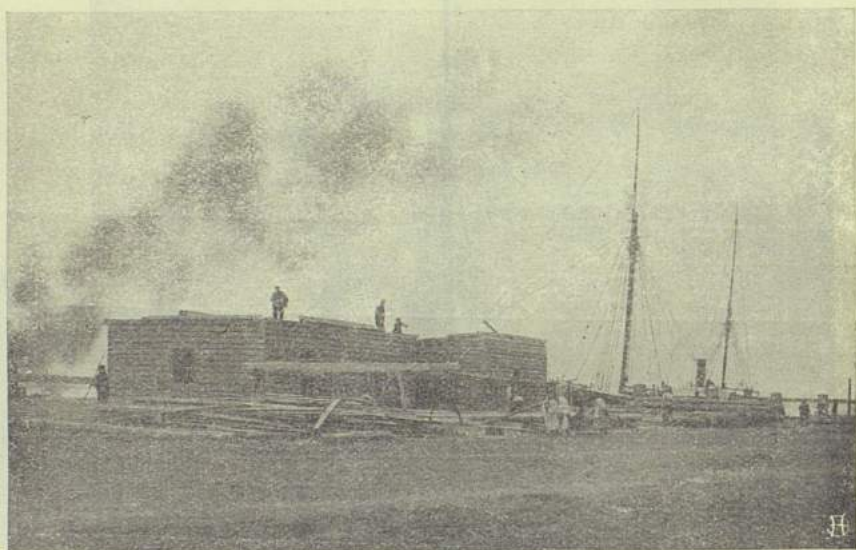
Судно «Св. муч. Фокъ» у пристани въ Соломбалѣ.

лись, я сейчасъ же пошелъ осматривать судно, собакъ и вообще всѣ предметы нашего снаряженія. Осмотрѣвъ судно, я выбралъ для себя одну изъ свободныхъ каютъ, приказалъ очистить ее, вымыть, запереть и ключъ передать мнѣ.

Весь этот день я былъ въ какомъ-то приподнятомъ настроеніи, много передумалъ, всему прожитому подвелъ итоги. надъ нѣкоторыми моментами жизни поставилъ кресты и съ чистой обновленной душой изготавился въ путь дороженьку.

Погрузка судна производилась ежедневно. Къ моему прїѣзду почти уже завошчили погрузку амбара, дома и бани на палубѣ и теперь только закалчивали грузить продовольственную часть въ нижній трюмъ.

Мнѣ надо было еще достать драгу для добыванія морскихъ животныхъ, а также заказать батсметръ для извлеченія воды съ большихъ глубинъ для цѣлей бактериологическаго ея изслѣдованія.

Постройка экспедиціонныхъ зданій въ Соломбалѣ.

Сѣдова явижу очень рѣдко, — онъ все бѣгаетъ, да хлопочетъ, просто жаль на него смотрѣть, изводятъ его основательно.

Съ одной стороны Петербургскій комитетъ даетъ свои распоряженія, не зная положенія дѣла на мѣстѣ, и самъ задерживаетъ въсылку консервовъ, аппаратовъ, инструментовъ и другихъ частей, а съ другой — пытается устроить всевозможныя препятствія владѣлецъ судна Дикинъ, не нямѣривающійся, повидимому, идти въ плаваніе, хотя согласно съ условіемъ, ему уже выдано впередъ 2800 рублей, т. е. половина договорной платы за доставку экспедиціи на Землю Франца Іосифа. Получивъ эти деньги, Дикинъ, однако, ровно ничего не предпринимаетъ.

Къ 5 августа почти закончили погрузку; остается получить и погрузить небольшую часть груза, отправленного изъ Петербурга.

Тобольскія собаки, числомъ тридцать штукъ, давно прибыли и размѣщены въ особомъ, загороженномъ мѣстѣ на дворѣ. По временамъ онѣ поднимаютъ такой лай и вой, что бываетъ жутко. Собаки особенно беспокоятся ночью и задаютъ порой такой концертъ, что, при всемъ желаніи, уснуть не представляется возможнымъ. Днемъ и по вечерамъ мы кормимъ ихъ хлѣбомъ, а также пригоняемъ упряжь и даже пробуемъ запрягать въ нарты. Ожидаемъ еще прибытія пятидесяти собакъ архангельскихъ.

Пригонка упряжи.

Каждая собака въ среднемъ обошлась по пятидесяти рублей. Собаки эти вообще очень ласковы и, когда проходишь мимо нихъ, подбѣгаютъ, прыгаютъ и каждая старается быть первой, поближе, чтобъ ее приласкали. Часто это стараніе служить поводомъ къ началу драки, и приходится довольно энергично разбирать ихъ споры и ссоры, чтобъ каждую вознаградить по заслугамъ, при чемъ надо быть очень осторожнымъ и особенно хорошо слѣдить за состояніемъ своего костюма, ибо въ ощей свалкѣ легко могутъ пострадать и брюки и пальто. Вообще возня съ собаками, довольно смышленными, доставляетъ даже пѣкоторое развлеченіе, сознаешь, что это наши вѣрные друзья, съ которыми придется не одинъ

день переживать всё труды и невзгоды опаснаго полярнаго путешествія.

Къ 6 августа собрались, наконецъ, всё члены экспедиціи. Но въ этотъ же день Сѣдовъ получилъ увѣдомленіе отъ нотариуса о томъ, что владѣльцемъ судна, Дикинымъ, подано заявленіе начальнику порта о недопустимости выхода въ море въ виду сильной перегрузки судна. Этимъ поступкомъ Дикинъ сразу далъ понять, что добровольно онъ съ нами не пойдетъ и что предстоитъ боль-

Экспедиціонная команда.

шая возня прежде, чѣмъ удастся какъ-нибудь уладить дѣло и выйти въ плаваніе.

Утромъ Сѣдовъ отправился въ Управление порта, откуда къ 12 часамъ на судно для его осмотра прибыла комиссія въ составѣ двухъ инженеровъ.

Судно, дѣйствительно, оказалось нѣсколько перегруженнымъ благодаря тому, что всё желѣзные баки на суднѣ были наполнены прѣсной водой. По расчету инженеровъ выяснилось, что такое количество воды для питанія котловъ не нужно. Грузовая марка судна

была въ водѣ и чтобы ее обнажить, необходимо было выкачать воду изъ баковъ обратно.

Дикинъ согласился и началъ выкачивать воду, но ручными насосами, что могло продолжаться около недѣли.

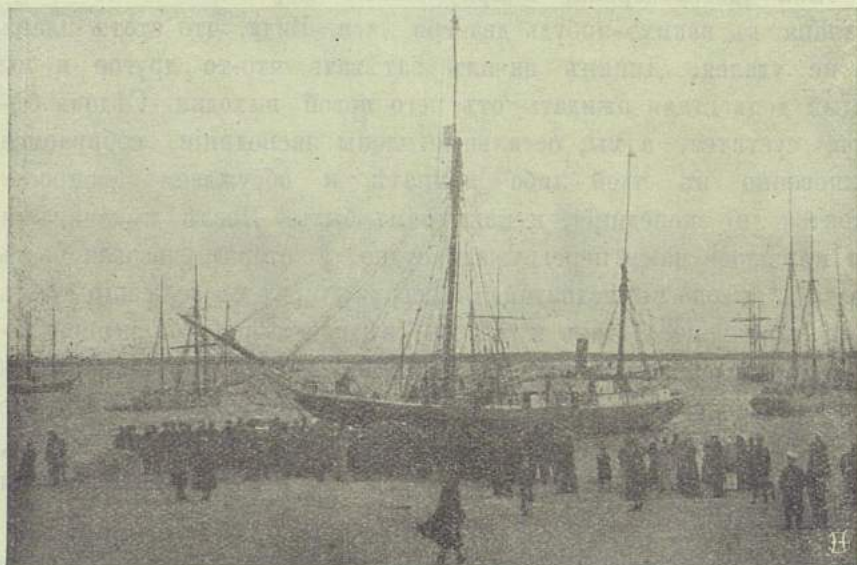
Сѣдовъ, видя желаніе Дикина оттянуть время отхода въ плаваніе, чтобы, опираясь на условіе, гласящее, что судно должно выйти въ море не позже 15 августа, получить всю арендную плату и затѣмъ отказаться отъ плаванія, снова обратился въ портъ съ просьбой прислать рѣчной пароходъ и выкачать воду. Просьба эта была удовлетворена, и прибывшимъ пароходомъ вода была выкачана въ какихъ-нибудь два-три часа. Видя, что этотъ планъ его не удался, Дикинъ началъ затѣвать что-то другое и мы каждый день стали ожидать отъ него новой выходки. Сѣдовъ бѣгаетъ, суетится, а мы, остальные члены экспедиціи, собираемся обыкновенно въ чьей-либо комнатѣ и обсуждаемъ вопросъ: состоится ли экспедиція, и какъ намъ быть. Послѣ выкачиванія воды пришлось намъ перегружать судно, у котораго носовая часть оказалась высоко приподнятой. Перегружали въ продолженіе трехъ сутокъ, при чемъ Сѣдовъ и всѣ мы слѣдили за работой и перекладывали бревна нашихъ построекъ съ кормы подъ полубакъ; кромѣ этого пришлось выгрузить часть провизіи и керосина. Когда все было слѣлано, накачали снова воду въ баки до законной марки, что по расчету должно было дать намъ возможность питать котлы до Земли Франца-Иосифа.

Какъ только закончили эти работы, Дикинъ заявилъ, что считаетъ взятое количество воды недостаточнымъ, почему въ море не пойдеть, а затѣмъ 9 августа послалъ Сѣдову черезъ нотариуса увѣдомленіе о томъ, что страховое общество не беретъ на страхъ судно, отправляющееся въ такое далекое плаваніе, а такъ какъ оно заложено, то его не выпускаютъ кредиторы.

Пришлось снова обратиться въ Комитетъ по содѣйствію снаряженія экспедиціи къ полюсу. Въ Петербургъ была дана телеграмма, и вопросъ и на этотъ разъ удался уладить. Но не прошло и дня, какъ Сѣдовъ снова получилъ извѣщеніе, что судно арестовано въ обезпеченіе иска въ суммѣ 1500 рублей, предъявленнаго къ Дикину однимъ изъ его матросовъ, получившимъ на службѣ членовредительство.

Когда и этотъ маневръ не удался, и деньги были внесены, явилось новое осложненіе, а именно, всѣ служащіе Дикина—его помощникъ, штурманъ, механикъ, помощникъ механика и боцманъ

отказались, повидимому по его совѣтамъ, идти въ плаваніе, о чемъ Сѣдову было заявлено Дикинымъ 10 августа. Сѣдовъ, съ своей стороны, черезъ того же нотаріуса, категорически предложилъ Дикину быть готовымъ къ выходу въ море 12 августа. Это заявленіе, очевидно, заставило Дикина прибѣгнуть къ послѣднему маневру: онъ официально отказался идти съ нами въ море. Сѣдову пришлось снова обратиться въ Комитетъ съ просьбой обратиться къ Дикину и выяснить окончательно, пойдетъ ли онъ въ плаваніе или откажется.

Судно экспедиціи «Св. муч. Фока» у Соборной пристани въ Архангельскѣ.

Комитетъ предложилъ Дикину, подтвердившему свой отказъ идти въ плаваніе, отдать свое судно въ аренду на одинъ мѣсяцъ, а Сѣдову — нанять всю команду, капитана и вообще всю судовую администрацію, требуемую закономъ, и идти въ море самостоятельно. Стороны согласились на предложеніе Комитета, и Сѣдовъ въ тотъ же вечеръ заключилъ контрактъ съ оставшейся Дикинской командой и нанялъ новаго механика.

Механикъ, сбиваемый Дикинымъ и другимъ механикомъ, убѣждавшими его отказаться отъ плаванія въ виду того, что судно имѣетъ большую течь и можетъ во льдахъ погибнуть, утромъ, дѣйствительно, отказался и только послѣ переговоровъ съ портовымъ начальствомъ вновь далъ свое согласіе.

12 августа, наконецъ, мы всё перешли на судно.

Радіотелеграфъ не былъ полученъ изъ Петербурга, но Съдовъ рѣшилъ отправиться въ экспедицію безъ него, тѣмъ болѣе, что ожидать его не представлялось возможнымъ въ виду позднего времени.

13 августа мы должны были перейти къ городской Соборной пристани и оттуда уже готовиться къ выходу въ море.

Въ Саломбалѣ собралось очень много народа, на мачтѣ взвился трехцвѣтный національный флагъ, и мы въ сопровожденіи упра-

Молебень на Соборной пристани передъ отправленіемъ экспедиціи.

вляющаго губерніей, управляющаго портомъ, и двухъ портовыхъ пароходовъ начали отваливать при громкихъ крикахъ «ура».

Команда начала поднимать якоря, но передаточная съ лебедки цѣпь лопнула и намъ пришлось задержаться лишніе полчаса, пока замѣнили лопнувшее кольцо новымъ.

Наконецъ, якоря подняли, и судно медленно пошло по рѣкѣ. Это было какое-то таинственное шествіе стараго полярнаго инвалида съ его неуклюжимъ, но еще крѣпкимъ корпусомъ.

Къ 3-мъ часамъ мы пристали къ городской пристани.

Отходъ былъ назначенъ на 14 августа и за однѣ сутки надо было найти намъ капитана, штурмана и помощника механика, которые бы довели судно до земли Франца-Иосифа и обратно въ архан-

гельскъ. Съдову на этотъ разъ повезло, и всѣ необходимыя лица были наняты къ отходу.

Судно наше, почти все время, посѣщали лица, интересующіеся экспедиціей.

Ночь прошла и съ ней какъ бы отлетѣли въ прошлое всѣ перенесенныя невзгоды.

Съ утра стали приходить проститься со мною мои новые знакомые.

Старый, опытный капитанъ Ловушкинъ успѣлъ побывать въ церкви у обѣдни, помолился за меня, принесъ просфору и благословилъ въ далекій путь, ему уже знакомый.

Городской голова г. Архангельска провожаетъ экспедицію на судно съ иконой.

Къ 12-ти часамъ дня на пристани собралось много народа.

Духовенство съ хоругвями отслужило молебенъ, благословило насъ и освятило наше знамя; полились рѣчи, заиграла музыка, и наше судно, взявъ къ себѣ на бортъ нашихъ близкихъ знакомыхъ и друзей и сочувствующихъ идеѣ путешествія, при крикахъ ура и звукахъ оркестра, тронулось въ далекій путь.

По мѣрѣ удаленія судна, привѣтственные звуки все затихали и съ ними начали замирать въ сознаниі и всѣ чувства горечи и обиды за тѣ препятствія, которыя создавали люди, чуждые наукѣ и неинтересующіеся общественными начинаніями.

Судно наше тихо плыло внизъ по рѣкѣ, но на немъ кипѣла жизнь.

Насъ рѣшили проводить до открытаго моря, а затѣмъ всѣ должны были возвратиться обратно на пароходъ Управленія порта.хлопотъ съ нами было много и мы старались всѣми способами выразить свою благодарность и проявить наше искреннее расположеніе къ тѣмъ, кому были дороги мы сами и наши интересы, кто понималъ наши чувства и наши стремленія.

Накрапывавшій съ утра дождикъ смѣнило солнышко, и тихая, дивная погода встрѣтила насъ при выходѣ въ открытое море, такое тихое, спокойное.

Вдоль берега въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видѣлись группы лицъ, выражавшихъ намъ свое сочувствіе, раскаты ура доносились иногда издалека, тревожа тишину окружающей природы, бѣлые и цвѣтные платки, шапки, поднятыя на высокіе шесты, скрашивали картину однообразной береговой полосы, покрытой кустарниками и застроенной лѣсопильными и другими заводами.

Мы шли на буксирѣ и казалось, что послѣ долгихъ препятствій, на борьбу съ которыми была непроизводительно затрачена масса энергіи, намъ тяжело идти русломъ тѣсной рѣки, и лишь морской просторъ насъ оживитъ; лишь тамъ, на морѣ, мы привольно широкою грудью вздохнемъ и расправимъ свои мощныя крылья, чтобы съ обновленными силами бодро вступить въ суровые края полярной природы.

Вотъ, наконецъ, передъ нами и открытое море; оно тихо и покойно. Кругомъ стоятъ парусныя суда. Полный штиль. А на душѣ не то... Здѣсь все хмурится, волнуется, кипитъ. Жаль разтаться съ близкими людьми и съ обществомъ, съ которыми жилъ ужъ много лѣтъ, для котораго работалъ долгіе, лучшіе годы, не покладая рукъ... Э, да что тамъ,—развѣ можно теперь отказываться отъ завѣтной мечты, перестать стремиться къ манящей властно цѣли—на сѣверъ, къ полюсу, къ побѣдѣ?!

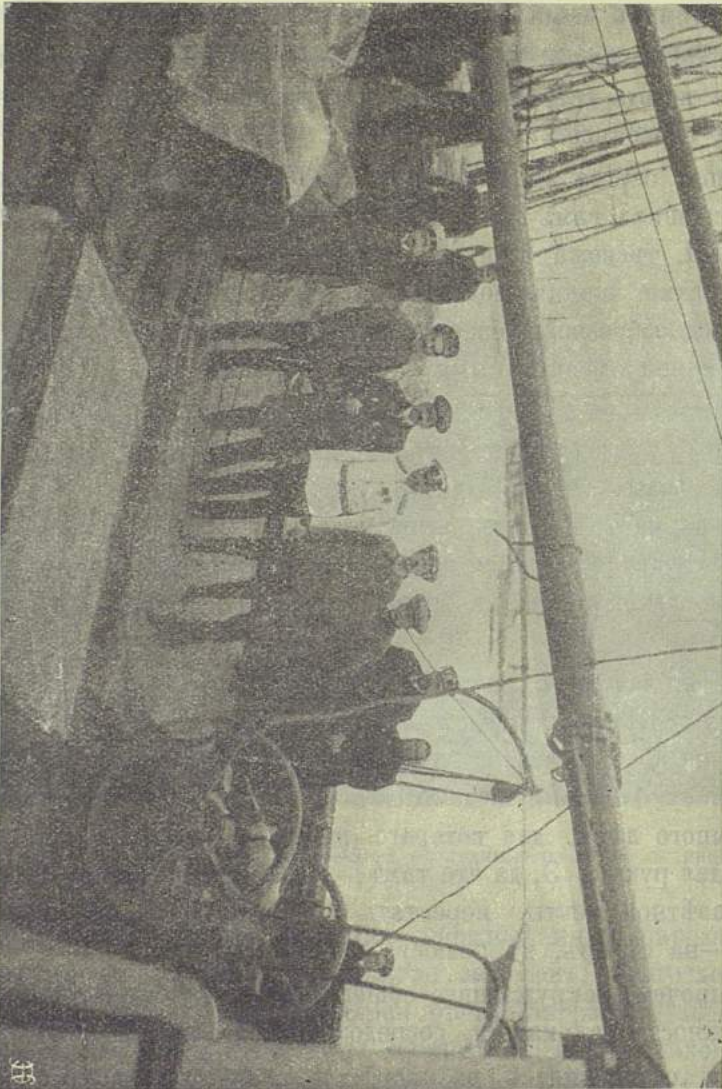
Впрочемъ, окружающее общество и суета совершенно не даютъ возможности задуматься, сосредоточиться, уйти въ себя.

Мы остановились на якорѣ въ открытомъ морѣ. Пора прощаться. Раздается послѣднее прощаніе, а съ нимъ, подъ знакомые крики ура, насъ покидаютъ всѣ провожающіе.

Семьи наши остаются до утра.

Второй портовый пароходъ, который велъ насъ на буксирѣ, остался съ нами, чтобы перегрузить часть припасовъ, оставшихся еще у него на борту.

Вечеръ всѣ провели у себя по каютамъ, и въ каютъ-компаніи не было видно никого. Чѣмъ то таинственнымъ наполнилось наше судно. Здѣсь люди послѣдніе часы проводили съ такими же людьми, прощались со своимъ прошлымъ, разставались, можетъ быть—

Члены каютъ-компаніи
Сидятъ слева: Н. В. Пинегинъ, П. Г. Кушаковъ, Г. В. Сѣдовъ (*), М. А. Павловъ,
В. Ю. Визе, И. А. Зандеръ (*).

навсегда, съ близкими, съ которыми они не одинъ годъ коротали вмѣстѣ, дѣлили дружно и радости и горе. Здѣсь собрались люди, задавшіеся одной цѣлью, увлеченные одной идеей, хотя, можетъ быть, подошедшіе къ разрѣшенію ея съ разными побужденіями. Жажда научныхъ и знаній, разочарованія въ личной жизни, а

инных и матеріальная нужда заставила забыть все и идти въ тяжелое, рискованное путешествіе.

Не одинъ изъ насъ, мысленно вновь пролетѣлъ метеоромъ надъ пройденнымъ жизненнымъ путемъ-дорогой, при чемъ свои ошибки, чужія обиды особенно рѣзко и мрачно обрисовались на свѣтломъ на свѣтломъ фонѣ воспоминаній.

Полночь... не спится... говоришь мало, да и что скажешь...

Утро... а мысли бѣгутъ одна за другой... вотъ черезъ часъ, черезъ два, все будетъ кончено... одинъ язмахъ янта оттолкнетъ тебя отъ прежней, старой жизни и направитъ къ чему-то невѣдомому, новому... Что тамъ ни ждетъ впереди, но надо идти впередъ, и чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. Каковъ бы ни былъ конецъ, но все же лучше, чѣмъ эти волненія, тѣмъ болѣе, что и надѣешься смутно и понимаешь ясно, что—судьба, все сутьба, и отъ нея нигуда не уйдешь?

— Пора прощаться, пароходъ долженъ идти,—слышенъ голосъ капитана... Неужели пора разстаться навсегда... Всѣ поднялись на палубу. У всѣхъ на лицахъ сдерживаемое волненіе, нескрываемое горе разлуки.

Раздались три гудка. Семьи перешли на другое судно... оно отошло.

Раздялись снова гудки, за ними другіе отвѣтные, судно, отходить все дальше и дальше. Вдали видны знакомыя, милыя, водныя лица, въ рукахъ бѣлые платки; они машутъ ими и поплачутъ намъ свой послѣдній привѣтъ... А гудки раздаются одинъ за другимъ, хрипятъ, задыхаются и надрываютъ душу.

Собаки, словно чуя разлуку, завyli въ клѣткахъ, — просто тоску нагоняютъ.

Мы поднялись на ванты; платки все взвиваются; наконецъ, видны только силуэты, виденъ только дымъ уходящаго парохода... Все исчезло, все значить кончено.

— «Что же вы, братцы приуныли?! Затянемъ-ка пѣсню удалую», раздался голосъ Сѣдова. Я подошелъ къ нему—глаза его полны слезъ.

— «Ну что же, докторъ, завьемся работой. Теперь все кончено, мы въ морѣ, суета наша въ нашихъ рукахъ. Море не страшно для тѣхъ, кто его любитъ и знаетъ, кто стоекъ и добросовѣстно, до послѣдней минуты исполняетъ свои обязанности. Въ морѣ всѣ должны быть заодно, всѣ должны работать другъ для друга. Зря не сидите, ко всему присматривайтесь, вѣдь въ минуту опасности

каждый изъ васъ будетъ необходимымъ человѣкомъ... Знаній своихъ за плечами не носить».

Я поблагодарилъ Сѣдова и просилъ помочь мнѣ разобраться въ тѣхъ явленіяхъ, которыя для меня будутъ совершенно новыми.

Съ этого часа я весь ушелъ въ дѣло, всѣмъ живо интересовался и старался работать наравнѣ съ матросами.

Въ морѣ я никогда раньше не бывалъ и не зналъ какъ отразится на мнѣ качка и привыкну ли я къ ней... Я не воображалъ даже, что вообще можетъ сдѣлать море съ человѣкомъ.

Команда сутилась на палубѣ, укладывая въ трюмъ оставшуюся провизію и, закрывъ ее плотно брезентомъ, начала забивать люки. Бревна и бочки увязывались цѣпями, и вскорѣ мы были готовы къ своему плаванію.

ГЛАВА II.

Выходъ въ море.

Мертвая зыбъ и прелести морской болѣзни. Штормъ. Мы теряемъ собаку и бочку съ масломъ. Судно течетъ. Посѣщеніе маяка.

Въ 5 часовъ 16 августа закончили всѣ работы, подняли якоря и вышли въ море, при попутномъ вѣтрѣ отъ NO/2. Въ 6 часовъ 30 минутъ прошли траверзь Сѣверо-Двинскаго маяка и легли на курсъ по компасу NO/38¹/₂.

Маякъ этотъ плавучій, стоитъ передъ Березовымъ баромъ Сѣв. Двины, представляя изъ себя двухмачтовое паровое судно, красное съ вертикальной бѣлой полосой и черными буквами С. Д.; на гротъ-мачтѣ его виситъ черный шаръ.

Сирена на немъ низкаго тона, продолжительность звука—20 секундъ черезъ каждую минуту. На этомъ маякѣ установлена вахта лощмановъ для проводки судовъ къ архангельскому порту съ моря. Если свободныхъ лощмановъ нѣтъ, или погода не даетъ возможности доставить ихъ на шлюпкѣ, то на фокъ-мачтѣ подымается днемъ черный шаръ, а ночью фонарь съ постояннымъ краснымъ огнемъ.

По мѣрѣ удаленія отъ маяка, море начало все больше и больше волноваться и къ 8 часамъ вечера вѣтеръ перемѣнился на SO; волненіе значительно усилилось.

Команда принялась крѣпить цѣпями на суднѣ доски, лѣсъ, шлюпки и собачьи клѣтки, чтобы все это не смыло во время шторма волной.

Судно стало давать течъ и хотя маленькій паровой насосъ откачивалъ воду непрерывно, вода въ трюмѣ не опускалась ниже 5 дюймовъ.

Я не уходилъ съ мостика, такъ для меня все было ново.

Я первый разъ въ жизни переживалъ ощущеніе качки на морѣ,—она мнѣ нравилась и не внушала серьезнаго опасенія. Одно меня глубоко поражало, что такое большое и тяжелое судно, какъ наше, волны бросали, какъ щепку, и водой заливало не только палубу, но иногда и мостикиъ.

Съ полуночи 16 августа вѣтеръ усилился до 5 балловъ, волненіе стало какимъ-то неправильнымъ, волны какъ бы сталкивались, опрокидывая другъ друга, разразилась небольшая гроза и по временамъ падалъ дождь. Въ 2 часа ночи перемѣнили курсъ на N и прошли траверсъ Зимногорскаго маяка. Замѣтили мы его по постоянному бѣлому огню съ проблесками черезъ каждыя полминуты. Огонь съ маяка виденъ на разстояніи 21 морской мили.

Волненіе все усиливалось, и судно стало брать воду правымъ бортомъ.

Это волненіе вывело уже меня изъ состоянія полного спокойствія, особенно когда волной смыло одну собаку, и я началъ сознать теперь неопредѣленный страхъ предъ разыгравшейся бурей.

Съ семи часовъ утра погода начала затихать, и лишь дождикъ продолжалъ, время отъ времени, накрапывать.

Вѣтеръ перешелъ на S.

Съ 8 часовъ утра началась моя вахта. Я все время не сходилъ съ мостика. Кругомъ, куда ни глянешь, видно одно море. При мнѣ впервые подняли паруса *протъ, стакселя и кливеръ*.

Погода немного прояснилась. Команда, пользуясь спокойствіемъ моря, принялась чистить собачьи клѣтки и мыть палубу. Въ 11 часовъ утра увидѣли слѣва берегъ. Вѣтеръ перешелъ на легкій SSO/2. Компасный курсъ держимъ NO. Въ 4 часа дня мы измѣнили курсъ на NO/35°, пройдя 74¹/₄ мили. Черезъ четверть часа открылся маякъ Сосновецъ.

Вскорѣ погода измѣнилась налетѣлъ шквалъ и пришлось убрать все паруса. Въ 6 часовъ 20 минутъ перемѣнили курсъ на NO/30°, пройдя 85 миль.

Въ 7 часовъ 30 минутъ въ трехъ миляхъ прошли траверсъ Сосновецкаго маяка, продолжая идти тѣмъ же курсомъ.

Спать мнѣ не хотѣлось, хотя уже съ ночи я чувствовалъ усталость. Волненіе немного улеглось, и мы снова подняли паруса. Вѣтеръ съ NO перешелъ на O, и снова дождикъ началъ побрыз-

гивать. Погода, все время пасмурная, но на морѣ почти полный штиль. Вечеромъ погода стала лучше и небо прояснилось.

Недалеко отъ насъ слѣва, впереди, мы увидѣли какое-то парусное судно. Черезъ четверть часа съ паруснаго суда сперва раздались свистки, затѣмъ крики и, наконецъ, начали появляться то зеленые, то красные огни. Многие изъ насъ предположили, что съ парусникомъ случилось какое-нибудь несчастіе, но Сѣдовъ заявилъ, что это обычный приѣмъ поморовъ, которые на судахъ не носятъ огней, но когда вблизи ихъ проходитъ паровое судно, то они кричатъ, боясь, чтобы ихъ не разбили.

Съ судна мы дали два гудка, уменьшили ходъ машины и начали приближаться къ паруснику.

Когда мы подошли и могли разговаривать съ ними, то оказалось, что это судно «Двина» промышленника Кошылёва и идетъ въ Архангельскъ съ грузомъ трески, а кричали они, дѣйствительно, потому, что боялись быть нами разбиты.

Сѣдовъ сначала выругался, а затѣмъ сообщилъ имъ, что наше судно — «Св. Муч. Фока» идетъ съ экспедиціей къ Сѣверному полюсу и просилъ передать отъ насъ привѣтъ Архангельску.

Въ 11 съ половиной часовъ почи началась мертвая зыбь. Я счелъ за лучшее отправиться въ свою каюту, такъ какъ началъ чувствовать себя отвратительно; войдя въ каюту, я легъ на койку, но увеличившаяся качка вызвала у меня неожиданно сильный припадокъ морской болѣзни, и я долженъ былъ встать. Черезъ полчаса меня совершенно укачало, и въ продолженіе 2 часовъ, лежа въ тѣсной койкѣ, я все время испытывалъ такое ощущеніе, какъ будто меня усиленно мяти, тискали въ ступкѣ. Поваръ усиленно посѣщаль палубу, благодаря чему мы остались безъ обѣда; впрочемъ одинъ его видъ могъ заставить каждаго изъ насъ отказаться совершенно отъ ѣды. Мы предпочли уложить его въ койку до прекращенія качки. Издали слышенъ былъ разноголосый собачій концертъ, что было конечнымъ результатомъ мертвой зыби.

Ночью 17 августа волненіе затихло, вѣтеръ перешелъ на SW/6, я почувствовалъ себя какъ-то сразу здоровымъ и вышелъ на палубу.

Изъ кубрика по одному начали показываться матросы и приниматься за уборку парусовъ. Въ 3¹/₄ часа утра открылся огонь Орловскаго маяка.

Съ 4 часовъ вѣтеръ усилился до 7 балловъ, и вода въ трюмѣ начала прибывать, доходя до 12 дюймовъ. Пользуясь вѣтромъ,

ставили паруса, хотя все время приходилось, благодаря этому, брать воду бортомъ.

Въ 5 часовъ 15 минутъ миновали траверзь Орловскаго маяка, пройдя 133 мили, и въ 5 часовъ 30 минутъ увидѣли Городецкій маякъ. Вода, между тѣмъ, въ трюмѣ все прибывала, и мы начали выкачивать ее ручными насосами при помощи паровой лебедки. Въ 12 часовъ, проходя траверзь этого маяка, хотѣли вступить съ нимъ въ разговоръ и подавали флагами сигналы (нѣтъ ли для насъ телеграммы), но отвѣта не получили.

Вѣтеръ съ W перешелъ на NW и достигъ опять 7 балловъ. Шли компаснымъ курсомъ NO/20°. Волненіе съ каждымъ часомъ все увеличивалась и мы, почти непрерывно, черпали воду правымъ бортомъ. Дождь то переставалъ, то снова шелъ. Когда вѣтеръ достигъ 8 балловъ, начали убирать паруса, начинался штормъ.

Все время я не спалъ и, почти выбившись изъ силъ, ушелъ въ свою каюту, но заснуть не могъ. На меня нашло какое-то безразличіе, и только когда особенно сильно бросало судно, я съ большимъ усиліемъ поднимался и смотрѣлъ въ иллюминаторъ.

На морѣ происходило что-то ужасное.

Волны подымались выше мостика, перекатывались черезъ него, и порой наше судно представляло изъ себя какъ-бы подводную лодку. Эта картина никогда не изгладится изъ моей памяти.

До этого времени я не представлялъ себѣ человека такимъ жалкимъ и безпомощнымъ: наше судно бросало буквально какъ щепку, и въ душу заползали, холодной змѣей, смутный страхъ предъ возможной опасностью...

Сѣдовъ все время бѣгалъ по мостику и съ трудомъ держался тамъ; рулевого матроса пришлось привязать, такъ какъ боялись, чтобъ его не смыло волной.

Наконецъ я уснулъ и проснулся въ 10 часовъ утра ничего не понимая.

Все прошло, какъ сонъ. Качка прекратилась, я вышелъ на мостикъ, на которомъ кромѣ вахтеннаго матроса никого не было. Мы стояли на якорѣ у берега. Справа былъ виденъ маякъ, у самаго берега два парусныхъ суденышка, а слѣва—выброшенный на берегъ иностранный пароходъ. Людей на немъ не было видно. Изъ разспросовъ выяснилось, что наше судно въ 4 часа уже не имѣло хода: вѣтеръ дошелъ до 10 балловъ, и судно безпрестанно черпало воду обоими бортами. Двигаться дальше не представлялось возможнымъ изъ боязни наскочить на подводный камень, почему рѣшено

было идти обратно по вѣтру и стать на якорѣ гдѣ-либо около берега.

Въ 8 часовъ 40 минутъ прошли обратно траверзъ Городецкаго маяка и въ 3 часа 30 минутъ ночи 18 августа стали на якорь на южной сторонѣ трехъ острововъ.

До 4 часовъ дня матросы приводили судно въ порядокъ. Последствія шторма были печальны. Вода въ трюмѣ поднялась до 42 дюймовъ и начала затоплять котлы и топку; боченокъ съ масломъ на палубѣ разбило, а безъ масла идти было рискованно, но съ другой стороны стоянка наша не была надежной на случай, если бы штормъ снова разыгрался и потому все же было рѣшено пытаться идти къ Орловскому маяку.

Въ 8 часовъ 30 минутъ мы вошли въ Орловскую бухту и стали на якорь. Правда наше судно протекало, какъ оказалось, словно рѣшето, но все-таки оно осталось цѣлымъ, и это придавало намъ рѣшимость плыть на немъ дальше, хотя механикъ и протестовалъ, говоря, что «На такомъ суднѣ нельзя плавать не только по океанамъ, но даже по рѣкамъ! Оно въ тихую погоду дѣлаетъ пять верстъ въ часъ, а при противномъ вѣтрѣ совершенно не имѣетъ ходу! Какъ штормовать на такомъ суднѣ?!» Воду изъ трюма выбачивали все время въ ручную, она понемногу начала уменьшаться.

Вечеромъ Сѣдовъ собрался было послать нѣсколько человекъ команды на маякъ, захватить 5—6 пудовъ машиннаго масла, но въ виду того, что было темно и волненіе опять усилилось, отложили это до утра.

Съ полуночи 19 августа вѣтеръ снова дошелъ до штормового и полилъ дождь (въ 4 часа утра вѣтеръ SO).

Съ 6 часовъ утра волненіе улеглось, и я съ Павловымъ, Визе и двумя матросами на большой шлюпкѣ отправились на берегъ, чтобы на маякѣ захватить машинное масло и сдать тамъ свою корреспонденцію.

Черезъ четверть часа мы были уже на берегу. Я взялъ съ собой ружье и, какъ только высадились, выстрѣлилъ, привѣтствуя землю.

На берегу меня охватило какое-то особенное чувство; я быстро началъ взбираться на гору, что доставляло мнѣ особое удовольствіе и на душѣ становилось отрадно... Берегъ оказался обрывистымъ и каменистымъ, и намъ пришлось долго карабкаться, пока взобрались на небольшое плато, представляющее изъ себя тундру, покрытую камнями и мелкимъ кустарникомъ.

Маякъ отстоялъ отъ бухты въ 3—4 верстахъ, и весь нашъ путь шелъ по гористой береговой тундрѣ, при чемъ все время приходилось то вязнуть въ мокромъ мхѣ и перепрыгивать небольшіе ручейки, то обходить высокіе каменистые утесы. Природа дикая, скалы да мохъ и лишь мѣстами небольшой куста рникъ. Черезъ часъ мы уже подходили къ маяку.

Впереди насъ на возвышенномъ мѣстѣ стоялъ большой маякъ; противъ него небольшой низенькій домикъ, рядомъ сарай, а подалеже метеорологическая будка.

Кругомъ пусто, и только два или три человѣка бродило возлѣ сарая.

Вошли мы въ помѣщеніе и въ корридорѣ встрѣтили полную женщину, оказавшуюся впослѣдствіи матерью смотрителя маяка.

На нашъ вопросъ, дома ли смотритель, она отвѣтила: «вы немного подождите, онъ еще спитъ, но я его разбужу». Расположились мы всѣ въ кухнѣ, гдѣ на грязномъ полу ползали какіе-то ребятишки, да баба у печки возилась съ хлѣбомъ.

Черезъ десять минутъ къ намъ вошелъ самъ смотритель, небольшой, плотный мужчина, ласковый такой, вѣжливый и извинился, что мы ожидали его въ кухнѣ. Объяснилъ онъ это тѣмъ, что у него въ комнатѣ не лучше, ибо производится ремонтъ.

Когда смотритель узналъ, что мы за люди, то предложилъ прежде всего расписаться въ книгѣ посѣтителей маяка, а затѣмъ выслушалъ насъ очень внимательно, но исполнить нашу просьбу, дать намъ машиннаго масла не могъ, такъ какъ у него самого не было, но предложилъ по телефону поговорить съ Городецкимъ маякомъ, на которомъ должно быть масло. Переговоры увѣнчались успѣхомъ и мы рѣшили отправиться обратно. Пока мы разговаривали и передавали телеграммы и письма, хозяйка приготовила намъ чай и закуску, это намъ улыбалась, такъ какъ мы изрядно проголодались.

За столомъ я спросилъ, не имѣется ли у нихъ молока и, получивъ утвердительный отвѣтъ, тотчасъ же предложилъ имъ наполнить два графина, захваченные нами на всякій случай.

Команда тоже напилась чаю, изрядно закусила и выпила по чаркѣ водки.

Напившись чаю, мы простились съ добрыми хозяевами, пожелавшими намъ полного благополучія.

При выходѣ изъ помѣщенія смотритель распорядился салютовать намъ орудійными выстрѣлами.

Мы быстро пошли обратно и среди дороги слышали тревожные гудки съ судна, призывающіе насъ торопиться.

По дорогѣ весело болтали между собою, рѣшивъ, что не худо было бы хотя черезъ день посѣщать маяки и пользоваться такимъ же гостепріимствомъ.

Подойдя къ берегу, мы увидѣли маленькую избушку и возлѣ нея рыбака. Я быстро спустился къ нему, рассчитывая купить свѣжей рыбы и угостить ею оставшихся на суднѣ членовъ, но мое посѣщеніе оказалось неудачнымъ, такъ какъ рыбы не было, и мнѣ пришлось снова карабкаться на гору и догонять мо ихъ спутниковъ. Въ 10 часовъ утра мы вернулись на судно, которое наша команда, подъ предводительствомъ самого Сѣдова, усиленно подконопачивала и смолила.

Отверстій въ немъ было порядочно и при качкѣ то изъ одного, то изъ другого борта судна били фонтаны.

Въ 12 часовъ, когда все было готово, мы снялись съ якоря и пошли къ Городецкому маяку.

Проходя траверзъ его, мы сигналами повторили свою просьбу. На сигнальномъ шестѣ у маяка висѣлъ черный шаръ, что означало «остановись».

Зная, что масло надо получить не на маякѣ, а на мысу, гдѣ расположена сирена, мы пошли прямо по назначенію и не далеко отъ берега стали на якорь.

На берегъ была послана команда съ бѣдманомъ во главѣ.

Мы долго ожидали ихъ возвращенія и все торопили ихъ гудками, такъ какъ жалъ было терять время и хотѣлось использовать попутный вѣтеръ.

Въ 6 часовъ команда возвратилась и привезла съ собою шесть пудовъ машиннаго масла; въ 8 съ половиной часовъ мы снялись съ якоря, взявъ курсъ NNO и направились мимо Канина носа на Новую Землю.

Г Л А В А III.

На пути къ Новой Землѣ.

За полярнымъ кругомъ. Гольфштремъ.

ОТХОДЯ отъ маяка, мы встрѣтили судно Дирекціи маяковъ «Саломбалу», поздоровались съ нимъ (три гудка), онъ отвѣтилъ тѣмъ же и, когда узналъ, что это экспедиція къ сѣверному полюсу, то началъ привѣтствовать насъ пушечными выстрѣлами, ракетами, а также освѣщалъ насъ и нашъ путь прожекторомъ. Мы же въ свою очередь жгли только проволоку магнія, такъ какъ ничего другого у насъ не было подъ руками.

Черезъ два часа все утихло. Пользуясь попутнымъ вѣтромъ, мы подняли всѣ паруса и быстро полетѣли впередъ.

Съ полуночи 20 августа вѣтеръ S достигъ 4 балловъ и по временамъ шелъ дождь. Въ 2 часа 30 минутъ скрылся огонь Городецкого маяка.

Спалъ я плохо и все думалъ о томъ, что не скоро увижу теплый югъ; быть можетъ «Саламбала» — послѣднее судно, которое мы встрѣтили на своемъ пути.

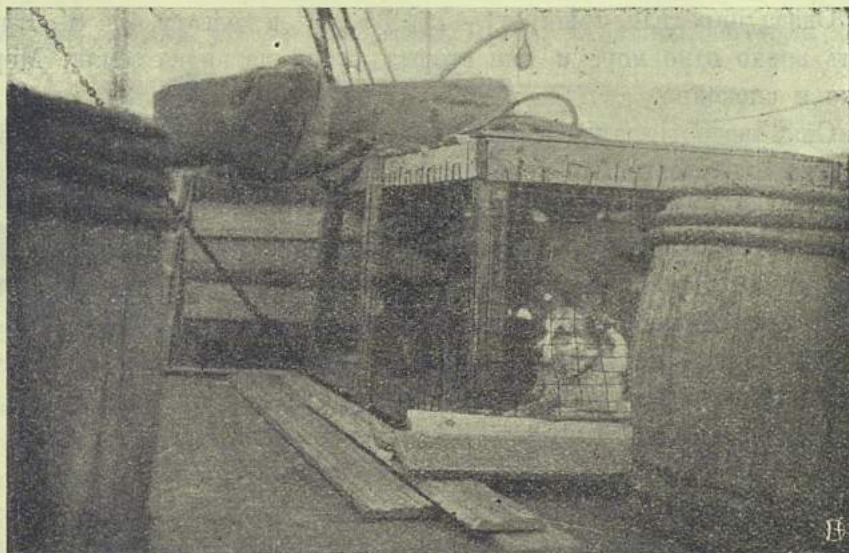
Температура воздуха все понижалась и указывала на то, что мы съ каждымъ шагомъ движемся къ холоднымъ странамъ, что то ждетъ насъ тамъ, впереди... Мы прошли полярный кругъ и все ближе подвигаемся къ своей цѣли.

Утромъ проснулся рано; команда уже прибирала палубу и чистила собачьи клѣтки.

Въ полдень опредѣлили широту мѣстности и оказалось, что мы находимся подъ $+68^{\circ} 54'$; въ часъ дня перемѣнили курсъ на $NO 30^{\circ}$. По закату солнца опредѣлили поправку главнаго компаса, которая равнялась $+12^{\circ} 30'$.

Вѣтеръ все усиливался и къ полуночи 21 августа достигъ 5 балловъ, но погода была хорошая, и весь день прошелъ въ работѣ; я не уходилъ съ палубы. Къ утру вѣтеръ стихъ, и появился туманъ.

Послѣдній очень беспокоилъ насъ, ибо въ данный моментъ мы должны были проходить мысъ (Капинъ носъ) и могли въ туманѣ наскочить на подводные камни, далеко выходящіе въ море.

Собаки въ клѣткахъ на пути къ Новой Землѣ.

Чайки, утки и другія птицы стали появляться въ большомъ количествѣ, что указывало на близость берега.

Въ полдень снова опредѣлили широту ($70^{\circ} 14'$) и долготу (45°), а также установили поправку главнаго компаса $+14^{\circ} 11'$.

По цвѣту воды было видно, что мы идемъ въ водахъ Гольфштрема. Цвѣтъ воды въ этомъ мѣстѣ синій или вѣрнѣе аквама-риновый, представляющій изъ себя смѣсь ярко синихъ водъ Гольфштрема съ зелеными водами Ледовитаго океана. Цвѣтъ этотъ настолько характеренъ, что даже неопытный человѣкъ всегда можетъ сказать, идемъ ли мы въ водахъ Гольфштрема или внѣ его.

Работать приходится почти весь день, такъ какъ много времени занимаетъ чистка и мытье собачьихъ клѣтокъ.

Ходъ судна крайне незначительный, и мы дѣлаемъ едва по 8 верстъ въ часъ. 22 августа въ 5 часовъ утра случайно открылась ошибка нашего курса. Причиной оказалась значительная девіація компаса, подъ влияніемъ желѣзныхъ частей гика; обстоятельство это обнаружилось при сличеніи главнаго компаса съ рулевымъ при перемѣщеніи парусовъ съ одной стороны на другую. Тогда стало понятнымъ, почему мы не видѣли Канина носа: Св. Фока прошелъ мимо него въ значительномъ разстояніи. (Съ 9 часовъ утра перемѣнили курсъ на NO 50°).

Жизнь и работа на суднѣ шли обычнымъ порядкомъ, убирали вѣтки, мыли палубу и осмагивали снасти.

Снова опредѣлили широту— $71^{\circ} 37' 49''$ и долготу $49^{\circ} 8'$. Кругомъ видно одно море и уже вторыя сутки не видно земли. Море тихо и спокойно.

Съ 4 часовъ задулъ слабый вѣтеръ съ сѣвера (къ 5 часамъ достигъ 5 балловъ). По временамъ шелъ дождь, смѣняемый снѣжной пургой. Съ полуночи 23 августа вѣтеръ снова усилился и судно почти не имѣло хода, поэтому рѣшили приблизиться къ берегамъ Новой Земли. Въ три съ половиною часа утра открылась по носу судна Новая Земля; курсъ измѣнили на NNO.

Въ виду усилившагося вѣтра и волненія рѣшили измѣнить курсъ. Съ 4 часовъ, судя по цвѣту воды, мы вышли изъ водъ Гольфштрема.

ГЛАВА IV.

На Новой Землѣ.

Охота на дикихъ утокъ. Маточкинъ Шаръ. Страшный штормъ въ океанѣ.

ИДЕМЪ все время вдоль береговъ Гусиной Земли, направляясь къ южному ея носу. Предполагено было укрыться въ бухтѣ Саучиха, но ее не нашли, такъ какъ карта Новой Земли не особенно правильна. Вода въ трюмѣ все время прибываетъ, ее непрерывно откачиваютъ какъ паровымъ, такъ и ручными насосами.

Въ 3 часа повернули въ Вѣлужью губу, а въ 5 часовъ стали на якорѣ въ бухтѣ возлѣ поселка на глубинѣ 5 сажень. Прибрежная полоса Гусиной Земли представляетъ изъ себя низменность и только вдали видна группа горъ. Весь берегъ поросъ травой, и сюда прилетаетъ огромное количество гусей, почему эта часть Новой Земли и пазвана Гусиной Землей.

Въ бухтѣ имѣется поселокъ изъ 4 домовъ. Жители-самоѣды, числомъ 6 семействъ, состоятъ изъ 14 душъ мужского пола и 17 душъ женскаго пола.

Подходя къ бухтѣ, мы увидѣли на берегу группу человѣкъ въ 10 и предположили, что это самоѣды, но впослѣдствіи оказалось, что это была артель плотниковъ, производившая постройку церкви; самоѣдовъ же дома не было—всѣ они были на рыбныхъ промыслахъ.

Въ 7 часовъ вечера Сѣдовъ, я, Павловъ, Визе, Пинегинъ и 3 матроса высадились на берегъ.

Вдоль береговъ плавало значительное количество утокъ, а потому мы захватили съ собой ружья для охоты. Какъ только высадились, я пошелъ съ ружьемъ вдоль берега и встрѣтилъ нѣсколько штукъ

куликовъ. Кулики оказались очень смирными; они подпускали къ себѣ на разстояніе до 10 шаговъ, когда же подходишь къ нимъ ближе не улетаютъ, а нѣсколько отбѣжавъ, снова роются въ песокъ. Мнѣ жаль было ихъ стрѣлять, и я пошелъ дальше за утками. Насколько кулики смирны, настолько утки пугливы. Подойти къ нимъ на выстрѣлъ ни разу не удалось, а приходилось подползать. На морѣ ихъ удалось стрѣлять прямо съ судна, но лишь тогда, когда налетала стая, хотя возни съ доставленіемъ убитой птицы на судно столько, что лучше отказаться отъ этого удовольствія. Болѣе удобными оказались въ этихъ мѣстахъ небольшія прѣсноводныя озера, на которыхъ часто садилось по нѣскольку утокъ; но и къ нимъ подходить такъ трудно, что приходится 2—3 охотникамъ залегать, а одному—двумъ нагонять птицу. Возбравшись повыше къ среднему озеру, я, напримѣръ, замѣтилъ сидящую на немъ одну утку; но вокругъ все было открыто и только берега заросли травой; пришлось ползти на животѣ шаговъ 50—60. Путешествіе это ради одной утки, которую, правда, мнѣ пришлось убить, обошлось мнѣ довольно дорого: я попалъ въ канаву, заросшую травой, и кромѣ того, что вымокъ, весь измазался въ грязи. Утку пришлось доставать, идя по колѣна въ водѣ, но на этотъ разъ меня выручили длинные сапоги.

Неудачная охота на утокъ меня сильно обозлила, и я рѣшилъ наказать куликовъ. Билъ я ихъ по нѣскольку штукъ за разъ; охота эта, походившая на бойню, не доставляла мнѣ никакого удовольствія, но желаніе отвѣдать свѣжаго мяса, котораго мы не видали и не ѣли нѣсколько дней, взяло верхъ, и я семью выстрѣлами убилъ 19 штукъ и только тогда отправился обратно къ шлюпкѣ.

Вправо отъ поселка образовалось два интересныхъ озера, соединенныхъ между собою узкимъ проливомъ; озера эти какъ бы случайнаго происхожденія: образовались они отъ поднятія почвы и отъ того, что волна, постепенно нанося мелкія гальки и гравій, образовала среди прибрежныхъ камней широкую полосу, образующую естественную плотину, отгородившую ихъ отъ моря. Въ озера стекаетъ прѣсная вода съ горъ, понижая ихъ соленость, благодаря чему теперь вода въ этихъ оригинальныхъ водоемахъ, отвоеванныхъ сушей у моря, почти прѣсная. На нихъ особенно часто любятъ садиться утки, большею частью по утрамъ, какъ объ этомъ намъ сообщили плотники.

Въ 10 часовъ вечера мы были уже на суднѣ. Всего нами было убито 2 утки, 2 буревѣстника и 32 кулика.

Послѣ вечерняго чая много болтали о прошедшей и предстоящей охотѣ: рѣшено было сняться съ якоря уже въ 8 часовъ утра, а потому мы могли охотиться только до этого времени. Легли рано, такъ какъ въ 5 часовъ утра рѣшено было встать на охоту. Въ 6 часовъ утра 24 августа та же партія охотниковъ, кромѣ Сѣдова, отправилась на берегъ. Съ судна видны были большія «шайки» ¹⁾ утокъ, плавающихъ въ морѣ, и мы прежде, чѣмъ высадиться на берегъ, поплыли на шлюпкѣ къ нимъ, но утки насъ не подпустили даже на триста шаговъ; сдѣлавъ нѣсколько неудачныхъ попытокъ, мы рѣшили плыть къ берегу, и охотиться на

Въ каютъ-компаніи на ходу.

старыхъ мѣстахъ. На этотъ разъ на 2 озеркахъ, что отдѣлились отъ моря, сидѣло до 150 утокъ, но сидѣли онѣ среди озеръ внѣ выстрѣла. Пришлось мнѣ и Пинегину залечь, а Визе и Павлову зайти съ другой стороны и нагонять ихъ. Залегли мы на возвышенномъ берегу моря и для прикрытія выставили впереди по бревну, которыя втащили съ береговой отмели. Обходъ былъ сдѣланъ неосторожно и утки улетѣли въ противоположную сторону отъ засады; все же мнѣ удалось убить одну, случайно налетѣвшую

¹⁾ Мѣстное, поморское выраженіе для небольшихъ стаскъ птицъ.

на выстрѣль. Куликовъ я больше не стрѣлялъ, а мои компаньоны доби́ли ихъ 720 штукъ.

Въ 8 часовъ мы возвратились на судно и черезъ 45 минутъ спялись съ якоря.

Въ 4 часа, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, мы подняли всѣ паруса. Съ полуночи 25 августа, вѣтеръ О усилился до 7 балловъ. Все время шли вдоль береговъ Новой Земли и подходили къ Маточкину Шару, вершины котораго видѣлись съ правой стороны. Раннимъ утромъ горы казались очаровательными. Бѣлыя вершины ихъ, покрытыя вѣчными снѣгами, серебрились и казались волшебными. Я не отрывалъ глазъ отъ нихъ.

До Маточкина Шара, то есть на южномъ островѣ Новой Земли, берега низменны и только въ глубинѣ, вдаль, видны небольшія одиночныя группы горъ.

Начиная съ Маточкина Шара, картина измѣнилась, и вмѣсто низменностей на первый планъ выступили огромныя остроконечныя горы; словно бѣлыми чалмами покрыты ихъ вершины, ярко свѣтящіяся при восходѣ солнца.

Впереди виденъ большой и высокій островъ Митюшевъ, на западъ отъ котораго тянутся далеко въ море подводные камни; въ тихую погоду этихъ камней не видно, но зато во время волненія около нихъ вздымаются громадныя буруны.

Вѣтеръ все усиливался, и, поднявъ всѣ паруса, мы летѣли съ необычайной для нашего судна скоростью, проходя до 20 верстъ въ часъ. Мнѣ очень хотѣлось снять эту гористую часть Новой Земли, но утренняго свѣта оказалось слишкомъ для этого недостаточно.

Въ 9 часовъ вечера, когда прошли Маточкинъ Шаръ, вѣтеръ еще усилился, а съ нимъ усилилось и волненіе. Въ 9¹/₂ часовъ налетѣвшей волной сорвало одну шлюпку и этой же волной отбросило собачью клѣтку вмѣстѣ съ ея обитателями на другой бортъ; собаки завyli, подняли драку, и пришлось принять самыя энергичныя мѣры для водворенія тишины и спокойствія. Клѣтки перетаскили обратно на свое мѣсто и крѣпко привязали къ периламъ мостика. Собаки вымокли порядочно и, забывъ послѣ хорошаго урока прежніе свои счеты, прижались другъ къ другу, стараясь въ общей массѣ согрѣться. Слѣдующей волной сорвало шкотъ-кливеръ, и его пришлось убрать. Къ 12 часамъ ночи волненіе достигло 8 балловъ, и начался настоящій штормъ. Цѣлую ночь мы рыскали, какъ волки, не зная пріюта, судно трещало по всѣмъ

швамъ и его бросало, какъ щепку; были минуты, когда казалось, что мы погибаемъ. Ночью я не спалъ, хотя чувствовалъ себя великолѣпно. Качка совершенно перестала на меня дѣйствовать, и морской болѣзнью я больше не страдалъ.

Утромъ барометръ сталъ сильно падать, затѣмъ подыматься, сдѣлавъ при этомъ два рѣзкихъ скачка. Сначала вѣтеръ давалъ себя слабо чувствовать, волны одна за другой перекашивались и лишь кое-гдѣ замѣтны были бѣлые гребни. Мы всѣ, собрались на рубкѣ такъ какъ неустойчивость барометра наводила на подозрѣнiе о вновь надвигающемся штормѣ. Дѣйствительно,—корабль сталъ понемногу то опускаться, то поднимать корму; въ каютахъ суста, вездѣ слышно «будетъ штормъ». Корабль сталъ все больше и больше покачиваться, волны подымались все выше и выше, вдали и кругомъ появились бѣлые гребни, небо быстро заволоклось тучами, задулъ сильный вѣтеръ и заволновалось море. Команда осматриваетъ собачьи клѣтки, прикрѣпляетъ ихъ, покрываетъ брезентомъ, подтягиваетъ цѣпи, которыми связаны бревна, и крѣпитъ паруса. Волны постепенно достигаютъ колоссальной величины, заливаютъ палубу и переваливаются временами черезъ оба борта. Носъ корабля то вдругъ погрузится въ воду, то вынырнетъ. Шумъ отчаянный, собаки поднимаютъ отчаянный лай и вой. Творится что-то ужасное. Надъ кораблемъ вьются стаи чаекъ, издавая пронзительные крики... видно, по близкому ихъ налету, что быть бѣдѣ. Рѣшено было идти къ берегу и отстаиваться на якорѣ. На мостикѣ стоять невозможно; рулевой едва держится, его два раза штурваломъ бросило къ борту, и онъ лишь съ трудомъ удержался за перила; пришлось его привязать. Мачты трещать, вѣтеръ неистовствуетъ, корабль швыряетъ во всѣ стороны, и послѣ каждаго удара волны слышенъ словно стонъ дряхлаго судна.

Среди общаго шума на палубу вваливается механикъ и, запыхавшись, кричитъ: «Господи, что будемъ дѣлать, машина не работаетъ, мы идемъ назадъ, въ трюмъ вода прибываетъ, насосъ не успѣваетъ выкачивать. Надо идти скорѣе къ берегу, чтобы не погибнуть... Скверная машина и двухъ верстъ не дѣлаетъ въ часъ противъ вѣтра!»...

А между тѣмъ вѣтеръ все крѣпнетъ и буря усиливается.

Вотъ съ визгомъ налетѣла волна, обдала всѣхъ холоднымъ потокомъ, сорвала и унесла лѣвую кормовую шлюпку, вторую по счету; съ трудомъ удалось обрубить спаси, на которыхъ тащи-

лась разбитая шлюпка. Не успѣли кончить работы, какъ отъ налетѣвшаго порыва вѣтра лопнулъ гафель-фаль бизани, и парусъ съ трескомъ повалился на корму; пришлось и его убирать. У самыхъ бортовъ судна пѣнится какая то бездна, волны въ иные моменты обнажаютъ даже киль корабля и тогда онъ съ трескомъ и содраганіемъ опускается, вѣрнѣе—проваливается въ пропасть...

Въ трюмѣ вода все прибываетъ и прибываетъ и ее непрерывно откачиваютъ ручными и паровыми насосами.

Лежимъ въ дрейфѣ; жизнь на палубѣ замерла, экипажъ укачало и почти всѣ въ каютахъ; только нѣсколько матросовъ, исполняя работы, съ трудомъ передвигаются по палубѣ съ блѣдными

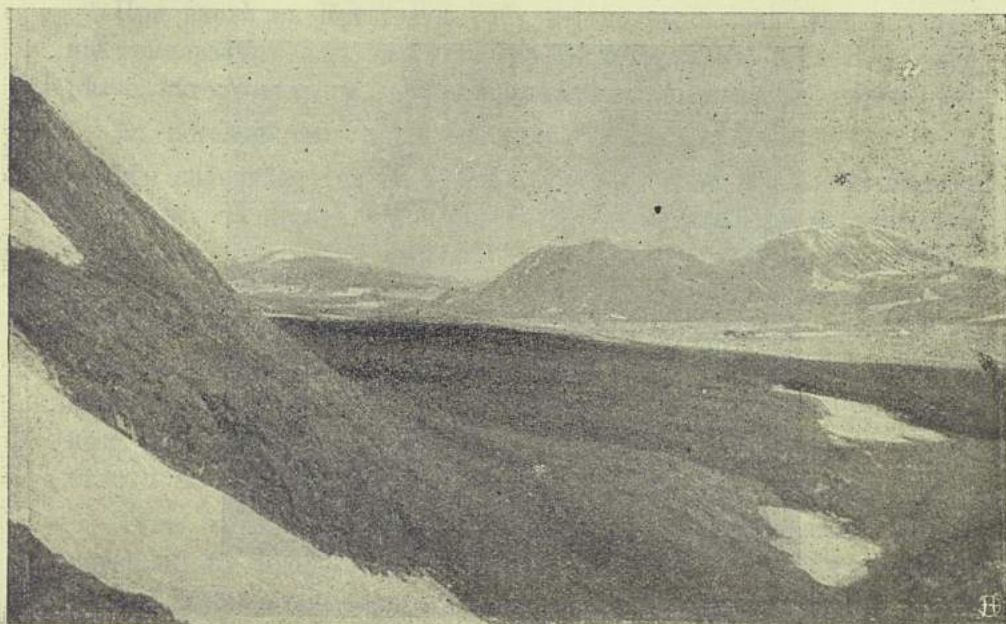

Мель «Сухой Носъ», у котораго едва не погибла экспедиція во время шторма.

лицами, на которыхъ написана растерянность, почти ужасъ. Я зашелъ въ свою каюту; стоять нельзя,—все разбросано, стекла разбиты и въ каютѣ масса воды: я забылъ плотно завинтить иллюминаторъ, и вода свободно захлестывала въ мою каюту. Я попытался завинтить его и, не раздвываясь, бросился на мокрую постель, чтобы забыться. На меня нашло какое то унылое безразличіе—(ничего не жаль), захотѣлось только въ послѣдній разъ увидѣть родные берега, теплый югъ, свою семью, своихъ друзей, знакомыхъ, а тамъ—хоть погибать, такъ истерзала душу, измучила нелегкая, непосильная борьба съ гнѣвной и страшной стихіей!... Въ этотъ моментъ вскочилъ ко мнѣ въ каюту матросъ—сказалъ, что мы идемъ уже вблизи берега, и насъ каждую минуту

можетъ разбить о скалы. Сообщивъ эту мало-утѣшительную вѣсть, матросъ выскочилъ обратно. Я пересилилъ себя и поднялся посмотреть въ иллюминаторъ, но въ это мгновеніе налетѣла громадная волна, судно, казалось, пошло на дно, я вновь упалъ на койку и въ изнеможеніи сталъ впадать въ забытѣе... Передо мною пролетѣла вся моя жизнь, начиная съ первыхъ дней до послѣдняго... Какъ я уснулъ, не помню.

Приблизительно черезъ часъ ко мнѣ снова вскочилъ тотъ же матросъ и радостно заявилъ, что мы спасены,—успѣли забраться въ бухту и стоимъ уже на якорѣ.

Входъ въ Крестовую губу на Новой Землѣ.

Я вышелъ на палубу, вѣтеръ понемногу началъ утихать и волны перестали быть грозными. Прошли мы къ берегу въ 100 саженьяхъ отъ подводныхъ камней и если бы взяли еще немного лѣвѣе, то задѣли бы ихъ и разбили судно. Успокоившись всѣ пошли по каютамъ.

Въ два съ половиною часа 26 августа мы еще приблизились къ берегу, чтобы лучше укрыться отъ вѣтра и продолжавшагося на морѣ шторма, и стали на глубинѣ 4 сажень.

Днемъ команда работала, чистила собачьи клѣтки, чинила паруса, сращивала снасти, крѣпила бревна, такъ какъ вообще все

нужно было основательно пересмотрѣть и заново перевязать Одну изъ клѣтокъ совершенно разбило, и одну собаку безъ признаковъ жизни пришлось выбросить за бортъ. Къ 6 часамъ вѣтеръ началъ стихать.—Послѣ 6 часовъ начали перегружать уголь изъ трюма въ угольные ямы, чтобы удобнѣе было выкачивать воду.

Въ 5 часовъ 30 минутъ утра 27 августа снялись съ якоря и въ 6 часовъ,—пройдя тразеръ камней Сухого Носа, легли на компасный курс NO 40°. Съ 10 часовъ утра направились вдоль береговъ Новой Земли къ Крестовой губѣ, гдѣ предполагено было запастись прѣсной водой для дальнѣйшаго плаванія. При приближеніи къ Крестовой губѣ, еще издали видна скалистая гора, на-

Астрономическій пунктъ Сѣдова въ Крестовой губѣ.

поминающая собою носовую часть судна. Гора эта на картахъ обозначена, какъ обрывъ Таранъ. Отъ обрыва идетъ уже низменный берегъ, оканчивающійся мысомъ Смирновымъ.

Войдя въ Крестовую губу, издали увидѣли островъ Врангеля, прошли по правую его сторону и въ 1 ч. 30 минутъ стали на якорѣ на рейдѣ Баканъ. Черезъ четверть часа отправилась на берегъ шлюпка съ Сѣдовымъ и четырьмя матросами къ астрономическому пункту, установленному самимъ же Сѣдовымъ еще въ 1910 году.

Изъ мѣстныхъ рѣчусекъ прѣсной воды добыть въ достаточномъ количествѣ не представлялось возможнымъ, а потому порѣшили съ

этою цѣлью идти къ Ольгинскому поселку. Пока еще судно не снялось съ якоря, я съ Визе, Павловымъ и Пинегинымъ, захвативъ ружья, съѣхали на шлюпкѣ на берегъ и пошли пѣшкомъ къ этому поселку.

Идти пришлось по неровной каменистой поверхности, совершенно голой, на которой только кое-гдѣ виднѣлись признаки мха и отдѣльные цвѣточки. Вокругъ всей губы поднимаются огромныя горныя вершины съ ущельями между ними. Все покрыто вѣчными снѣгами; на одной изъ горъ виденъ еще издали висячій глетчеръ альпійскаго типа, очень характерный, напоминающій форму языка.

При входѣ въ Крестовую губу мы почувствовали уже пониженіе температуры, а на берегу это пониженіе давало себя знать еще рѣзче, вѣтеръ дулъ съ горъ и обдавалъ насъ ледянымъ дыханьемъ.

Къ поселку намъ пришлось идти верстъ 7.

Мы спустились съ небольшой горы; у берега плавало нѣсколько утокъ, къ которымъ я подошелъ изъ-за скалы; но не успѣлъ я показаться, какъ утки снялись и улетѣли. Берега вообще каменисты, обрывисты, и часто съ трудомъ приходилось, перепрыгивая съ камня на камень, двигаться впередъ или подкрадываться къ сидящимъ куликамъ. На полпути къ поселку, на берегу, мы увидѣли рыболовныя снасти промышленника Маслянникова, привезенныя имъ два года назадъ, но, въ виду отсутствія рыбы гольца, сѣти и по сейчасъ брошенныя лежатъ безъ употребленія.

Тутъ же невдалекѣ протекаетъ маленькая рѣчушка; мы ее перешли въ бродѣ, поднялись еще на одинъ хребетъ и замѣтили чудный обрывистый берегъ, къ которому и направились.

Берегъ высоко поднимался надъ уровнемъ моря и, размытый волнами, представлялъ изъ себя красивый видъ полуразвалившихся древнихъ построекъ. Тамъ и сямъ выступаютъ въ море каменные плиты. Въ скалахъ видны пещеры, гроты, а нависшія глыбы напоминаютъ балконы.

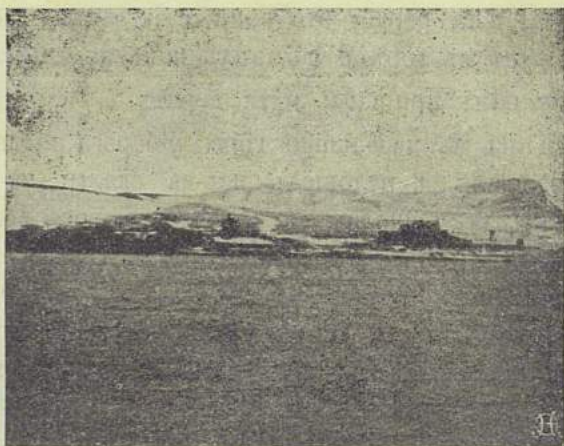
Здѣсь я убилъ 6 куликовъ и около получаса любовался моремъ и окружающими горами. Чѣмъ то таинственнымъ дышала эта природа, порождала въ душѣ что то новое, неизвѣданное, пугая и лаская своимъ суровымъ, волшебнымъ видомъ....

Однако надо было спѣшить идти дальше, и я съ грустью покинулъ это мѣсто. По дорогѣ перевалили еще одинъ небольшой хребетъ, и передъ нами внизу открылся поселокъ. Весь онъ состоитъ

изъ двухъ домовъ и небольшой церкви, въ которой богослуженіе происходитъ въ годъ разъ, когда прїѣзжаетъ изъ Архангельска священникъ.

Навстрѣчу къ намъ выскочила цѣлая свора собакъ, но мы, не обращая вниманія на ихъ лай, подошли къ одному изъ домовъ. Въ этомъ домѣ живетъ промышленникъ Усовъ, онъ же и старшина этого поселка.

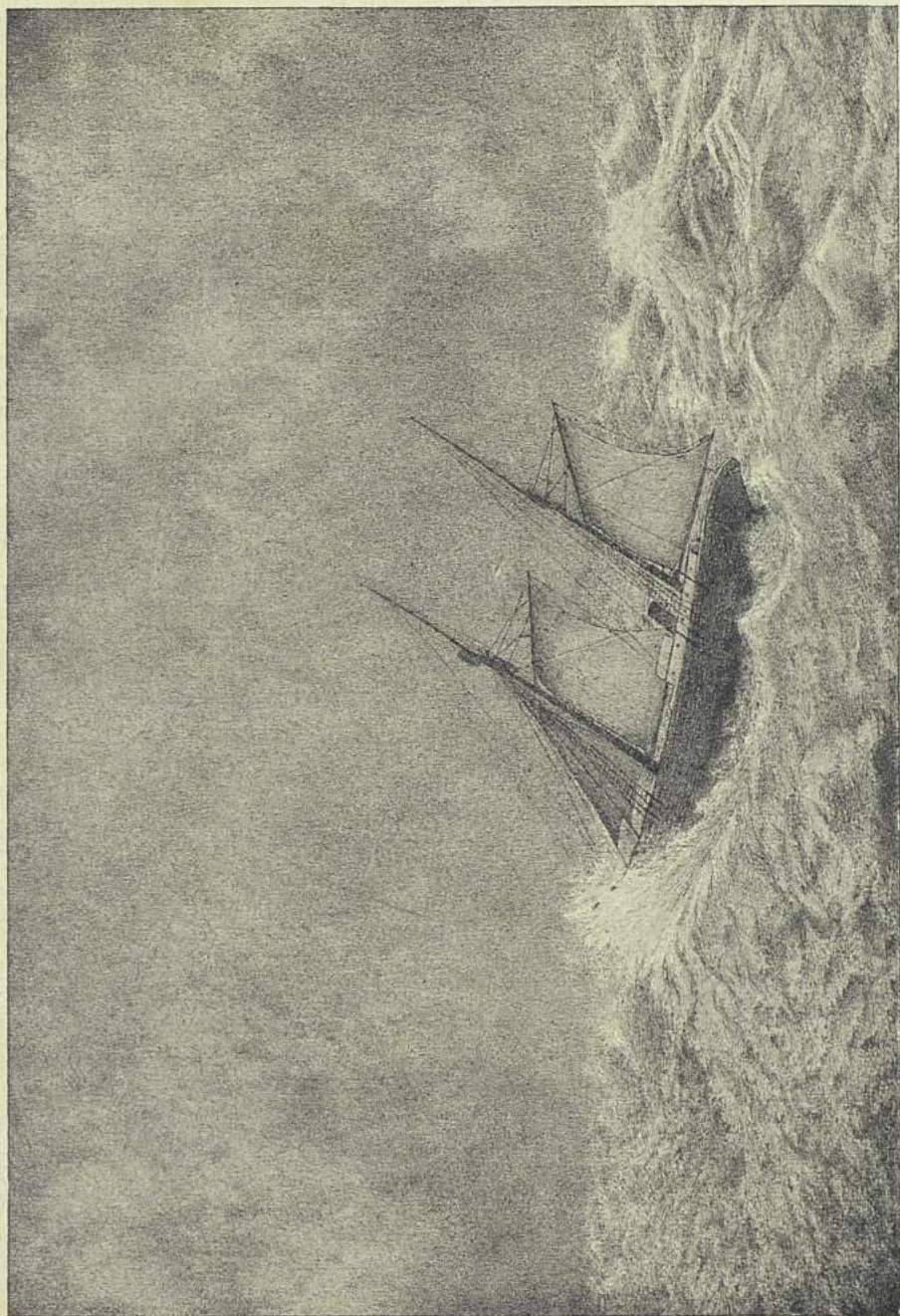
Отчаянные холодъ и сырость въ избѣ производятъ удручающее впечатлѣніе, и мнѣ казалось, что въ такихъ условіяхъ жизнь должна быть прямо невозможной. Всего въ поселкѣ 8 человекъ, жители—русскіе поморы. Въ домѣ, куда мы пришли, живутъ три

Поселокъ Ольгинскій въ Крестовой губѣ.

семьи изъ 6 душъ, а въ другомъ одна семья изъ 2 душъ. Любезная хозяйка поставила самоваръ, приготовила стаканы, и мы принялись пить чай. За чаемъ начались разговоры о ихъ житьѣ-бытьѣ. Дѣла идутъ очень плохо, такъ какъ рыбы-гольца очень мало, и за лѣто поймали всего 20 штукъ. Звѣря тоже очень мало, медвѣдей убили всего 10 штукъ и собрали 11 бочекъ ворвани; объясняется это тѣмъ, что поселокъ стоитъ на очень неудобномъ мѣстѣ, вдали отъ берега, и для промысла приходится ходить къ морскому мысу Прокофьева за 40 верстъ отъ поселка и жить въ норвежской избушкѣ. Всѣ они хотятъ бросить поселокъ и возвратиться обратно въ Архангельскъ.

Архангельская администрація забираетъ вообще у промышленниковъ Новой Земли, въ томъ числѣ и у нихъ, всю добычу и про-

„Св. Фока“ въ штормъ у мыса „Сухой Носъ“.

Рис. Астора.

даетъ ее въ Архангельскѣ съ аукціона, на вырученныя деньги привозитъ имъ на зиму съѣстные припасы, порохъ, дробь, одежду и другія принадлежности, а оставшіяся деньги возвращаетъ имъ.

Иногда промышленники для своихъ надобностей забираютъ денегъ на большую сумму, чѣмъ выручаютъ отъ промысла; тогда администрація насчитываетъ за ними долгъ.

Такого долга у промышленниковъ Крестовой губы накопилось свыше 1000 рублей, и это обстоятельство, какъ они говорятъ, заставляетъ ихъ бросить поселокъ.

На старосту поселка возложено веденіе метеорологическихъ наблюдений, для чего выстроена особая будка и привезены всѣ инструменты, но наблюденія не производятся тамъ больше полугода и врядъ когда-либо правильно будутъ производиться. Сваливаютъ всю вину на штормы, разбивающіе термометры и аппараты. Впрочемъ, нужно сознаться, что если бы наблюденія здѣсь и производились, то врядъ ли возможно было бы имъ довѣрять: ничего цѣннаго въ науку такія наблюденія внести не могутъ, а скорѣе способны вызвать путаницу въ виду невѣжества наблюдателей.

Къ концу нашего разговора подошелъ къ намъ самъ Сѣдовъ съ матросами,—они только что подошли съ судномъ и стали на якорь, выскочивъ предварительно на два фута на мель.

Произошло это потому, что капитанъ, желая сдѣлать поворотъ, не зная фарватера, взялъ слишкомъ влѣво и посадилъ судно на мель. Сѣдовъ горячился, ругался, но мы его скоро убѣдили въ томъ, что это классическое средство для снятія съ мели, въ сущности, мало пригодно. Сѣдовъ попросилъ промышленниковъ испечь намъ хлѣбъ изъ нашей муки, такъ какъ захваченный изъ Архангельска хлѣбъ вышелъ, и мы уже нѣсколько дней ѣли сухари. Промышленники охотно согласились, и мы, закончивъ пить чай, пригласили ихъ всѣхъ посѣтить наше судно.

Въ 9 часовъ вечера къ намъ прибыли приглашенные гости, и мы позвали ихъ въ каютъ-компанію. Однако несмотря на ихъ присутствіе въ 9¹/₂ час. начали работать по снятію судна съ мели, рассчитывая на обычное поднятіе воды во время прилива, но, не смотря на всѣ наши усилія, попытка оказалась неудачной, такъ какъ вѣтеръ угналъ воду въ море, и приливъ оказался незначительнымъ. Рѣшено было оставить работы до утра.

Промышленниковъ мы угостили водкой, консервами, напоили чаемъ, во время котораго непрерывно игралъ граммофонъ. Гости остались очень довольны и въ 10 часовъ съѣхали съ судна.

Съ полуночи 28 августа вѣтеръ съ берега началъ усиливаться, достигая временами 9 балловъ.

Спали всѣ хорошо и къ 8 часамъ, напившись чаю, снова принялись за работу. Сперва на берегъ завезли стальной тросъ и закрѣпили его за прибрежные камни. Когда закончили крѣпленіе, машинѣ дали полный ходъ и начали выбирать тросъ при помощи лебедки, но тросъ лопнулъ, а судно попрежнему стояло на мели. Видя безцѣльность работы въ этомъ направленіи, Сѣдовъ рѣшилъ отлепять якорь и завести съ кормы, прикрѣпивъ его предварительно нѣсколькими стальными тросами.

Въ 12 часовъ дали командѣ обѣдъ и съ 2 часовъ снова возобновили работы. Якорь необходимо было подвѣсить къ карбасу и завозить его на разстояніе 50 сажень за корму; такая завозка была дѣломъ очень труднымъ и рискованнымъ, тѣмъ болѣе, что отдѣльныхъ запасныхъ якорей на суднѣ не было и приходилось отклепывать большой и единственный судовой якорь вѣсомъ въ 75 пудовъ. Когда его, наконецъ, прикрѣпили къ карбасу и потащили, то онъ такъ накренилъ бортъ, къ которому былъ подвѣшенъ, что надъ водой бортъ этотъ возвышался лишь на два вершка, и всѣ матросы должны были пересѣсть на другой бортъ, чтобы такимъ образомъ выравнивать кренъ. Наблюдая эту работу, я невольно удивлялся умѣнію, энергіи и находчивости Сѣдова. Самъ онъ былъ на всѣхъ работахъ впереди и на самыхъ опасныхъ мѣстахъ, матросы же меня удивляли полной противоположностью своему начальнику. Вообще судовая команда, какъ оказалось, подобрана была очень неудачно, ибо изъ всѣхъ оказался только одинъ матросъ, мало-мальски знающій свое дѣло, а остальные если и плавали гдѣ-нибудь, то не дальше устья рѣки Двины, и по всей вѣроятности, моря никогда не видѣли.

Моментъ, когда надо отдать паруса, чтобъ измѣнить направленіе, моментъ самый опасный, могущій стоить жизни всѣмъ; и въ такія минуты судовая команда работала неохотно, неумѣло, и во всемъ было видно отсутствіе знаній. Положительно, — одна судьба, слѣпая, но благосклонная пока судьба спасала насъ неоднократно отъ гибели во время пережитыхъ нами штормовъ.

Судовой боцманъ, оказавшійся, на наше несчастіе, морфинистомъ, все время лежалъ, и матросы безъ него не знали, какія снасти къ какому принадлежатъ парусамъ. Повидимому, Дикинъ набралъ эту команду для одного счета, не предполагая выходить въ плаваніе; Сѣдовъ же, самъ не имѣя времени подыскивать судовую команду (хотя

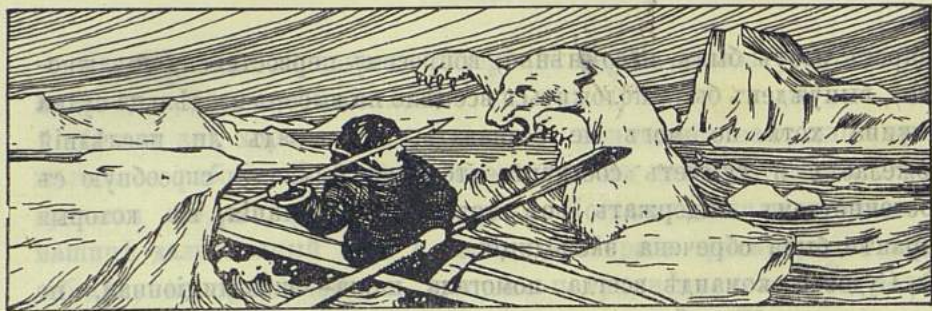
вопросъ этотъ былъ, несомнѣнно, вопросомъ первостепенной важности), вынужденъ былъ положиться всецѣло на выборъ владѣльца судна Дикина хотя не могъ не сознавать, что врядъ ли послѣдній пожелаетъ и сумѣетъ составить отборную команду, способную съ достоинствомъ выдержать всѣ тяжелыя испытанія, на которыя заранѣе была обречена экспедиція.

Судовой командѣ всегда помогала наша—экспедиціонная, по это мало двигало дѣло: матросы работали лишь для отвода глазъ, стараясь выѣзжать другъ на другѣ, и то, что возможно было сдѣлать двумъ—тремъ, дѣлалось цѣлымъ десяткомъ людей, безтолково, непродуктивно (все время приходилось работать самому и за всѣмъ слѣдить, такъ какъ Сѣдову подчасъ одному было не справиться). Ругань слышалась со всѣхъ концовъ. Ругали другъ друга, не стѣсняясь даже присутствіемъ нашимъ, близость командира не могла образумить, отсутствіе дисциплины было такое, что мнѣ стоило большихъ усилій не уговорами, а угрозами физическаго воздѣйствія сдерживать команду въ извѣстныхъ границахъ ихъ возмутительное поведѣніе. Я никогда не слыхалъ такихъ дикихъ ругательствъ, какими былъ пересыпанъ лексиконъ судовой команды. (Почти всѣ мальчишки, сорванцы и разбойники, это та характеристика которую далъ бы каждый кто проплавалъ бы съ ними хоть однѣ сутки).

Къ 5 часамъ, измучившись отъ безплодныхъ усилій, прекратили работы и стали ожидать вечерняго прилива. Вѣтеръ понемногу сталъ стихать. Въ 8 часовъ начали снова работать, и, наконецъ, съ большимъ трудомъ, намъ удалось сняться съ мели, хотя при этомъ мы рисковали оставить въ морѣ якорь и стальные тросы. Снявшись съ мели, отошли немного назадъ и стали на якорь. Теперь явилась возможность отдохнуть. Всѣ были очень довольны достигнутымъ успѣхомъ, такъ какъ мы зря стояли и упустили время, которымъ и такъ должны были дорожить благодаря позднему выходу изъ Архангельска. Лично я уже началъ сомнѣваться въ томъ, что мы сможемъ достичь земли Франца Иосифа...

Сѣдовъ изрядно усталъ и сейчасъ же легъ спать. Мы всѣ вскорѣ послѣдовали его примѣру.

ГЛАВА V.

Охота на морского зайца. Наша команда. Мы отправляемъ часть команды обратно. Собаки.

В 8 часовъ утра 29 августа команда начала свою обычную работу. Къ этому времени за мной прѣхали два промышленника, съ которыми я условился еще раньше ѣхать въ бухту «Вѣра» для осмотра сѣтки, поставленной для ловли морскихъ звѣрей. Взявъ съ собой ружье, я быстро спустился по трапу въ ихъ шлюпку и мы поплыли въ бухту. Было незначительное волненіе, и прогулка оказалась очень пріятной. По дорогѣ мы встрѣтили утокъ, но онѣ не подпустили насъ даже на выстрѣлъ. Промышленники сами на нихъ не охотятся, но весной собираютъ ихъ яйца и цухъ, чѣмъ губятъ и разоряютъ гнѣзда. Яйца собираютъ на зиму, но сборы ихъ сопряжены съ большимъ рискомъ, ибо часто утки гнѣздятся на отвѣсныхъ скалахъ, и чтобы пробраться къ гнѣзду, надо спускаться съ обрыва на привязанной веревкѣ, которую держитъ товарищъ.

Черезъ полчаса мы подошли къ противоположному берегу, гдѣ стояла сѣть. На берегу бѣгало много куликовъ, а вдали сидѣли гуси. Подплывая къ сѣткѣ, промышленники сказали мнѣ, что туда, должно быть, попалъ звѣрь, такъ какъ часть поплавокъ погружена въ воду. Когда подплыли ближе къ сѣткѣ, то въ ней оказался морской заяцъ. Онъ былъ еще живой и своими ластами и туловищемъ сильно запутался въ петляхъ сѣти. Обыкновенно промышленники убиваютъ попавшагося звѣря весломъ по головѣ, затѣмъ уже

распутываютъ сѣти и забираютъ его въ шлюпку, но на этотъ разъ они попросили меня убить зайца изъ пистолета, которымъ они очень заинтересовались, такъ какъ у меня былъ браунингъ, а такой системы оружія они еще не видѣли.

Волненіе усилилось и шлюпку качало изрядно; по дорогѣ обратно мы разговорились объ охотѣ съ сѣтками за морскими животными. Звѣрь попадаетъ въ сѣтки, гоняясь за мелкой рыбешкой у берега; попавъ въ нее, выбраться ужъ не можетъ, и остается тамъ, пока его не убьютъ. Иногда промышленники ихъ берутъ мертвыми, такъ какъ морскіе звѣри, выбившись изъ силъ, быстро гибнутъ. Бывали случаи, когда въ сѣтки попадало ихъ по двѣ по три штуки. Сѣтки осматриваются ежедневно, и почти всякій разъ въ нихъ попадаютъ звѣри. Каждый добытый звѣрь приноситъ доходу 8—10 рублей, не считая мяса, которымъ кормятъ собакъ. На мой вопросъ, почему поставили одну сѣтку, а не больше, промышленники отвѣтили, что сѣтки стоятъ дорого, а денегъ у нихъ нѣтъ. Судя по ихъ отвѣтамъ, можно было заключить, что сами они не особенно надрываются надъ промыслами. Сѣть можетъ служить нѣсколько лѣтъ и принести изрядный доходъ, тѣмъ болѣе, что количество добычи отъ промысла всецѣло, повидимому, зависитъ отъ собственной энергіи промышленниковъ.

Въ 11 часовъ вернулись на судно.

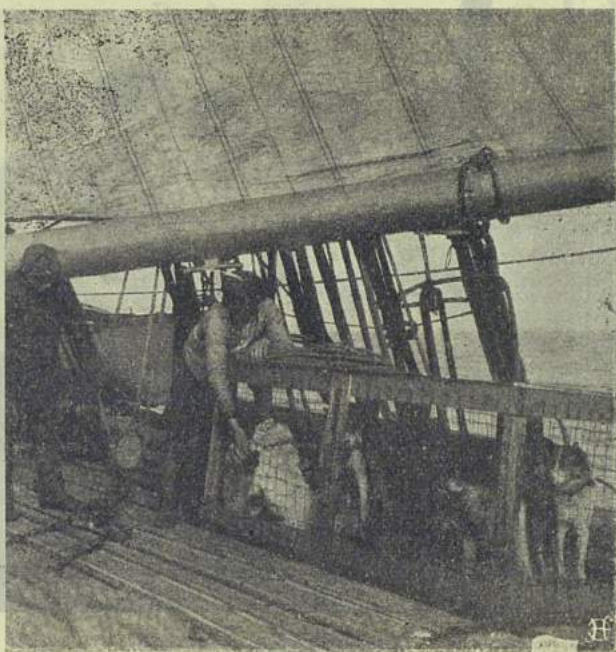
Въ Крестовой губѣ я приступилъ къ осмотру всей команды, въ особенности судовой, набранной чуть не въ одинъ вечеръ, передъ самымъ отходомъ судна. Въ первый же день нашего плаванія судовой боцманъ Точиловъ, какъ я уже говорилъ, слегъ и не выходилъ изъ кубрика; изъ разспросовъ оказалось, что онъ морфинистъ и, уходя въ плаваніе, забылъ захватить съ собой морфій для подкожныхъ впрыскиваній; у матроса Кункова появились *три сифилитическихкія язвы* и сильное уплотненіе и опухоль лѣвой паховой желѣзы, у матроса Куракина подозрительная по всему тѣлу сыпь. Матросъ Ивановъ и поваръ Самутинъ послѣ штормовъ совсѣмъ ослабѣли и едва двигались; остальная команда оказалась совсѣмъ здоровой. О результатѣ осмотра я сообщилъ Сѣдову, прося списать съ судна больныхъ, такъ какъ дальнѣйшее пребываніе ихъ въ составѣ команды могло разрушительно отразиться на ихъ здоровьѣ, а главное угрожало здоровью окружающихъ; если бы Св. Фока не возвратился обратно съ земли Франца Іосифа и экспедиція принуждена была тамъ зимовать, то сосѣдство больныхъ несомнѣнно послужило бы очагомъ для распространенія

заболѣваній среди всей команды, такъ какъ свободнаго помѣщенія для изоляціи заразныхъ больныхъ на суднѣ не имѣлось. Съдовъ распорядился всѣхъ указанныхъ мною матросовъ высадить въ Крестовой губѣ, оставивъ имъ провизіи на 20 сутокъ, при чемъ они имѣли возможность возвратиться въ Архангельскъ на суднѣ, которое ожидалось въ Крестовую губу къ 12 сентября. Въ 12 часовъ дня свезли на берегъ указанныхъ мною 5 человекъ; съ ними отправился самъ начальникъ экспедиціи и устроилъ ихъ въ домѣ промышленника: попутно Съдовъ осмотрѣлъ запряжку собакъ, прокатился на нихъ и къ вечеру, въ 4 часа, возвратился на судно.

До 6 часовъ убирали стальные тросы обратно на судно. Вѣтеръ съ ранняго утра 30 августа усилился, но, несмотря на это, мы въ шесть съ половиною часовъ утра подняли якорь и ушли съ рейда Ольгинскаго поселка. Черезъ часъ вѣтеръ еще болѣе усилился и мы вынуждены были вновь стать на якорь у острова Врангеля. Въ 9 часовъ 30 минутъ вѣтеръ немного стихъ, и я съ Павловымъ, Визе, Пинегинымъ и капитаномъ судна Захаровымъ отправились съ ружьями на маломъ карбасѣ на островъ Врангеля, а команда въ это время перегружала лѣсъ съ палубы на мостикъ, желая облегчить носъ судна и этимъ увеличить скорость его хода.

Островъ Врангель самъ по себѣ не большой, гористый, съ крутыми обрывистыми къ морю берегами, при чемъ во всѣ стороны отъ него выступаютъ гребни. Волны, ударяясь объ нихъ, разбиваются на мелкія брызги и поднимаются въ уровень съ высокими берегами. Шумъ прибрежныхъ волнъ ужасный, и когда смотришь со скалы на море, то тамъ внизу словно какая то пѣнящаяся бездна. Островъ пустынный, покрытый мелкими валунами и только кое-гдѣ изъ подъ камней пробивается мохъ. На самомъ островѣ стоитъ одинъ крестъ, а три лежатъ возлѣ него. На одномъ изъ нихъ имѣется надпись — «1774 г. Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и Святое Воскресеніе Твое славимъ». Когда я обошелъ весь островъ кругомъ, меня невольно потянуло опять къ этимъ крестамъ, такъ хотѣлось разгадать, кто лежитъ здѣсь столько лѣтъ среди суровой холодной природы... но точныхъ свѣдѣній о происхожденіи этихъ крестовъ, кажется, не имѣется. Простившись съ ними, я спустился къ берегу. По дорогѣ мнѣ попадалось очень много *леминговъ*, бѣгающихъ по камнямъ. На берегу я убилъ 16 куликовъ и возвратился обратно къ шлюпѣ, гдѣ меня уже ожидали мои спутники.

Въ 4 съ половиною часа мы отправились въ той же шлюпкѣ къ противоположному берегу Новой Земли, но усилившіяся волны заставили насъ возвратиться обратно на судно. Отступление это совершилось съ большимъ трудомъ и усиліями, ибо волной насъ относило все дальше и дальше въ противоположную сторону къ открытому морю, и мы едва достигли судна. Въ 8 часовъ вечера устроили въ каютъ-компаніи командѣ праздникъ, читали стихи, заводили граммофонъ и угощали всѣхъ сластями. У насъ открылся

Въ Баренцовомъ морѣ. — Несчастные страдальцы.

свой литературный журналъ «каютъ-компанія», гдѣ мы стали помѣщать всѣ наши досужія произведенія. Команда осталась очень довольна и только въ 10 часовъ ушла въ кубрикъ готовиться ко сну. Въ 3 съ половиною часа утра 31 августа снялись съ якоря и направились къ выходу изъ Крестовой губы; поднявъ всѣ паруса. Съ 8 часовъ команда принялась за уборку клѣтокъ и чистку палубы.

Я до сихъ поръ не упоминалъ о нашихъ собакахъ, хотя о нихъ уже давно пора сказать нѣсколько словъ. Кто не путешествовалъ съ 80-ю собаками, сидящими въ клѣткахъ, и не бывалъ съ ними во время шторма, тотъ не можетъ и вообразить себѣ,

какія они устраиваютъ дикія и несносныя сцены. Съ перваго же дня раздавался постоянный вой, лай и грызня, а во время шторма творилось что то ужасное.

Сильной качкой собакъ швыряло одну на другую и отъ этого среди нихъ поднималась такая драка, что даже сильными ударами не всегда удавалось ихъ быстро усмирять. Въ каждой клѣткѣ 10—12 собакъ, и послѣ каждой драки почти всѣ собаки оказывались въ крови; зато когда ихъ основательно укачаетъ, онѣ ложатся

На мостикѣ на ходу въ Баренцовомъ морѣ.

Сѣдовъ, штурманъ Сахаровъ, Павловъ, капитанъ Захаровъ, Кушаковъ, Пинегинъ, Визе.

пластами и только изрѣдка принимаются выть и визжать. Собаки были распределены въ клѣткахъ приблизительно по ихъ силѣ и росту; часть клѣтокъ помѣщалась на палубѣ, а часть на мостикѣ. Запахъ отъ нихъ идетъ нестерпимый. Когда по утрамъ убираютъ клѣтки, то собакъ выпускаютъ на свободу, и тутъ самымъ ощутительнымъ образомъ даютъ себя знать скверныя собачьи привычки и неприличіе ихъ поведенія: они не щадятъ парусовъ, ни снастей, ни даже самихъ обитателей вышшаго порядка,—стоишь задумавшись и смотришь на море, не успеешь и оглянуться, какъ твои сапоги мокры. Первые дни я ходилъ какъ обалдѣлый отъ этой

собачьей неразберихи и гама по затѣмъ понемногу привыкъ. Кормимъ мы собакъ хлѣбомъ и американскими галетами, и кормленіе доставляетъ даже нѣкоторое развлеченіе: всѣ окружаютъ тебя, ожидаютъ своей очереди; получивъ свою порцію, каждая изъ нихъ уходитъ въ сторону и приходитъ снова только тогда, когда все съѣсть. Впрочемъ за время плаванія всѣ наши собаки замѣтно похудѣли и какъ то спали съ тѣла, осунулись.

Выйдя изъ Крестовой губы въ открытый океанъ, Сѣдовъ распорядился сдѣлать нѣсколько измѣреній глубинъ, и мы нѣсколько разъ бросали лотъ. Въ 3 часа 40 минутъ дня прошли траверсъ полуострова Адмиралтейства. Самая большая глубина въ этомъ мѣстѣ, въ 3—4 миляхъ отъ берега, 64 сажени. Дно покрыто жидкимъ иломъ. За полуостровомъ Адмиралтейства глубина достигаетъ 76 сажень. Погода хорошая, ясно и легкій вѣтеръ.

ГЛАВА VI.

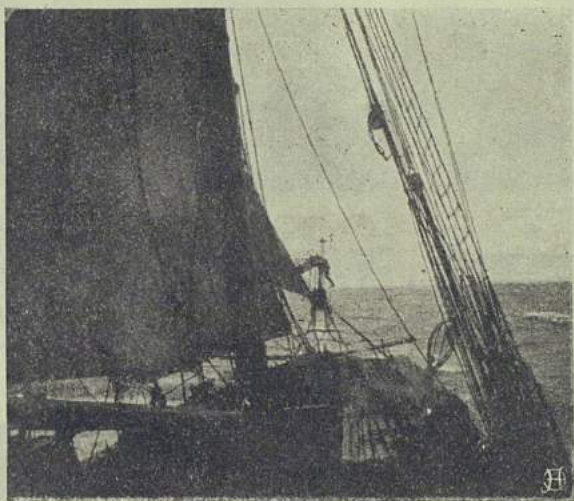
На пути къ Землѣ Франца Іосифа.

Первые льды.—Мы идемъ среди льдовъ.—Первые тюлени и полярныя чайки.—Невеселыя думы.—Первая охота на бѣлаго медвѣдя.

ПОКАЗАЛСЯ впервые ледъ 1 сентября. Издали онъ представлялъ изъ себя ровное бѣлое поле, на которомъ кое гдѣ возвышались то свѣтлоголубыя, то темныя ледяныя глыбы. Подходишь ближе и видишь не сплошную ледяную массу, а отдѣльныя ледяныя поля всевозможной величины и очертаній, которыя то возвышались надъ общимъ уровнемъ морского простора, то вздымались надъ водой огромными хребтами, образовавшимися отъ нагроможденія льдинъ другъ на друга; при чемъ эти ледяныя громады представляли изъ себя довольно оригинальныя причудливыя фантастическія постройки. Общая масса льдовъ, образуетъ собственно ледяныя поля, бѣлаго цвѣта съ легкимъ синеватымъ оттѣнкомъ и лишь вблизи береговъ среди ихъ видѣются иногда огромныя ледяныя глыбы—айсберги голубого цвѣта. Эти айсберги происхожденія берегового. Полярныя страны покрыты вѣчнымъ ледянымъ покровомъ, заполняющимъ всѣ долины и ущелья, и этотъ ледъ, двигаясь по наклонной плоскости, спускается въ море; на берегу, на изломѣ отъ этихъ ледниковъ откалываются огромныя ледяныя глыбы и обрушиваются въ океанъ, гдѣ и носятся,

пока лучи солнца и волны не уничтожатъ ихъ. Причудливый видъ айсберговъ и дивная окраска ихъ невольно останавливаютъ на себѣ взгляды путешественниковъ. Между отдѣльными ледяными полями видны трещины, каналы, полыньи, и все это въ вѣчномъ движеніи, быстро измѣняется на вашихъ глазахъ... Невольная дрожь пробѣгаетъ по всему тѣлу: эта неустойчивая, но грандіозная, величественная масса льдовъ безъ предѣла и границъ просто наводитъ ужасъ, холодомъ и скрытой угрозой вѣетъ отъ этой негостепріимной и суровой природы, неизвѣстное будущее пугаетъ, но все-таки рвешься душой впередъ и пытливымъ умомъ стремишься все узнать, несмотря на предстоящія препятствія.

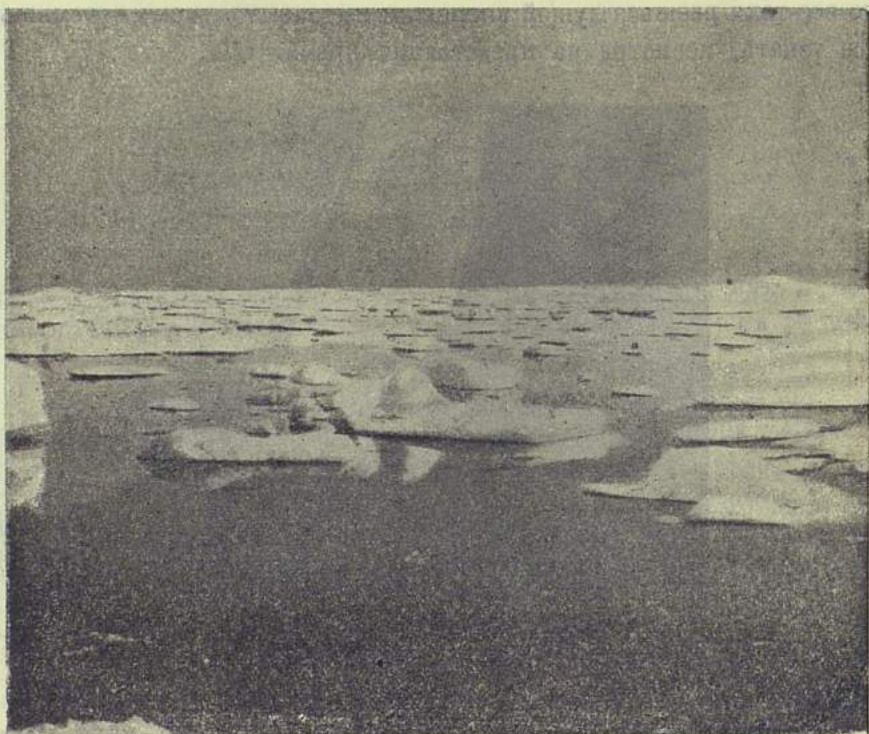

Штормъ: «кливеръ сорвало».

Кругомъ тихо и спокойно. Небо чисто и солнце какъ то особенно грѣетъ и свѣтитъ. Волны ласкаются ко льдамъ, словно нашептывая имъ вѣковыя былины и сказки про необъятный просторъ, таинственную жизнь и счастье глубочайхъ холодныхъ морей и не страшны уже тебѣ эти сказки и понятнымъ становится этотъ таинственный пошопъ. Стоишь на мостикѣ и смотришь, не отрывая глазъ отъ бѣлоснѣжнаго горизонта, весь поглащенный завѣтной мечтой о чемъ то хорошемъ, новомъ, и передъ глазами вырастаетъ словно сказочный замокъ, лучшее, свѣтлое, счастливое будущее. Все скверное, пережитое уплываетъ далеко, далеко, на душѣ становится такъ легко, чувствуешь себя крѣпкимъ и сильнымъ, начинаешь вѣрить, что никакія испытанія не сломаютъ тебя...

Впереді ледяныя поля и холодный сѣверъ. Невольно оглядываешься на покинутый край родной и хочешь сказать: прощай хорошій, теплый югъ, согрѣй и приласкай насъ въ тотъ часъ когда, быть можетъ, мы, усталые и измученные, снова возвратимся въ твои объятія.

Мы подходимъ все ближе и ближе къ границѣ сплошного льда. Съдовъ полѣзъ на бочку высматривать, нѣтъ ли удобнаго прохода, такъ какъ идутъ огромныя ледяныя поля, и съ мостика не

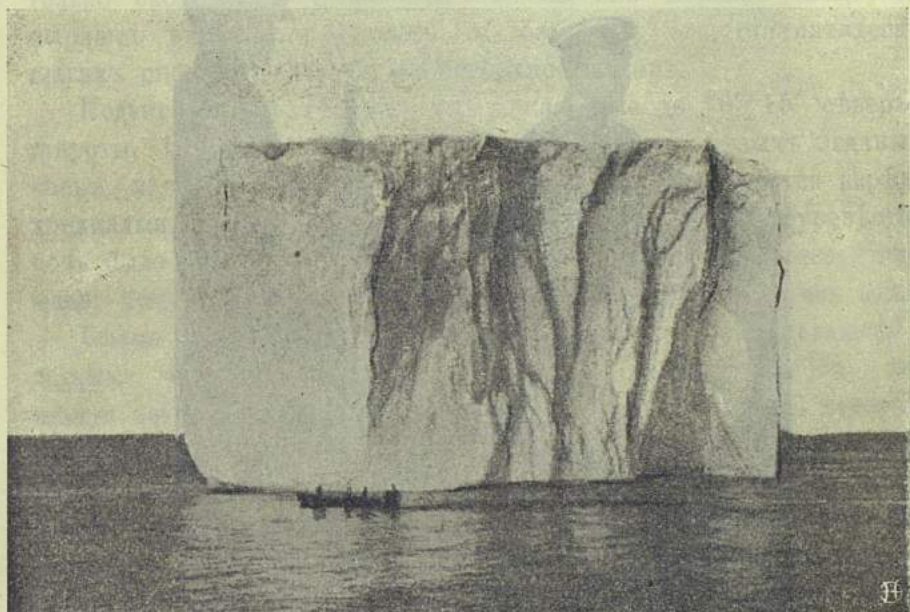

Граница сплошного льда.

видно между ними никакихъ проходовъ. Быть можетъ всю эту массу придется обходить. Вдоль окраины льда со всѣхъ сторонъ изъ воды появляются тюлени. Они играютъ, цѣлыми группами, гоняются другъ за другомъ, показывая временами то однѣ головы, то все туловище. Недалеко отъ судна показался тюлень, безцеремонно осмотрѣлъ непрощенныхъ гостей, фыркнулъ и быстро скрылся въ изумрудной водѣ.

Съдовъ спустился внизъ и сообщилъ, что недалеко впереді, между льдами, видны каналы, которые дальше сходятся. Въ Архан-

гельскѣ придерживаются того мнѣнія, что идти въ такія узкія щели не слѣдуетъ, ибо льды могутъ судно зажать, и тогда приходится выжидать либо благопріятнаго вѣтра, либо перемѣщенія льдовъ; затертое льдами судно теряетъ самостоятельность движенія и должно блуждать вмѣстѣ со льдами по вѣтру и теченію, иногда въ нежелательномъ направленіи. Но мнѣ кажется, что если вообще избѣгать такихъ проходовъ, то врядъ ли возможно какое-либо движеніе во льдахъ. Сѣдовъ рѣшилъ обогнуть ледяныя поля и идти вдоль западнаго берега Новой Земли.

Ледяная гора.

Благодаря этому рѣшенію намъ пришлось идти обратно на югъ миль тридцать. Вечеромъ рѣшили идти вдоль края льда прямо на Землю Франца Іосифа.

Всю ночь шли то полнымъ ходомъ, то тихимъ, а временами приходилось останавливать машину. Вообще мы со льдами обходительны и предупредительны.

Въ 4 часа 2-го сентября я поднялся на мостикъ, принялъ вахту и началъ свое дежурство. Надо стоять и слѣдить за состояніемъ льда, такъ какъ идемъ вдоль самаго края его. Сѣдовъ все время стоялъ на вантахъ и слѣдилъ за проходами. Въ 4 часа 15 минутъ утра замѣтили впереди нѣсколько открытыхъ каналовъ и небольшую

полыню, но чтобы попасть въ нее, приходилось пробиться черезъ льды около ста сажень. Рѣшили сдѣлать попытку и взяли наравленіе къ замѣченнымъ каналамъ. Сначала трудно было пробиваться и раздвигать отдѣльныя ледяныя поля, но зато дальшее движеніе стало свободнѣе, и, наконецъ, мы попали въ полыню. Въ часъ и 30 минутъ вышли на прогалину, сплошь покрытую саломъ. Температура воздуха -5° . Саломъ называется вновь образовавшійся на

Сѣдовъ на мостикѣ, на границѣ льдовъ.

поверхности воды совершенно мягкій, тонкій ледъ сѣроватаго цвѣта; образуется такое сало въ полыняхъ при морозахъ лишь во время полного штиля, такъ какъ даже маленькій вѣтеръ и легкое волненіе не даютъ ему образовываться. Образуется оно преимущественно въ узкихъ каналахъ и часто спаиваетъ отдѣльныя льдины. Идти саломъ пока не представлялось труднымъ, хотя судно, затрачивая часть своей энергіи на сопротивленіе и уменьшило ходъ. Вдали особенно плотныхъ льдовъ не было видно, но

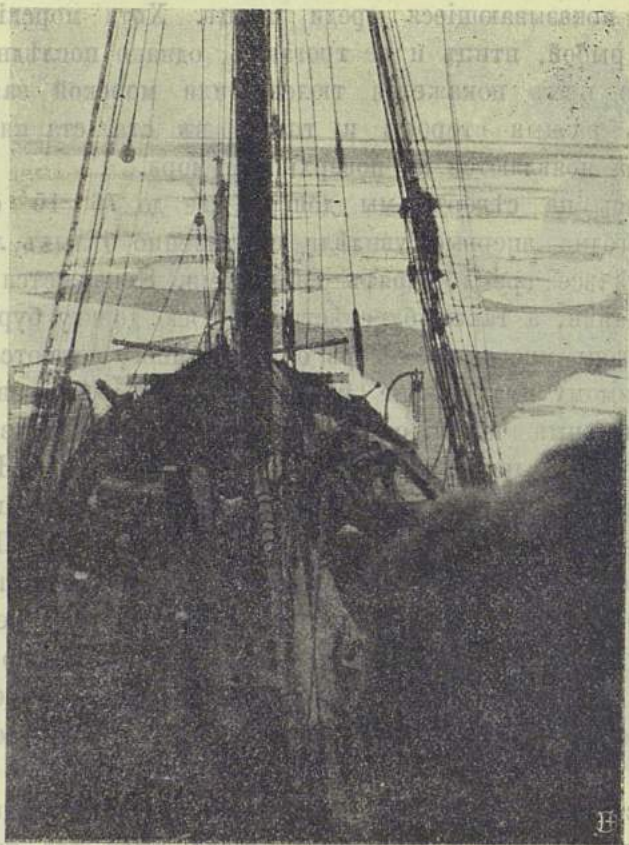
неизвѣстно, долго ли мы сможемъ идти такимъ курсомъ и не перестроятся ли льды впереди.

Тюлени и морскіе зайцы все чаще и чаще показываются надъ водой. Сегодня впервые пришлось видѣть лежащаго на льду тюленя, но онъ при нашемъ приближеніи счелъ для себя за лучшее спуститься въ воду. На пути часто встрѣчаются *чистяки и люрики*, они ныряютъ очень хорошо. Особеннаго страха передъ нашимъ инвалидомъ они не испытываютъ, за то ихъ часто пугаютъ тюлени, неожиданно показывающіеся среди птицъ. Хотя морскіе звѣри, питающіеся рыбой, птицъ и не трогаютъ, однако послѣднія, какъ только около нихъ покажется тюлень или морской заяцъ, всѣ ныряютъ въ разныя стороны и только въ ста, ста пятидесяти шагахъ снова появляются на поверхности моря.

Подвигаясь на сѣверъ, мы дошли уже до $76^{\circ} 15'$ сѣверной широты. Сегодня впервые увидѣли совершенно бѣлыхъ ледяныхъ чаекъ, и онѣ все время парятъ надъ нами. Попадаются изрѣдка трехпалыя чайки, а также буревѣстники. Всю дорогу буревѣстниковъ было очень много, но теперь они понемногу остаются и теряются; повидимому имъ больше нравится летать у береговъ земли.

Бѣлыя ледяныя чайки очень красивы, но такъ сливаются со льдами, что на льдинахъ ихъ трудно замѣтить. На ходу иногда задѣваемъ большія ледяныя поля, сталкиваясь съ которыми судно сильно вздрагиваетъ и отбрасывается въ сторону. По временамъ приходится разбивать небольшія перемычки и пока это удастся довольно хорошо, жаль только, что, развивая небольшую скорость, судно не имѣетъ возможности раздвигать плотно прилегающія льды, благодаря чему приходится довольно часто дѣлать значительные обходы, а это отнимаетъ время и замедляетъ наше движеніе къ сѣверу. До 6 часовъ вечера шли спокойно, но чѣмъ дальше на сѣверъ, тѣмъ путь становился труднѣе: льды толще, ледяныя поля больше, и лавировать среди нихъ все тяжелѣе и тяжелѣе, тѣмъ болѣе, что тихій ходъ судна не даетъ возможности дѣлать быстрые повороты, благодаря чему приходится часто сталкиваться съ льдинами. Чѣмъ дальше, тѣмъ положеніе становится затруднительнѣе. Морозъ доходитъ до 8° , и сало дѣлается все плотнѣе и плотнѣе, задерживая судно и страшно сокращая его скорость. Начали опасаться, какъ бы не пришлось намъ подолгу стоять на одномъ мѣстѣ. Къ ночи путь сталъ почти непроходимымъ. Рѣшили ночью стоять среди льдовъ и двигаться только днемъ. Состояніе льдовъ постепенно становилось настолько для насъ неблагоприятнымъ, что

все время приходится двигаться то впередъ, то назадъ при томъ со скоростью, едва превышающую 200 сажень въ часъ. Въ виду незначительности хода рѣшили совсѣмъ остановить машину, чтобы, насколько возможно, беречь уголь, котораго оставалось у насъ всего недѣли на двѣ, и выжидать, пока льды примутъ болѣе благопріятное расположеніе. Это страшно не нравилось нашему механику, потерявшему надежду возвратиться съ судномъ въ эту же

Въ Баренцовомъ морѣ. — Пробиваемся сквозь льды.

осень. Для меня лично становилось яснымъ, что первоначальный нашъ планъ не выполнимъ и всѣмъ намъ придется зимовать, только гдѣ,—неизвѣстно. Это сразу измѣняло наше положеніе. На зимовку люди должны были остаться безъ теплой одежды, такъ какъ ею снабжены только 14 человѣкъ, а команда состоитъ изъ 22 человѣкъ. Какъ себя будутъ чувствовать тѣ, у которыхъ кромѣ пиджаковъ ничего нѣтъ?... Сѣдовъ все время стоитъ то у руля,

то на вантахъ и почти выбился изъ силъ. Нашъ судовой капитанъ совершенно не знакомъ со льдами, и всю тяжесть пути несетъ самъ Сѣдовъ. Большую часть дня я стоялъ на носу судна и указывалъ направление отдѣльныхъ льдинъ. Сегодня особенно часто сталкивались съ льдами и одинъ толчекъ былъ настолько силенъ, что всѣ люди выбѣжали на палубу. Въ 7 часовъ остановили машину и рѣшили ожидать утра. Вечеромъ Сѣдовъ разрѣшилъ выходъ нашего журнала «Каютъ-компанія», закрытаго имъ за одно стихотвореніе вольнаго направленія; запретъ продолжался трое сутокъ и всѣ искренно недоумѣвали, съ какой стати въ такихъ сѣверныхъ широтахъ быть такимъ строгимъ цензоромъ.

Морскіе звѣри попадаютъ теперь очень рѣдко: повидимому держатся они около льда, поближе къ открытой водѣ. Идя льдами, я слѣдилъ за чайками и удивлялся, почему онѣ всегда движутся за судномъ. Объяснялось это однако тѣмъ, что судно, разбивая льды и выталкивая небольшія льдины другъ на друга, выбрасываетъ и мелкую рыбешку. Чайки видятъ ее издали и кормятся ею.

Ночь 3 сентября провели спокойно. Я просилъ вахтеннаго матроса разбудить меня въ 4 часа, такъ какъ съ этого часа начинается моя вахта, и я долженъ быть на мостикѣ. Въ 1 часъ ночи вошелъ въ мою каюту механикъ и разбудилъ меня словами: «Господинъ докторъ, впереди насъ образовалась большая полынья, разбудите начальника, машина у меня готова, и надо спѣшить пробиваться». Я вскочилъ. Дѣйствительно, далеко къ горизонту тянулась передъ нами сплошная черная полоса. Я разбудилъ Сѣдова, онъ всталъ, осмотрѣлся вокругъ и распорядился «впередь»! Машина была готова и судно тотчасъ двинулось на сѣверъ. Часа два мы шли со скоростью 7 верстъ въ часъ, а затѣмъ, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, подняли паруса. Скоро на горизонтѣ снова показались льды. Пришлось пробиваться сквозь нихъ, но чѣмъ дальше, тѣмъ они оказывались болѣе сплоченными, и работа становилась не подъ силу. Сѣдовъ не сходилъ съ вантъ, оттуда онъ командовалъ и давалъ распоряженія. Пробивались мы очень медленно. Приходилось сильными толчками раздвигать льдины: давъ машинѣ задній ходъ, мы отходили немного назадъ и затѣмъ съ разгона старались продвинуться впередъ. Ни гдѣ не было видно полыньи.

Въ 2 часа штурманъ замѣтилъ впереди бѣлаго, огромнаго медвѣдя, стоявшаго на большомъ айсбергѣ. Онъ стоялъ и, казалось, спокойно смотрѣлъ въ безграничную даль, чувствуя себя среди

этихъ вѣчныхъ льдовъ, какъ дома. Лишь только штурманъ сообщилъ намъ, въ каютъ-компаніи поднялась тревога. Всѣ схватили ружья и, какъ одинъ, быстро выскочили на мостикъ. Шли мы противъ вѣтра, медвѣдь насъ не чуялъ и попрежнему стоялъ, поглядывая по сторонамъ. Могучая голова его медленно поворачивалась на длинной шеѣ и весь онъ производилъ величественное впечатлѣніе.

Видя, что медвѣдь покоентъ, я предложилъ всѣмъ перейти съ мостика на палубу и выждать, пока не подойдемъ поближе, чтобы стрѣлять навѣрняка, ибо жаль упускать такого звѣря матерого. Какъ красивъ былъ медвѣдь среди безконечнаго простора ледяныхъ полей, поистинѣ его можно назвать царемъ полярной природы! Смотришь на него и чувствуешь, что онъ самъ это понимаетъ, ничего не боится и твердо вѣрить въ свою силу, въ свою мощь. Мы стоимъ и волнуемся. Дрожь пробѣгаетъ по всему тѣлу, глаза горятъ, такъ и хочется броситься и помѣряться съ нимъ силами. Все время говоримъ шопотомъ и просимъ другъ друга не стрѣлять раньше, чѣмъ мы подойдемъ на разстояніе двухсотъ шаговъ. Не успѣли мы подойти на эту дистанцію, какъ Сѣдовъ предложилъ стрѣлять и первый далъ выстрѣлъ. Поднялось что то невообразимое, стрѣляли пачками, но первыя пули всѣ пролетѣли мимо, и медвѣдь продолжалъ гордо стоять, качая головой, и посылая намъ укоризненные взгляды; онъ насъ замѣтилъ, но повидимому это его не испугало. Вторая пуля у меня и у Пинегина тоже прошли мимо, но послѣ третьяго моего выстрѣла, медвѣдь скатился подъ откосъ, орошая алою кровью голубоватую льдину: пуля попала въ брюшную полость. По медвѣдю продолжали стрѣлять и видно было, что еще одна пуля попала въ заднюю ногу. Медвѣдь завертѣлся, но все же вскочилъ и, наконецъ, началъ удирать.

Сѣдовъ, Пинегинъ и два матроса спустили трапъ, высадились на льдину и пошли въ погоню, я же успѣлъ еще разъ выстрѣлить по уходящему медвѣдю. Пуля снова попала въ брюшную полость, медвѣдь перевернулся два раза, схватился лапой за пораненное мѣсто и зарычалъ. Первая партія охотниковъ, перепрыгивая съ льдины на льдину, приближалась къ медвѣдю. Я тоже, въ свою очередь, спустился на ледъ, взявъ ружье, но сдѣлавъ по тому же направленію 10—15 шаговъ, долженъ былъ прекратить свое путешествіе, такъ какъ льдины разошлись, и образовался каналъ, черезъ который перепрыгнуть не представлялось возможнымъ. Я началъ пробираться по другимъ льдинамъ, желая зайти спереди

медвѣдя, но попалъ, въ концѣ концовъ, въ такое мѣсто, что о дальнѣйшемъ движеніи впередъ не могло быть рѣчи, и мнѣ пришлось возвратиться обратно. Обратное отступленіе оказалось затруднительнымъ, ибо сзади меня льдины тоже разошлись, и я вынужденъ былъ остановиться на одной изъ нихъ, какъ на островѣ, окруженный со всѣхъ сторонъ водой. Волей-неволей мнѣ пришлось быть только зрителемъ всего того, что происходило впереди меня. Сѣдовъ съ Пинегинымъ быстро подвигались къ медвѣдю, лежавшему совершенно спокойно, но звѣрь очнулся и, вѣроятно, инстинктивно началъ, шатаясь, уходить. Сѣдовъ, на ходу, крик-

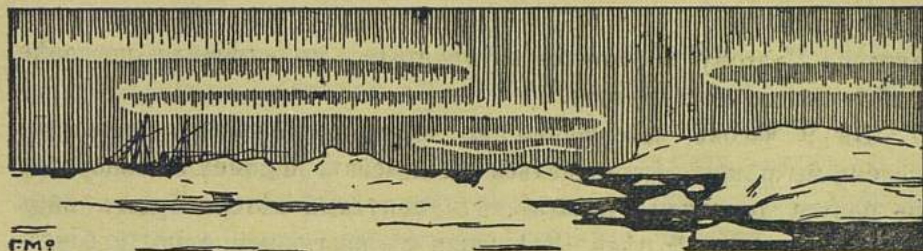
Судно «Св. муч. Фока» затертый льдами въ Баренцовомъ морѣ.

нулъ: «ружье». Но его ни у кого не оказалось, такъ какъ матросы, которымъ были переданы ружья, значительно отстали. Сѣдовъ съ Пинегинымъ и Визе, прыгая съ льдины на льдину, начали настигать медвѣдя; матросы тоже подходили. Медвѣдь бросился въ воду. Сѣдовъ подбѣжалъ къ нему шага на три, хотя у него въ рукахъ была одна веревка. Медвѣдь, огрызаясь, бросился изъ воды на Сѣдова, но онъ не потерялся и, бросивъ на медвѣдя арканъ, зацѣпилъ его за шею. Въ это время къ Пинегину подскочилъ матросъ и подаль ему винтовку, но Пинегину захотѣлось снять медвѣдя на такомъ близкомъ разстояніи и онъ, вмѣсто того чтобы

стрѣлять, вынулъ фотографическій аппаратъ и началъ было снимать, но въ попыткахъ забылъ завести аппаратъ, и когда замѣтилъ это, то медвѣдь, сорвавшись съ веревки, уже началъ уходить. Пинегинъ бросилъ фотографическій аппаратъ, схватилъ ружье и далъ два выстрѣла по уходящему медвѣдю. Первая пуля попала ему въ затылокъ, вторая пролетѣла мимо. Медвѣдь нырнулъ, и мы его больше не видѣли. Долго всѣ ходили вокругъ и около, высматривая медвѣдя, но черезъ полчаса рѣшили, что медвѣдь превратился въ невидимаго духа, а потому возвратились обратно. До моего слуха долетали ругательныя слова по адресу медвѣдя, и мнѣ его отъ души стало жаль. Такъ неудачей закончилась наша первая охота на медвѣдя. Къ этому времени льдины немножко сошлись, и мнѣ удалось пробраться на судно.

Визе только въ каютѣ-компаніи вспомнилъ, что у него въ карманѣ былъ револьверъ, и онъ, будучи возлѣ медвѣдя про его существованіе совершенно забылъ, а могъ бы, находясь въ 3—4 шагахъ отъ медвѣдя, всадить въ него нѣсколько пуль. До самого вечера всѣ спорили и горячились, но, не найдя виновныхъ, обвинили во всемъ медвѣдя, который оказался такимъ крѣпышомъ, что 4 нашихъ пули пропали даромъ. Въ общемъ мы потеряли полтора часа совершенно напрасно. Впервые намъ пришлось прыгать съ льдины на льдину среди океана. Ощущеніе довольно сильное. Приходится за частую перепрыгивать съ размаху, такъ какъ попадались довольно значительныя трещины и каналы; иногда приходилось прокладывать доску и словно черезъ мостъ осторожно по ней переходить. Сѣдовъ сгоряча два раза угодилъ въ воду, но оба раза выбирался благополучно. Надо сказать, что льдины, сами по себѣ, крѣпки, достигая толщины отъ 1 до 2 сажень, но между ними попадаются тонкія ледяныя поля, а мѣстами онѣ по краямъ размыты снизу водой; сразу этого и не замѣтишь, а какъ прыгнешь, край льдины обломится, и приходится попадать въ каналъ, а глубина въ этихъ мѣстахъ до 100 сажень и больше... Подобныя эксперименты могли производить только такіе отчаянные люди, какъ мы, и то—подъ горячую руку, когда пылъ охотничій взялъ верхъ надъ благоразуміемъ.

Судно наше понемногу пробивалось черезъ льды, но чѣмъ дальше, тѣмъ движеніе это становилось затруднительнѣе, и намъ пришлось наконецъ, думать объ обратномъ отступленіи. Рѣшили идти на юго-западъ.

Г Л А В А VII.

Обратно къ Новой Землѣ.

Мы все время идемъ среди льдовъ. Опять медвѣди. Дивный закатъ солнца среди льдовъ.

ЧАСОВЪ въ 6 вечера передъ нами снова открылась полынья, и почти часъ мы шли довольно хорошо. Все-таки путь былъ труденъ и часто встрѣчались сплошныя непроходимыя ледяныя поля. Лишь, благодаря попутному вѣтру, шли довольно хорошо, такъ какъ кромѣ самостоятельнаго движенія, мы двигались также по вѣтру, вмѣстѣ со льдами.

Часовъ въ 7 пошелъ сильный снѣгъ, въ видѣ большихъ хлопьевъ, и становилось трудно разбирать впереди льдины и каналы, почему мы уменьшили ходъ, но все же, несмотря на это, вмѣстѣ со льдами продолжали двигаться къ Новой Землѣ.

Часто мы сталкивались съ льдинами, но судно справлялось съ ними хорошо. Сѣдовъ, капитанъ и штурманъ стояли на мостикѣ и зорко слѣдили за льдинами. Сѣдовъ стоялъ на правомъ борту, капитанъ на лѣвомъ, а штурманъ у руля. Все время слышна была команда: «лѣво на бортъ», «право на бортъ», «такъ держать», «надерживай» и снова «право на бортъ» и такъ далѣе.

Снѣгъ все больше и больше застилалъ горизонтъ и, кромѣ того, падая въ изобиліи, быстро образовывалъ на полыньѣ сало, страшно замедляя ходъ судна.

Температура воды была— $2\frac{1}{2}^{\circ}$, почему снѣгъ быстро превращался въ ледъ. Это очень опасное явленіе начало насъ серьезно тревожить, такъ какъ съ каждымъ часомъ движеніе становилось все труднѣе и труднѣе; если погода не измѣнится и условія останутся тѣми же, то льдины всѣ смерзнутся, и врядъ ли намъ удастся скоро освобо-

диться. Поэтому во что бы то ни стало, мы спѣшили поскорѣе выбраться на чистую воду.

Въ 9 часовъ совершенно не стало возможности двигаться, почему мы рѣшили остановиться на ночевку. Машину застопорили, но паруса оставили, полагая, что попутный вѣтеръ будетъ насъ гнать къ желаемой цѣли. Всѣ ушли въ каютъ-кампанію, но благодаря вѣтру, судно продолжало идти впередъ и порой настолько сильно сталкивалось съ льдинами, что это становилось уже довольно опаснымъ; рѣшили убрать и паруса. Открытое море оказалось недалеко, и скоро начали ощущать зыбь.

Въ 12 часовъ ночи я всталъ на вахту. Температура воды = -3° , а температура воздуха -4° . Я провѣрилъ вахтенныхъ матросовъ, ушелъ въ свою каюту и легъ отдыхать.

4 сентября. Температура все понижалась, и это наводило уныніе. Лдины смерзлись и измѣрить воду въ океанѣ, не пробивши льда, не представлялось возможнымъ. Гдѣ мы находились въ то время неизвѣстно, ибо безъ солнца не было возможности ориентироваться.

Въ 2 съ половиною часа разбудили Сѣдова. Когда Сѣдовъ узналъ о температурѣ воздуха и осмотрѣлъ горизонтъ вокругъ судна, то сильно заволновался, велѣлъ поднять паръ и двигаться, какъ можно скорѣе, впередъ. Машинѣ дали полный ходъ, но судно не двинулось съ мѣста. Положеніе было очень незавидное. Вѣтеръ равнялся 6 балламъ, почему рѣшили поднять паруса въ надеждѣ, что, можетъ быть, вѣтеръ поможетъ намъ выбраться. Паруса поставили, и, дѣйствительно къ нашему величайшему удовольствію, судно стало сперва покачиваться, а затѣмъ слегка начало пробиваться впередъ, разрушая на своемъ пути вновь образовавшійся ледъ. Путь былъ очень труденъ, судно то и дѣло страдало отъ толчковъ льда, ибо обходить ледяныя поля не представлялось возможнымъ. Пройдя такимъ образомъ часа два, мы попали въ довольно значительную полыню. Движеніе стало легче; погода стала лучше.

Утромъ показался на льдинѣ бѣлый медвѣдь. Матросы сообщили объ этомъ Сѣдову. Сѣдовъ захватилъ съ собой ружье и по дорогѣ зашелъ въ мою каюту, разбудилъ меня и, сообщивъ о томъ, что близко возлѣ судна медвѣдь, просилъ не поднимать шума и идти съ нимъ вмѣстѣ. Выходя изъ каюты, я уже услышалъ выстрѣлъ, Сѣдовъ, оказывается, погорячился и выстрѣлилъ, не дождавшись меня. Онъ ранилъ медвѣдя въ заднюю ногу и послѣдній хромя, началъ, удирать. Я прицѣлился въ него и выстрѣлилъ, пуля слегка его задѣла, но онъ все-таки продолжалъ уходить.

Второй разъ выстрѣлить мнѣ не удалось, такъ какъ экстракторъ не могъ выбросить гильзы. Послѣ выстрѣла выскочили изъ каюты всѣ, захвативъ съ собой ружья. Раздалось еще нѣсколько выстрѣловъ, но медвѣдь уходилъ все дальше и дальше, судно же не могло двигаться впередъ, такъ какъ попало въ большія ледяныя поля. Рѣшено было преслѣдовать медвѣдя пѣшкомъ по льду. Спустились по трапу съ судна Сѣдовъ, Пинегинъ и два матроса, немного спустя выскочилъ и я; двигаться было очень трудно, и приходилось часто проваливаться.

Сѣдовъ шелъ впереди всѣхъ. Перепрыгивая съ одной льдины на другую, Сѣдовъ провалился по поясъ въ воду, но успѣлъ выскочить обратно, выкарабкался на льдины и быстро побѣжалъ впередъ. Пробѣжавъ шаговъ двадцать, Сѣдовъ снова прыгнулъ и сгоряча попалъ на вновь образовавшійся ледъ, ледъ провалился, а съ нимъ окунулся и Сѣдовъ. Желая спасти ружье онъ швырнулъ его на льдину, а самъ, разставивъ широко руки и ноги, чтобы захватить больше пространства, началъ ползти на животѣ на противоположную сторону. Ледъ гнулся подъ Сѣдовымъ, и можно было думать, что онъ еще разъ провалится. Съ большимъ трудомъ онъ доползъ до старой льдины, захватилъ ружье и побѣжалъ съ нимъ дальше. Мы не рискнули идти путемъ Сѣдова и пошли въ обходъ. Пинегинъ взялъ влѣво, перепрыгнулъ черезъ льдину, провалился, но погрузился только одной ногой, а вторую успѣлъ забросить на старую льдину. Я пошелъ вправо и долженъ былъ сдѣлать довольно большой крюкъ, такъ какъ на моемъ пути встрѣчался все новообразовавшійся ледъ. Сѣдовъ и Пинегинъ шли впереди и, видя, что медвѣдь направляется къ открытой полыньѣ, въ виду невозможности самимъ пробраться, начали по немъ стрѣлять. Первымъ выстрѣлилъ Сѣдовъ, пуля задѣла медвѣдя въ заднюю ногу, а Пинегинъ попалъ медвѣдю въ грудь и тотъ повалился, но затѣмъ, немного спустя, началъ опять уходить и, отойдя шаговъ сто, скрылся за льдиной. Мы рѣшили, что онъ окончательно успокоился и будетъ дожидать нашего прихода, почему возвратились обратно, предполагая подойти къ нему на суднѣ. Когда подошли къ судну, то матросы заявили, что по приказанію Визе они сбросили за бортъ одну изъ собакъ въ надеждѣ, что она погонится за раненымъ медвѣдемъ, но собака эта отбѣжала нѣсколько сажень и легла отдыхать. На всѣ наши приглашенія возвратиться обратно на судно, она отрицательно качала головой, такъ что пришлось идти за ней. Повидимому, это новое положеніе на чистомъ воздухѣ

ей гораздо больше понравилось, чѣмъ пребываніе въ тѣсной душной клѣткѣ. Подойти вплотную и взять собаку не удалось, такъ какъ она легла на вновь образовавшійся ледъ, почему пришлось возвращаться на судно, брать доски, и прокладывать къ собакамъ, чтобы ее достать, и взять силою обратно. Послѣ того, какъ ее втащили на бортъ, мы на суднѣ пошли отыскивать медвѣдя. Путь былъ по нашему курсу. Пинегинъ влѣзъ на бочку, на мачтѣ, и оттуда сталъ высматривать убитаго медвѣдя. Пройдя около полуверсты и, смотря зорко во всѣ стороны, мы медвѣдя не нашли. Такъ исчезъ и второй видѣнный нами медвѣдь. Послѣ такого скандала рѣшили при встрѣчѣ съ третьимъ медвѣдемъ не сходить съ судна, пока онъ не будетъ убитъ. Патроны у Сѣдова оказались въ сплошной никелевой оболочкѣ, не разрывные и малаго калибра, шесть миллиметровъ, почему они не причиняли большого вреда медвѣдю. Мнѣ, да и всѣмъ остальнымъ, кто охотился, стало ясно, что бѣлые медвѣди очень крѣпки, легко переносятъ раны, и, чтобы убить его, необходимо либо попасть въ голову, либо въ сердце, такъ какъ и 4—5 пуль не могутъ остановить медвѣдя, и онъ совершенно свободно уходитъ отъ охотниковъ. Повидимому для полярнаго медвѣдя необходимы разрывныя пули довольно большого калибра. Норвежцы охотятся на бѣлыхъ медвѣдей съ ружьями Ремингтонъ-курковыми 44 калибра. Эти ружья они предпочитаютъ потому, что они никогда не даютъ осѣчки, несмотря ни на какой морозъ; бьютъ довольно точно и сильно.

Во время нашего хожденія по льду замѣтно ощущалась зыбъ отъ дѣйствія волнъ открытаго моря, что насъ радовало и когда штурманъ влѣзъ на бочку и осмотрѣлъ горизонтъ, то далеко впереди увидѣлъ открытое море.

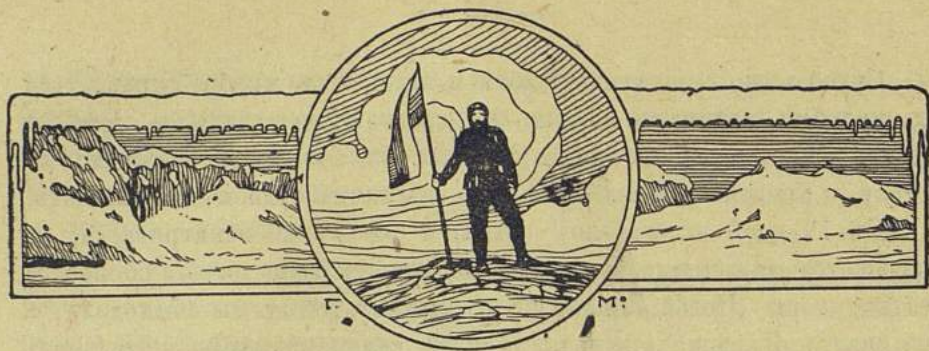
Чѣмъ дальше мы плыли впередъ и ближе подвигались къ водѣ качка становилась замѣтнѣй. Это явленіе особенно не нравилось Павлову, и онъ все время твердилъ: «и охота была выходить въ море, плыли бы льдами, и насъ не качало бы». Мы всѣ были довольны этимъ обстоятельствомъ, такъ какъ спасались отъ произвольнаго скитанія во льдахъ.

Дѣйствительно, въ 1 часъ 30 минутъ дня, когда мы вышли изъ льдовъ, появилась сильная мертвая зыбъ, и судно начало сильно качать во всѣ стороны. Опять перелъ нами встала прежняя картина штормовъ и бурь, и когда кто-то изъ насъ сказалъ, что не мѣшало бы ударить, какъ слѣдуетъ шторму и разбудить насъ отъ ледяной спячки, то Павловъ ахнулъ и закричалъ: «что вы, что вы, опомнитесь!»

Судно легко вышло изъ льдовъ и продолжало храбро справляться съ мелкими льдинами. Наше путешествіе во льдахъ и обратное возвращеніе заставили насъ отнестись съ большимъ довѣріемъ къ судну, и придти къ заключенію, что съ такимъ судномъ можно жить.

Съ 12 до 6 часовъ моя вахта; я все время всматривался, не покажется ли земля. Въ 2 часа 30 минутъ ясно начали обрисовываться горы Новой Земли, но къ какому мѣсту мы подходили, я не зналъ. Я сошелъ съ мостика въ каютъ-кампанію и сообщилъ объ этомъ Сѣдову. Онъ вышелъ, осмотрѣлъ все впереди и сказалъ, что мы находимся, судя по очертаніямъ берега, немного сѣвернѣе Архангельской губы и, что во время нашего отступленія къ счастью все время несло на сѣверо-востокъ. По нашему расчету къ 11 часамъ мы должны были быть у береговъ Новой Земли. Путь мы держали на мысъ Носсау; по дорогѣ намъ встрѣтились небольшіе льды. Вечеромъ намъ удалось полюбоваться роскошной картиной заката солнца. Горизонтъ былъ ярко краснаго цвѣта, а солнце, сначала имѣвшее видъ огромнаго краснаго диска, понемногу стало терять свою форму и когда дошло до горизонта, то приняло видъ какъ—бы двухъ полушарій, соединенныхъ между собою узкимъ, перехватомъ, при чемъ нижнее полушаріе все уменьшалось и уменьшалось, пока совершенно исчезло, оставивъ горизонтъ по-прежнему ярко краснымъ. Какими причудливыми и красивыми казались льды, озаряемые этими дивными лучами заходящаго солнца то здѣсь, то тамъ появлялись малиновыя оттѣнки на высокихъ ледяныхъ горахъ, а дивныя, мягкіе тона отражались на полыньяхъ и закатъ казался чѣмъ то волшебнымъ, преобразующимъ природу. За кормой судна, отъ дѣйствія винта и руля, образовалась широкая, волнующаяся полоса; лучи заходящаго солнца, играя на неровностяхъ поверхности этой полосы, переливались яркими, оригинальными красками.

Вечеромъ впереди на своемъ пути мы снова встрѣтили льды, сравнительно старыя по своему образованію и громоздкіе. Такъ какъ было волненіе, то льдины съ большой силой ударялись о борта судна и заставляли его сильно вздрагивать. Въ виду того, что такое положеніе казалось слишкомъ опаснымъ, рѣшили какъ можно скорѣе выбраться изъ этихъ льдовъ, почему и взяли курсъ южнѣе. До 3 часовъ ночи мы пробирались сквозь льды, придерживаясь курса на Архангельскую губу, и только въ 3 часа мы, дѣйствительно, зашли въ нее и стали у берега на якорь.

ГЛАВА VIII.

Въ Архангельской губѣ.

Полярные глетчеры. Образованіе айсберговъ. Ошибка на картахъ Новой Земли. Опять медвѣди.

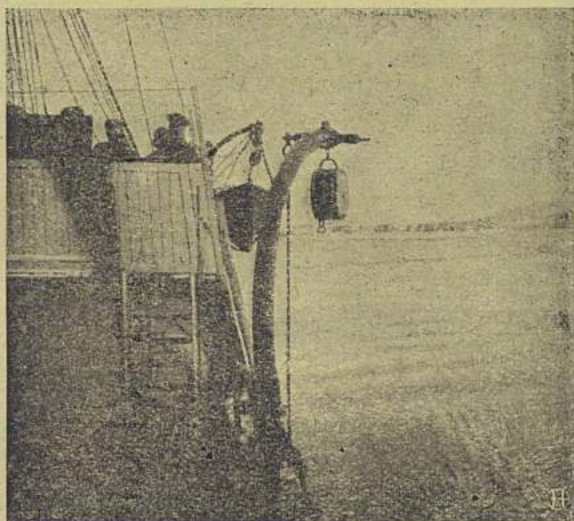

УТРОМЪ рано 5 сентября я всталъ, поднялся на палубу, чтобы осмотрѣть окрестности Архангельской губы. Погода была роскошная, полный штиль. Вправо отъ нашей стоянки видѣлся въ двухъ миляхъ полярный глетчеръ. Это первый глетчеръ, который я увидѣлъ и онъ произвелъ на меня своими размѣрами и величіемъ неизгладимое впечатлѣніе. Вдали видны горы и горныя цѣпи, вершины ихъ покрыты вѣчными снѣгами съ особеннымъ блескомъ, а ниже ихъ видна равнина, соединяющая отдѣльныя зубчатыя вершины. Между зубцами вѣчный ледъ, покрытый какимъ то туманомъ. Эти глыбы льда, спускаясь ниже и ниже, собирались въ одно цѣлое и въ видѣ сплошного, огромнаго массива льда съ синеватымъ отливомъ двигались впередъ. Ледникъ гордо выступалъ въ море и, обрываясь, отвѣсно висѣлъ надъ нимъ. Въ этихъ ледяныхъ утесахъ, среди множества трещинъ, были видны то ярко синіе, то зеленые отливы. Все представляло изъ себя сплошную стѣну какой то чудной синеватой хрустальной массы. Хотѣлось невольно подѣхатъ на шлюпкѣ къ этой массѣ, чтобы посмотрѣть ее поближе, что намъ и удалось сдѣлать позже, когда судно наше, двигаясь дальше на сѣверъ, проходило очень, близко, возлѣ самыхъ глетчеровъ. Впереди были видны скалы, выступающія въ море на подобіе маячныхъ башенъ. Слѣва

почти отвѣсно подымались берега острова Берха. Островъ этотъ свободенъ отъ снѣга и льда, каменистый, мѣстами изрѣдка покрытъ мхами, лишаями и кое-гдѣ цвѣтами.

Не хотѣлось уходить съ мостика, настолько величественно было зрѣлище, но долго наслаждаться имъ было нельзя, такъ какъ рѣшено было пройти вдоль берега Новой Земли на сѣверъ и попытаться снова пробиваться къ землѣ Франца-Иосифа, хотя мнѣ казалось, что это однѣ мечты.

Въ 7 часовъ подняли паръ и пошли къ Панкратьевымъ островамъ, придерживаясь берега Новой Земли. Прошли проливомъ между островомъ Берха и островомъ Личутинымъ мимо выступа-

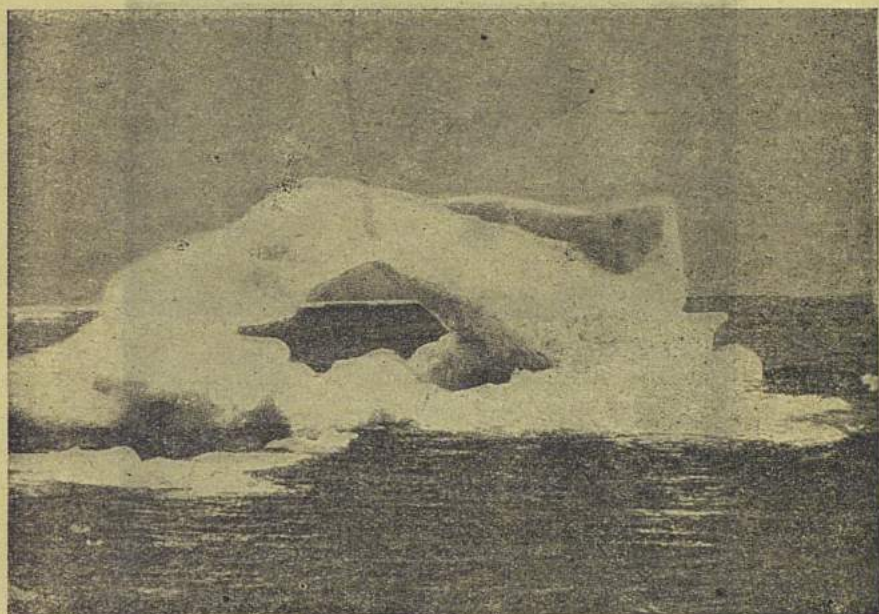
Вдоль глетчеровъ Новой Земли.

впихъ въ море каменныхъ столбовъ. Впереди открылся Большой Заячій островъ. На немъ была видна норвежская избушка, гдѣ прожигали раньше норвежцы и занимались промысломъ. Въ 1910 году русское правительство, узнавъ о томъ, что на Новой Землѣ проживаютъ норвежцы, заявило объ этомъ норвежскому правительству протестъ и одновременно съ этимъ послало военное судно «Баканъ» арестовать промыселъ и находящихся тамъ норвежцевъ, но когда «Баканъ» пришелъ туда, норвежцы уже успѣли выѣхать, оставивъ только часть имущества, которое и было конфисковано властями. Направо на мысу осорова Личутина виднѣются развалины русской промысловой избы.

Впереди открылись Панкратьевы острова, и рѣшено было идти вдоль береговъ Новой Земли, а затѣмъ черезъ проливъ между этими островами и Новой Землей направиться къ мысу Литке. Чѣмъ дальше мы двигались впередъ, тѣмъ ближе подходили къ новымъ большимъ глетчерамъ Новой Земли, которые тоже отвѣсно спускаются въ море, но только вдвое, втрое больше видѣнныхъ нами. Вся эта ледяная стѣна изрѣзана поперечными слоями самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, отъ ярко синяго до темно сѣраго цвѣта. Судно подходило къ нимъ все ближе и ближе, а вмѣстѣ съ нимъ мы словно входили въ какое то заколдованное царство. Вонъ вдали видны ледяныя пещеры, образовавшіяся отъ прибою волнъ и отъ отвалившихся частей глыбъ; впереди нѣсколько входовъ, раздѣленныхъ колонами сказочной архитектуры, внутри новыя ходы дальше своды и пещеры темно-синяго цвѣта съ острыми углами, напоминающими сказочныя ледяныя дворцы. Такъ и хочется войти въ эти таинственныя, заколдованныя пещеры, дворцы волшебныхъ духовъ, осмотрѣть ихъ, и кажется, что столкнешься тамъ съ невѣдомыми духами и самимъ царемъ полярныхъ морей Нептуномъ. Хочется ближе подойти къ этимъ пещерамъ, но боишься быть разбитымъ, ибо каждый моментъ, даже отъ незначительнаго сотрясенія воздуха, отъ этой глетчерной стѣны могутъ отвалиться огромныя массы льда, способныя раздавить, уничтожить смѣлаго и отважнаго путешественника вмѣстѣ съ его кораблемъ.

Передъ тѣмъ, какъ отвалиться ледяному айзбергу, вода у этого мѣста начинаетъ сильно волноваться и слышенъ едва замѣтный гулъ, который все усиливается и усиливается, превращаясь въ страшныя громовыя раскаты. Огромная ледяная глыба обрушивается въ море и исчезаетъ подъ водой; вода сначала бурлитъ, кипитъ въ этомъ мѣстѣ, а потомъ волненіе, какъ будто сразу затихаетъ, и передъ вами выскакиваетъ изъ морской глубины, сильно качаясь, огромная глыба льда. Такъ появляются въ морѣ эти огромныя новообразовавшіяся айзберги. Поворачиваясь съ одной стороны на другую, выплескивая огромную массу воды, они отбрасываютъ отъ себя болѣе мелкіе айзберги и качаются съ боку на бокъ до тѣхъ поръ, пока не придутъ въ равновѣсіе, все стихаетъ и уже не слышно громовыхъ ударовъ, передъ вами является новая пловучая гора. Всѣ онѣ, отходя отъ родного гнѣзда, уносятся теченіемъ въ открытое море, соединяются съ своими сестрами и носятся свободно, повинаясь и вѣтрамъ и теченіямъ. Сверху айзбергъ расплавляетъ солнце, а снизу точитъ вода, и дѣлается

онъ все меньше и меньше, принимая всевозможныя причудливыя формы и виды. Часто встрѣчаешь среди моря настоящіе хрустальные дворцы, и первая встрѣча съ такимъ айзбергомъ всегда производитъ на путешественника прямо таки чарующее впечатлѣніе. Айзберги эти иногда возвышаются надъ водой на 20—25 метровъ, но сидятъ они въ водѣ въ 6—7 разъ глубже, а въ длину достигаютъ нерѣдко до 50—70 и болѣе метровъ. Теперь можно себя представить, изъ какой массы льда состоитъ эта съ виду небольшая гора. Эти горы представляютъ для мореплавателей и ихъ кораблей громадную опасность. Эти глыбы льда несутъ съ собой

Ледяная гора. (Съ фотографическаго снимка).

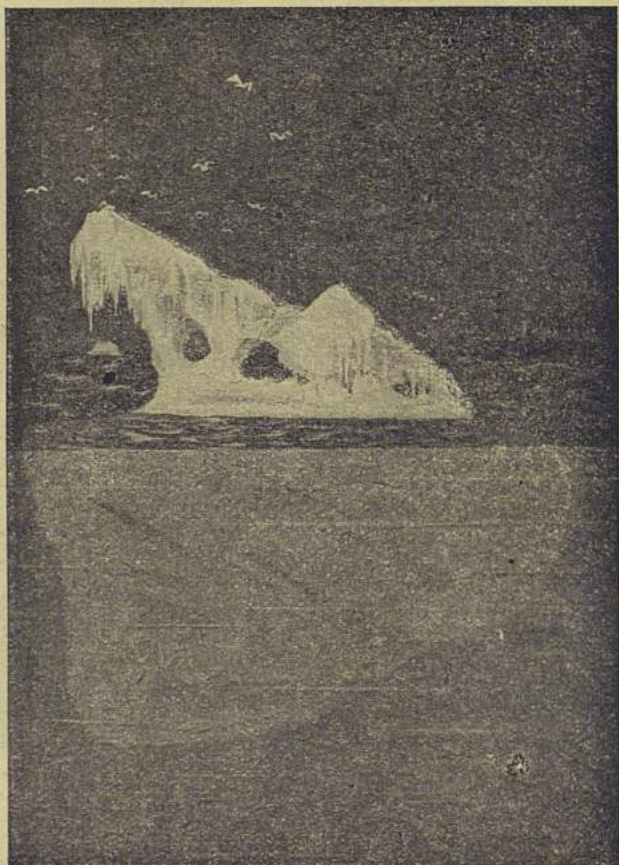
обломки скалъ, горныхъ породъ и, по мѣрѣ таянія, все это опускается на дно. Очень часто вдали отъ глетчеровъ образуются большія отмели и, идя вдоль глетчеровъ, надо быть очень осторожнымъ, чтобы не посадить судно на мель.

Идемъ все время вдоль береговъ Новой Земли. Впереди видны все тѣ же ледяныя горы, покрытыя вѣчными снѣгами, бухты всѣ заполнены льдомъ. Пользуясь отливомъ, относящимъ льды отъ берега, быстро подвигаемся впередъ.

Тамъ и сямъ изъ воды показывались тюлени; чайки и другія птицы летали надъ судномъ. Погода роскошная и полный штиль.

Недалеко на льдинѣ лежалъ тюлень. Мы взяли винтовки и начали стрѣлять. Нѣсколько пуль попало въ него, но тюлень, раненый, ушелъ въ воду, оставивъ на сплѣту кровавый слѣдъ.

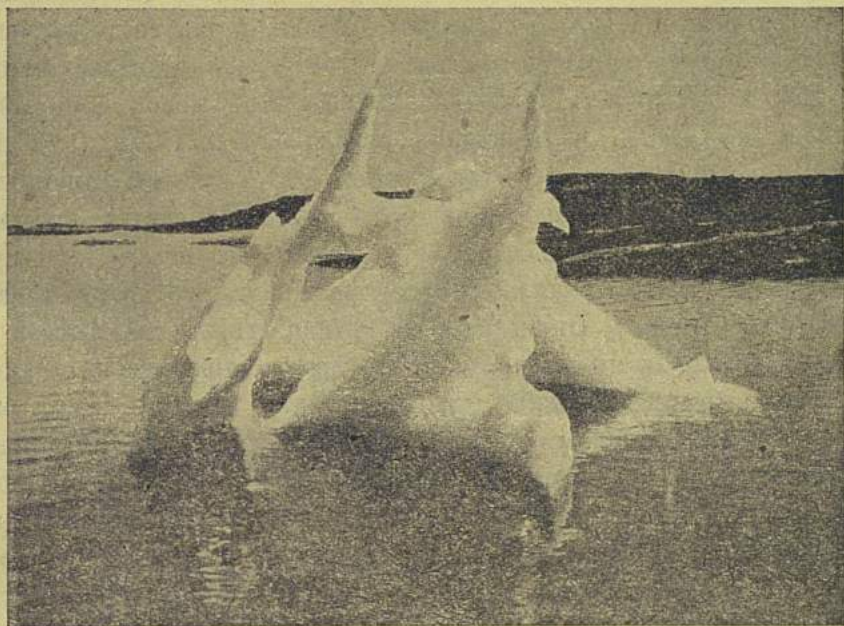
Отъ Архангельской губы до Панкратьевыхъ острововъ мы прошли мимо 4 глетчеровъ. Все время дѣлали промѣры глубинъ, но только у одного изъ глетчеровъ глубина оказалась въ 5 сажень, почему уменьшили ходъ судна и шли очень осторожно, пока глу-

Ледяная гора. (Съ фотографическаго снимка).

бина не увеличилась до 10 сажень. Въ 4 часа дня, проходя между Новой Землей и однимъ изъ Панкратьевыхъ острововъ, замѣтили сильное уменьшеніе глубины, а затѣмъ впереди увидѣли перешеекъ. Оказалось, что показанный на картахъ островъ Панкратьевъ, въ дѣйствительности былъ полуостровомъ и никакого пролива здѣсь нѣтъ. Перешеекъ очень низкій и можно предполагать, что онъ болѣе поздняго образованія. Повидимому поднятіе

Новой Земли сыграло не малую роль въ образованіи этого перешейка. Волей—неволей пришлось возвращаться обратно и искать прохода въ проливѣ между Панкратьевымъ полуостровомъ и островомъ. Пробираясь приходилось сквозъ ледяныя поля, находящіяся въ большомъ количествѣ въ этой бухтѣ. Съ трудомъ, буквально извиваясь, мы медленно подвигались впередъ. Въ 7 часовъ, подходя къ проливу, мы встрѣтили огромное количество льдовъ и, въ виду наступленія темноты, рѣшили не рисковать и стать на якорь, чтобы заночевать у берега. Только отдали якорь, какъ впереди на льдинѣ мы замѣтили двухъ бѣлыхъ медвѣдей, проби-

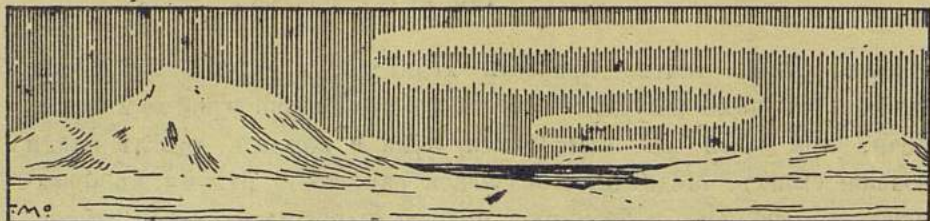
Ледяная гора. (Съ фотографическаго снимка).

равшихся ко льду по направленію къ островамъ. Мы тотчасъ захватили съ собой ружья и начали обсуждать планъ дѣйствій. Рѣшили на шлюпкѣ съѣхать на берегъ, высадить часть охотниковъ, а другой части гнать на шлюпкѣ медвѣдей. Повидимому по льду шла медвѣдица съ медвѣженкомъ и, не доходя до берега шаговъ на 400, улеглась съ нимъ спать. Я предложилъ Сѣдову высадить меня съ двумя матросами на берегъ, а имъ самимъ гнать медвѣдей по нашему направленію. Мое предложеніе было принято, и меня съ Визе и штурманомъ высадили на берегъ. Сѣдовъ же съ Пинегинымъ и матросами поплыли къ льдинѣ. Пока

шлюпка плыла, отдѣльныя льдины, сходясь, стали смерзаться, образуя ледяное поле. Сѣдовъ, видя, что со шлюпкой въ медвѣдямъ не добаться, вышелъ съ Пинегинымъ на ближайшую льдину и, перепрыгивая съ одной на другую, направился къ медвѣдямъ, матросы же на шлюпкѣ оставались ждать охотниковъ. Мы этимъ временемъ осторожно взобрались на гору и, выйдя на предполагаемый путь движенія медвѣдей, усѣлись подъ скалой и начали выжидать, пока Сѣдовъ обойдетъ ихъ. Какъ только медвѣди были обойдены, они сильно заволновались (вѣтеръ дулъ со стороны Сѣдова) и начали уходить прямо на насъ. Я предупредилъ своихъ товарищей по охотѣ, чтобы они стрѣляли только въ указанномъ мною направленіи, чтобы не задѣть Сѣдова, и только тогда, когда медвѣди будутъ недалеко отъ насъ. Подпустивъ медвѣдей шаговъ на 200, я выстрѣлилъ и сильно ранилъ медвѣженка, который и остался на мѣстѣ, а медвѣдица начала быстро уходить, но мы, сгоряча, открыли по ней такой огонь, что жутко и вспомнить. Стрѣляли пачками, медвѣдица была нами ранена и не видя медвѣженка, поворотила обратно и начала его искать. Мы продолжали стрѣлять, ранили ее еще разъ и въ это время начали подходить Сѣдовъ и Пинегинъ. Медвѣдица сгоряча поворотила на Сѣдова, стрѣльбу мы прекратили. Во время нашей пальбы Сѣдовъ не видѣлъ медвѣдей, потому что было темно, и только, когда разстояние между Сѣдовымъ и медвѣдицей сократилось до 50 шаговъ, я началъ кричать Сѣдову — «приготовьтесь!» Не успѣлъ Сѣдовъ поворотиться, какъ медвѣдица была отъ него въ 30 шагахъ; раздалось два выстрѣла, и сильно раненая медвѣдица поворотила отъ него въ сторону; третій выстрѣлъ прекратилъ жизнь медвѣдицы, и она повалилась. Мы были въ восторгѣ: это были первые бѣлые медвѣди, убитые нами. Сѣдовъ съ Пинегинымъ подошли къ шлюпкѣ, сѣли въ нее и поѣхали за нами. Насъ они все время торопили, ибо каждый изъ нихъ раза по три искупался. Они сильно продрогли и сиѣшили высушиться. Когда мы высадились на судно, то только и было разговоровъ, что про охоту, Сѣдовъ и Пинегинъ переодѣлись, ихъ купаніе, а также убитые медвѣди служили предлогомъ выпить за ужиномъ по двѣ рюмки коньяку. Въ это время матросы на шлюпкѣ отправились за убитыми медвѣдами. Когда ихъ привезли на судно, то оказалось, что медвѣдица была довольно крупная, а медвѣженокъ по 2 году. Медвѣдица была въ длину 3 съ четвертью аршина; медвѣженка она кормила еще молокомъ, такъ какъ при надавливаніи вымени молоко лилось

струєю. Лишь только привезли медвѣдей, я тотчасъ же началъ снимать съ нихъ шкуры и возился съ этой процедурой до 2 часовъ ночи, при чемъ всѣ отыскивали пули и каждый хотѣлъ найти больше своихъ. Медвѣдица оказалась раненой 6 пулями: въ переднюю, заднюю ногу и брюшную полость съ разрывомъ всего кишечника; двѣ пули были въ грудной полости. Этотъ случай еще разъ показалъ, насколько бѣлые медвѣди крѣпки и какою малой убойностью обладаютъ наши пули.

ГЛАВА IX.

Дальше на сѣверъ.

Приключеніе съ Сѣдовымъ. Мы основательно садимся на мель.
Отчаянное положеніе.

А другой день въ 5 часовъ начали сниматься съ якоря, чтобы идти дальше. Погода стояла дивная, полный штиль.

Рано утромъ снялись съ якоря и пошли въ проливъ. Идти пришлось недолго, такъ какъ отдѣльныя льдины впереди смерзлись и пробраться сквозь нихъ не представлялось никакой возможности. Пробивались съ полчаса, но, видя без-

цѣльность работы, поворотили обратно. Пришлось волей неволей обходить второй островъ и пытаться идти моремъ. Проливъ шириною около 5 верстъ. Шли тѣмъ же курсомъ, какъ и передъ этимъ. Не успѣли мы пройти и полуверсты, какъ судно странно запрыгало, носъ немного поднялся кверху и мы остановились. Впечатлѣніе было такое, какъ будто мы выскочили на льдину, но когда подошли на полубакъ осмотрѣть, что дѣлается впереди, то оказалось, что мы сѣли не на льдину, а на мель. Можно себѣ представить наше удивленіе, когда это было нами обнаружено: вчера мы шли этимъ курсомъ и все время дѣлали промѣры глубинъ, при чемъ глубина равнялась 24—60 саженьямъ; сегодня же промѣровъ не дѣлали, и за это были серьезно наказаны. Оказалось, что мы сѣли на подводную банку, выступавшую версты на полторы отъ берега, и выскочили на камни почти на три четверти аршина. Все наше дивное настроеніе пропало. Что дѣлать? Первымъ дѣломъ начали измѣрять вокругъ судна глубину. Оказалось, что въ саженьяхъ 4 отъ того мѣста, гдѣ мы сидимъ на мели, глу-

бина равнялась уже 15 саженьмъ. Наше судно сидитъ въ водѣ на 3 сажени, а по носу судна глубина оказалась 16 футовъ. Пробовали было сниматься и дали машинѣ полный ходъ назадъ, но попытка эта окончилась рѣшительной неудачей. Приходилось ждать прилива. Тѣмъ временемъ Сѣдовъ и Визе съ матросомъ спустились на шлюпку и отправились на островъ съ цѣлью его изслѣдованія, захвативъ съ собой винтовку, двухстволку и инструменты. Мы видѣли, какъ они подъѣхали къ острову, высадились на немъ, поднялись на гору и исчезли. Обѣдали безъ нихъ и послѣ обѣда сильно волновались, такъ какъ время шло, а они не возвращались, а съ берега поднялся вѣтеръ и началъ понемногу двигать льды. Въ 5 часовъ вечера мы увидѣли, какъ Сѣдовъ со своими спутниками сѣлъ въ шлюпку и направился къ намъ. Вѣтеръ все усиливался, и видно было, что они выгребать противъ вѣтра не могутъ, и ихъ, все дальше и дальше относитъ въ море. Рѣшили, привязать спасательный кругъ къ длинному, тонкому пеньковому тросу и выбросить его въ море, предполагая, что кругъ волной понесетъ къ шлюпкѣ, а Сѣдовъ съ Визе и матросомъ замѣтивъ его выгребутъ, постараются поймать его, и мы сможемъ подтянуть ихъ къ судну, выбирая конецъ веревки. Когда кругъ спустили, то двумя выстрѣлами изъ ружья предупредили Сѣдова, что мы видимъ ихъ бѣдственное положеніе и принимаемъ мѣры къ ихъ спасенію. Однако кругъ отъ судна благодаря тяжести веревки относилъ очень медленно, а шлюпку Сѣдова волна угоняла все дальше и дальше. Надежда выручить Сѣдова такимъ способомъ, оказалась неосуществимой, и мы рѣшили послать къ нему на помощь большой карабасъ съ полнымъ комплектомъ гребцовъ во главѣ со штурманомъ.

Карабасъ спустили и онъ отчалилъ отъ судна. Я смотрѣлъ въ бинокль и видѣлъ, какъ маленькую шлюпку съ измученными путниками все дальше и дальше относилъ въ море.

Волна все усиливалась, а тутъ еще начало нагонять льды прямо на нихъ. Наконецъ, черезъ три четверти часа посланная нами шлюпка достигла Сѣдова и взяла ихъ всѣхъ къ себѣ на бортъ. А между тѣмъ льды цѣлой массой продолжали двигаться въ море и скоро отрѣзали обѣ шлюпки отъ судна, лишивъ ихъ возможности добраться до судна. Минуты были отчаянныя, льды могли раздавить обѣ шлюпки. Что предпринять, неизвѣстно? Помочь больше мы не могли, ибо судно стояло на мели. Что они всѣ будутъ дѣлать? Провизіи у нихъ нѣтъ, одѣты очень легко и

согрѣться нечѣмъ. Становилось темно. Я пристально смотрѣлъ въ бинокль и съ трудомъ замѣтилъ, что вся упедшая партія втащила обѣ шлюпки на льдину. Это, быть можетъ, могло спасти и послужить имъ, хотя временнымъ прикрытіемъ отъ сильнаго леденящаго вѣтра. Въ воздухѣ становилось все холоднѣе и холоднѣе, наступала темная ночь. У насъ небыло никакой надежды на ихъ возвращеніе ночью, ибо льды вообще не сходятся очень близко, и переходить по нимъ невозможно. Пришлось поставить вахтеннаго матроса съ тѣмъ, чтобы онъ все время наблюдалъ и смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ были наши товарищи. Въ 9 часовъ вошелъ въ каютъ-кампанію вахтенный матросъ и сообщилъ, что въ той сторонѣ, гдѣ былъ Сѣдовъ, зажгли костеръ. Мы вышли на мостикъ и, дѣйствительно, увидѣли небольшой костеръ, блѣдно освѣщавшій корпуса перевероченныхъ шлюпокъ. Какъ его понять? Тревога ли это и зовъ на помощь или, быть можетъ, они грѣются? И все-таки никакой помощи мы имъ дать не могли. На душѣ тяжело и скверно,—на льдинѣ вѣдь сидитъ 12 человекъ нашихъ товарищей, голодныхъ и холодныхъ. Мы страшно за нихъ страдали. Не довѣряя вахтенному матросу, я почти каждыя пять минутъ поднимался на мостикъ и смотрѣлъ, не покажется ли кто и не подойдетъ ли къ судну. Въ 10 часовъ мы рѣшили, что они ночью не придутъ, а потому согласились ждать до утра, когда я съ матросомъ пойду по льдинамъ захвативъ съ собой каякъ, съ цѣлью доставить имъ провизію; ночью же предпринять это не представлялось никакой возможности. Ночь рѣшили не спать и все время наблюдать. Въ 11 часовъ ночи вдали показалось большое темное пятно, и когда начали всматриваться, то оказалось, что по льду возвращаются наши товарищи, перепрыгивая съ льдины на льдину. На суднѣ поднялась тревога, выбросили трапъ и всѣ выскочили на мостикъ, чтобы помочь имъ взобраться на судно; я же спустился въ каютъ-компанію и началъ быстро накрывать на столъ и готовить ужинъ. Радости нашей не было конца. Когда матросы и Сѣдовъ поднялись на судно, то больше половины изъ нихъ были мокры, ибо каждый изъ нихъ не одинъ разъ искупался. Изъ разспросовъ выяснилось, что и посланные на большомъ карбасѣ матросы оказались не въ силахъ выгребать противъ вѣтра и ихъ также начало относить въ море, тѣмъ болѣе, что льдомъ ихъ все время нажимало по тому же направленію. Однако они успѣли, послѣ отчаянныхъ усилій добраться до шлюпки Сѣдова и всѣхъ забрать къ себѣ. Сѣдовъ, боясь, чтобы

шлюпки не раздавило льдомъ, выбралъ огромную льдину, стоявшую на мели у мыса Панкратьева острова и вытащилъ на нее обѣ шлюпки. Когда все было ими сдѣлано, то они рѣшили немного обогрѣться, для чего разожгли костеръ изъ запасныхъ веселъ и двухъ досокъ съ малаго карбаса, служащихъ въ качествѣ сидѣнія. Такъ какъ Съдовъ и Визе съ матросомъ съ утра ничего не ѣли, то они рѣшили испечь на кострѣ убитую ими утку и тамъ же съѣли, а затѣмъ рѣшили шлюпки оставить на льду, а самимъ попытаться пробраться по льду къ судну, а въ крайнемъ случаѣ къ берегу. Леды за это время сжало, что и дало имъ возможность, перепрыгивая съ льдины на льдину, подойти въ концѣ концовъ къ судну. За шлюпками рѣшено было послать завтра утромъ и попытаться буксировать ихъ по каналамъ, а если льдины окажутся сплоченными, то тащить ихъ на судно волокомъ. Разговаривали очень долго и въ первомъ часу разошлись спать.... Ночью все время льдомъ нажимало на судно, и оно трещало; обѣ него со всѣхъ сторонъ ударялись льдины, и казалось, что вотъ, вотъ мы погибнемъ. На всякій случай мы приготовили послѣднюю оставшуюся на суднѣ шлюпку, сухари и воду.

Г Л А В А X.

На мели.

Мы разгружаемъ судно. Затруднительное положеніе. Мы стараемся спасти шлюпки.

ПОДНЯВШИСЬ, 7 сентября, рано утромъ Сѣдовъ разбудилъ всѣхъ и приказалъ командѣ выбросить за бортъ стальной тросъ и зацѣпить ледянымъ якоремъ за большую льдину въ надеждѣ, что при перемѣнившемся вѣтрѣ льдины пойдутъ въ противоположную сторону и, быть можетъ, станутъ судно съ мели. вмѣстѣ съ тѣмъ подняли паръ, дали машинѣ полный задній ходъ, но все было безрезультатно. Завести якорь не представлялось никакой возможности въ виду того, что грунтъ былъ каменистый и якорю не за что было ухватиться. Сѣдовъ рѣшился попытать послѣднее средство, а именно: выбросить за бортъ всѣ постройки, взятые нами для зимовки, какъ то: домъ и амбаръ, а также перегрузить судно, переложивъ часть запасовъ изъ носовой части судна на палубу. Работали почти цѣлый день, и все оказалось безрезультатнымъ: судно, правда, немного приподнялось и начало слегка качаться, не когда дали машинѣ задній ходъ, оно не двинулось съ мѣста. Льды продолжали все съ большей и большей силой нажимать, страшно ударяясь въ борта судна.

Въ каютахъ сидѣть было прямо жутко. Ударъ за ударомъ непрерывно слышались то съ одного, то съ другого борта, и это приводило всѣхъ насъ въ самое мрачное настроеніе: неизвѣстно, гдѣ придется зимовать, такъ какъ спасти судно, казалось, нѣтъ

никакой надежды. Вода въ трюмѣ все прибывала и прибывала... Последнее измѣреніе показало 17 дюймовъ.

Къ намъ подошла почти вплотную огромная льдина и начала непрестанно бить о бортъ судна. Оттолкнуть ее не представлялось возможнымъ, и, при каждомъ новомъ ударѣ мы ожидали, что вотъ вотъ разобьется судно и всѣ очутятся въ водѣ. Ко всему этому надо еще прибавить, что спасательныхъ средствъ у насъ не было никакихъ, а это не особенно успокоительно дѣйствовало на нервы. Двѣ шлюпки сорвало у насъ штормами, двѣ другихъ большихъ шлюпки, на которыя можно было возложить нашу надежду, остались на льдинѣ, и гдѣ онѣ теперь, неизвѣстно; осталось только одна маленькая шлюпка, которая могла вмѣстить самое большее 8 человекъ, да и та была дырявой и отчаянно протекала.

Если бы мы спаслись и кое-какъ добрались до берега, до котораго было версты три, то что было-бы намъ дѣлать безъ провизіи, которой при самомъ благопріятномъ условіи, не удалось бы запастись въ достаточномъ количествѣ.

Особенно волновался и ворчалъ механикъ: «я вчера говорилъ Сѣдову, чтобы онъ на палубѣ изъ лѣса сдѣлалъ плоты и выгрузилъ ихъ на берегъ, тогда судно могло бы подняться и сняться съ мели, а теперь что же вышло? Судно стоитъ на мели, всѣ наши постройки унесло въ море, а гдѣ мы будемъ зимовать, неизвѣстно. Вода въ трюмѣ прибываетъ и наше судно вотъ-вотъ разсыпится. Вообще Сѣдовъ не думаетъ, что дѣлаетъ, ни съ кѣмъ не хочетъ совѣтываться и все дѣлаетъ самостоятельно».

12 часовъ ночи. Никто не спалъ. Въ ваютъ-компаніи собрались я, Визе, Пинегинъ, Павловъ, штурманъ, механикъ и капитанъ, начали обсуждать вопросъ о томъ, какъ быть. Всѣ пришли къ одному заключенію, что теперь, если намъ и удастся сняться съ мели, то дальше идти никуда невозможно, о землѣ Франца-Иосифа нечего и думать.

Положеніе наше всѣ нашли болѣе чѣмъ критическимъ, угрожающимъ жизни всѣхъ. Всѣ хотѣли просить Сѣдова остаться на зимовку на Новой Землѣ, въ Архангельской губѣ. Морозъ доходилъ до 6—9 градусовъ, угля осталось только на пять дней, а рисковать съ такимъ запасомъ идти дальше и пробиваться чрезъ льды къ Землѣ Франца-Иосифа было бы безуміемъ.

Мы первый разъ, пробиваясь сквозь льды, за трое сутокъ съ большимъ трудомъ добрались до 77°; самая же южная часть Земли Франца-Иосифа лежитъ подъ 80° и, даже при благопріят-

ныхъ условіяхъ, намъ пришлось бы идти не менѣе 10 дней; такой путь безъ угля будетъ равносильнъ гибели экспедиціи, ибо посреди льдовъ «Св. Фоку» затреть, и, въ лучшемъ случаѣ, насъ постигнетъ участь экспедиціи Пайера и Вейпрѣхта, которыхъ дрейфомъ принесло со льдами къ Землѣ Франца-Иосифа, а что будетъ дальше, неизвѣстно. Мы знаемъ только, что Сѣдовъ все дѣлаетъ самостоятельно, ни съ кѣмъ не дѣлится своими планами и на все идетъ, очертя голову. Когда его спрашиваешь, гдѣ мы будемъ зимовать и какъ, когда у насъ нѣтъ построекъ и судно къ зимовкѣ не приспособлено, онъ отвѣчалъ: «у насъ есть палатки, и намъ ихъ достаточно... Если не удастся добраться до Земли Франца-Иосифа, то я пойду къ полюсу пѣшкомъ съ Новой Земли; если же затреть среди льдовъ, то и такъ доберемся вмѣстѣ съ ними до Земли Франца-Иосифа».

Въ общемъ очень тяжелый день. Впервые всѣ, какъ одинъ, ясно сознавали безвыходность своего положенія. Собаки особенно были, беспокоились и это еще ухудшало настроеніе духа.

Всѣ рѣшили идти работать и перегружать судно, чтобы къ 6 часамъ утра съ приливомъ сняться съ мели. Я спустился въ трюмъ съ четырьмя матросами и началъ выбрасывать на палубу тяжелые ящики съ консервами, а оттуда переносить ихъ на мостикъ. Команда работала удивительно апатично и лѣнливо, совершенно не понимая своего положенія. Про матросовъ необходимо замѣтить, что это какая то бродячая банда, на которую не только нельзя разчитывать въ морѣ, но даже на берегу каждого надо подгонять и за каждымъ смотрѣть. Никто ничего не хотѣлъ дѣлать, то и дѣло ходили ко мнѣ: у одного голова болитъ, у другого рука усыхаетъ, у третьяго грудь сжимаетъ. Ежедневно у меня былъ пріемъ не меньше, чѣмъ въ любой амбулаторной лечебницѣ, но больныхъ нѣтъ, такъ какъ всѣ притворялись. Неужели же они разчитывали на то, что нѣсколько человѣкъ будутъ работать за всѣхъ, и не понимали, что отъ этого только проигрываетъ дѣло. Добросовѣстно работали только четыре человѣка: Кизино, Пищухинъ, Лебедевъ и Катерининъ, и я думаю, что имъ до конца экспедиціи придется работать неустанно и что эти люди въ критическую минуту будутъ единственнымъ оплотомъ.

Обиднѣе всего то, что, такъ называемые, матросы, почти незнакомы со своимъ дѣломъ: при штормахъ большая часть лежитъ въ кубрикѣ, страдая морской болѣзнью, и не можетъ совершенно показываться на палубу, а другіе мало знакомы даже со снастями,

такъ что, когда приходится подымать паруса, они ихъ роняютъ и совершенно не знаютъ, какія снасти и къ какимъ парусамъ. Какъ насъ хранить Господь,—трудно сказать. Мы сами основательно изучаемъ снасти и управленіе ими, чтобы въ критическую минуту спасти судно и свое положеніе. Теперь все яснѣе и яснѣе вырисовывается грубая ошибка Сѣдова, допустившаго непростительную небрежность при укомплектованіи какъ судовой, такъ и экспедиціонной команды. Напримѣръ, даже матросъ Іоганнъ Томисаръ, плававшій съ Сѣдовымъ уже два лѣта, оказался форменнымъ алкоголикомъ и постоянно сказывался больнымъ, особенно, когда приходилось слишкомъ много работать. Что будетъ съ нами дальше, трудно сказать. Надежды на сохраненіе нашей жизни мало. Худшаго положенія даже при всемъ стараніи вообразить невозможно, и выхода изъ него пока не предвидилось. Уже одна поѣздка Сѣдова изслѣдовать островъ въ то время, когда судно сидитъ на мели, была, по моему мнѣнію, странной и гибельной выходкой. Благодаря этому, мы рисковали потерять послѣднія наши надежныя шлюпки и самое судно.

Сидимъ на мели третьи сутки и когда снимемся, неизвѣстно. Что бы тамъ ни было пока надо работать изо всѣхъ силъ, чтобы быть готовымъ ко всякимъ случайностямъ.

3 часа ночи. Работа идетъ безъ остановки. У меня въ трюмѣ работа кипитъ: почти $\frac{2}{3}$ груза выброшено на палубу и перенесено на мостикъ. Все время выбрасываемъ за бортъ доски, пустые ящики, боченки и оставшіяся бревна. Оставили только одну баню, да и то только потому, что она завалена углемъ. Жаль, въ сущности, разставаться даже съ маленькой дощечкой, ибо все это очень и очень намъ пригодится еще въ будущемъ. Но что же дѣлать,—другого выхода нѣтъ.

Оставивъ меня наблюдать за работами, а капитана за судномъ, Сѣдовъ ушелъ спать. Въ четвертомъ часу я услышалъ крикъ на палубѣ и живо выскочилъ изъ трюма. Оказалось судно снялось съ мели и пошло по вѣтру. Разбудили Сѣдова. Восторгамъ не было конца. Всѣ какъ одинъ, выскочили на мостикъ; у каждого на лицѣ отражалось радостное недовѣріе—неужели снялись?... Живо снова принялись за работу—подбирать троса, убирать якорь, прикрѣпленный къ льдинѣ и измѣрять глубину вокругъ судна, чтобы снова не сѣсть на мель. Двоихъ людей высадили на льдину, убрать ледяной якорь, но какъ только якорь подняли, льдину, на

которой они стояли, начало относить отъ судна, почему пришлось дать машинѣ задній ходъ, чтобы подойти къ нимъ поближе.

Все это освобожденіе стоило намъ громаднѣхъ трудовъ, но, забывъ о нихъ, мы были счастливы, такъ какъ теперь мы могли свободно отыскать мѣсто для нашей зимовки. Мы отошли въ противоположную отъ мели сторону и на глубинѣ пяти сажень отдали якорь. Всѣ отчаянно устали и пошли спать, я же, подъ впечатлѣніемъ всего пережитаго, заснуть не могъ. Передо мною проходили картины всего нашего путешествія, и какъ то особенно ясно обрисовывались сдѣланныя ошибки: оказывается мы повторяемъ тѣ же ошибки, какія были въ прошлыхъ экспедиціяхъ.

Когда стало немножко свѣтать, я вышелъ изъ каюты на мостикъ. Было одиннадцать градусовъ мороза. Первое, что я началъ дѣлать, это вооружившись биноклемъ, началъ отыскивать наши шлюпки. И какъ я былъ доволенъ, когда увидѣлъ, что обѣ онѣ лежатъ на льдинѣ, недалеко отъ судна благодаря чему ихъ, какъ мнѣ кажется, намъ удастся спасти. Зато наши постройки и доски унесло, кругомъ не видно ни одного бревна.

Всѣ спятъ, въ каютахъ полная тишина и только слышенъ монотонный стукъ насоса, непрерывно откачивающаго воду. На душѣ тоска, опасность меня не пугаетъ, я шелъ на это дѣло вполне сознательно и готовъ ко всему, но обидно, когда ошибки одного могутъ стоить жизни всѣмъ... Впрочемъ, сейчасъ мы стоимъ на якорѣ, значить, лучъ надежды, хотя и слабый, еще блеститъ (хотя этотъ блескъ слишкомъ далекъ и онъ едва освѣщаетъ нашъ дальнѣйшій и трудный путь). Авось слѣпое счастье улыбнется, и намъ удастся благополучно завершить начатое нами дѣло.

8 сентября. Погода вполне зимняя, температура въ 8 часовъ утра дошла до 13 градусовъ. Съ мостика я спустился въ каютъ-компанію. Всѣ спятъ мирнымъ сномъ. Эта тишина подѣйствовала на меня угнетающимъ образомъ, и я вышелъ снова на мостикъ, гдѣ, по крайней мѣрѣ раздавались шаги вахтеннаго матроса, спокойно ходившаго по палубѣ. Если бы я имѣлъ право я немедленно разбудилъ бы всѣхъ и заставилъ бы пойти и спасти впередъ наши шлюпки, а затѣмъ спать...

Сегодня двенадцатый праздникъ Рождества Пресвятыя Богородицы. Невольно мысли перенеслись въ родныя страны. Тамъ всѣ отдыхаютъ, кто въ церкви, кто въ родной семьѣ, а мы здѣсь, вдали отъ міра, терпимъ массу лишеній, и особенно хочется

перенестись хотя бы на одну минутку къ роднымъ берегамъ. Я выбралъ грамофонныя пластинки духовнаго содержанія, подобралъ ихъ въ порядкѣ богослуженія и началъ заводить. На душѣ стало легко и снова въ ней затеплилась надежда. Изъ каютъ понемому начали показываться остальные члены экспедиціи; они молча садились и слушали. Когда духовныя пластинки были всѣ проиграны, слушатели заявили, что это произвело на нихъ чудное впечатлѣніе.

Обѣдали сегодня позже обыкновеннаго, потому что собирались доставать шлюпки. Надо было поднять якорь и поближе подойти къ шлюпкамъ. Мы рѣшили обойтись на сей разъ безъ команды и испытать свои собственныя силы. Я сталъ у лебедки, штурманъ у якоря, Пинегинъ у руля. Все нами было быстро продѣлано, и судно пошло впередъ, команда, еще спавшая, изъ любопытства понемому начала выходить на палубу. Въ 2 съ половиною часа мы начали подходить къ шлюпкамъ, стоявшимъ на той же льдинѣ. Но въ это время приливомъ начало нажимать льды на судно, и мы, боялись, чтобы они насъ не затерли, рѣшили сначала отойти обратно и стать на якорь, а затѣмъ уже на оставшейся шлюпкѣ добраться до края льдовъ, привязать шлюпки къ тросамъ и тащить ихъ на лебедѣ.

Команда особенно усердно отдыхала, какъ и всегда, послѣ нашего праздничнаго обѣда. Сегодня у насъ были щи со свѣжей капустой и медвѣжьимъ мясомъ, на второе медвѣжьи котлеты съ картофелемъ и на третье сладкій фруктовый компотъ, какао, кофе и конфеты, а кромѣ того рюмочки по три водки.

Въ 3 часа 30 минутъ Сѣдовъ взялъ съ собой команду, сѣлъ на шлюпку, захвативъ канаты и поѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ находились шлюпки. Я воспользовался этимъ и попросилъ механика устроить мнѣ баню въ машинномъ отдѣленіи. Вымылся я отлично, какъ, казалось, никогда. Вымылъ чистенько и убралъ свою каюту, послѣ чего почувствовалъ себя превосходно.

Въ 5 часовъ Сѣдова еще не было, а льды между тѣмъ все время заполняли пространство между судномъ и оставленными шлюпками. Немного позже увидѣли Сѣдова, который возвращался ни съ чѣмъ, такъ какъ команда тащила по льду только ту шлюпку, на которой они поѣхали. Жаль будетъ, если оставшіяся на льдинѣ двѣ нашихъ лучшихъ шлюпки не удастся вытащить хотя бы на берегъ, такъ какъ иначе ихъ унесетъ вмѣстѣ съ льдиной въ море.

Положеніе наше все больше и больше осложнялось: льды нажимали на судно, а вдали видна цѣлая масса айсберговъ, идущихъ со значительной скоростью прямо на насъ. Надо было сниматься и уходить, а то айсберги могли перервать якорныя цѣпи и мы лишились бы якоря. Подняли паръ и пошли навстрѣчу Сѣдову. Мы, подобно пиратамъ, словно грознаго врага, боимся льдовъ и удираемъ въ разныя стороны въ зависимости отъ направленія вѣтра. Для всѣхъ понятно, что съ каждымъ днемъ будетъ становиться труднѣе, что надо уходить скорѣе, но безъ карбаса и шлюпки сдѣлать этого нельзя, хотя оставаться дольше на одномъ мѣстѣ значить рисковать быть затертыми льдами и зимовать тамъ, гдѣ будетъ угодно судьбѣ. Лыдины быстро смерзались. Шли среди льдовъ очень медленно и пробирались къ открытой водѣ, находившейся въ одной верстѣ отъ нашей стоянки. Тамъ виднѣлась маленькая бухта, которая быть можетъ на время могла пріютить насъ и спасти отъ надвигавшагося льда. Направленіе вѣтра мѣнялось два три раза въ сутки, а въ зависимости отъ него передвигалась цѣлая масса льда, и намъ приходилось считаться съ этимъ обстоятельствомъ, въ виду того, что шлюпки все еще не были забраны нами.

Черезъ часъ на судно возвратился Сѣдовъ съ матросами и съ шлюпкой, на которой они ѣздили. Выкупались человѣка три—четыре; самъ Сѣдовъ тоже упалъ въ воду и его вытащили. Рѣшили опять остаться на ночевку и утромъ снова попытаться счастья спасти шлюпки.

Льды все больше и больше наполняли бухту и нажимали на судно; свободной воды осталось очень мало; однако, выбравъ мѣсто посвободнѣе отъ льда, отдали якорь.

Сегодня я впервые досталъ карты и вообще всѣ игры. Визе, Ппнегинъ, штурманъ и капитанъ рѣшили поиграть въ преферансъ. Сѣдовъ съ механикомъ начали играть въ шашки, мнѣ же пришлось возиться на кухнѣ съ ужиномъ. Такъ какъ повара мы высадили въ Крестовой губѣ и обязанности такового возложили на обыкновеннаго матроса, то мнѣ пришлось его обучать и въ праздничные дни зачастую вмѣстѣ съ нимъ придумывать поразнообразнѣе меню, чтобы подчеркнуть хоть этимъ праздникъ. Поужинали мы хорошо, такъ какъ у насъ медвѣжьяго мяса теперь вдоволь и мы рѣшили его использовать. Вообще медвѣжье мясо въ первые дни употреблялось съ большимъ трудомъ: оно такъ отдавало ворванью, (рыбимъ жиромъ), что надо было набраться большой храбрости, чтобы его ѣсть, и поэтому первыя кушанья были уничтожены

нашими товарищами, сидящими въ клѣткахъ на палубѣ. Чтобы это не повторялось, я рѣшилъ мясо тщательно очищать отъ жира, вымачивать въ уксусѣ и только тогда готовить изъ него пищу. Сегодня именно по такому способу былъ приготовленъ ужинъ самымъ тщательнымъ образомъ и былъ съѣденъ нами съ большимъ аппетитомъ, что явилось настоящей кулинарной побѣдой.

Играли въ карты до 12 часовъ ночи, заводили граммофонъ, играли на піанино и вообще вечеръ провели весело, что не совсѣмъ гармонировало съ нашимъ положеніемъ, но мы, положившись всецѣло на судьбу, рѣшили хоть нѣсколько часовъ провести по-человѣчески. Лишь къ часу ночи всѣ ушли по своимъ каютамъ.

Сегодня, 9 сентября, съ утра 9 градусовъ мороза, вѣтра нѣтъ, небо ясное и воздухъ особенно чистъ. Рѣшено было сняться и снова подойти къ шлюпкамъ на суднѣ.

Рано утромъ судно съ большимъ трудомъ подошло къ шлюпкамъ на разстояніе полутора верстъ. Начались приготовленія, достали тросъ, канаты, начали ихъ связывать и готовить, чтобы занести къ шлюпкамъ, привязать ихъ и тащить шлюпки на судно по льду. Къ часу дня все было готово. Послѣ обѣда Сѣдовъ предложилъ желающимъ въ каютъ-кампаніи пойти съ нимъ и помочь тащить шлюпки. Всѣ согласились, спустились на ледъ и пошли перетаскивать тросъ. Путь былъ очень труденъ, приходилось перепрыгивать съ льдины на льдину, и казалось, что намъ шлюпокъ снова не достать. Однако къ 3 часамъ шлюпки привязали и начали тащить, сдѣлавъ предварительно для карбаса спеціальныя сани, ибо тащить 150-пудовую тяжесть безъ приспособленій не представлялось возможнымъ. Работа была отчаянная и рискованная. Наступила ночь, тросы оказались старыми и то и дѣло рвались. Чтобы облегчить работу, приходилось шлюпку раскачивать и въ это время сигналами давать знать, чтобы пускали въ движеніе лебедку. Больше всего времени уходило на связываніе рвавшихся тросовъ. Двигались чрезвычайно медленно, шагъ за шагомъ, приходилось все время сбивать ломami и топорами выступающія льдины, а на мѣста, гдѣ былъ новообразованный ледъ, настилать доски, подкладывать весла, по нимъ уже тащить. Въ виду того, что наступила темнота и поднялся маленькій вѣтерокъ, мы рѣшили сигнализировать фонарями. Къ 10 часамъ вечера мы успѣли протащить шлюпку на разстояніе одной трети отъ судна. Видно было, что если шлюпку мы и спасемъ, то это потребуетъ отъ насъ невѣроятной затраты силъ. Чтобы работа шла успѣшнѣе, Сѣдовъ ушелъ на судно, руководить

дѣломъ а я остался у шлюпки; зачастую приходилось проваливаться, но все же мы упорно продолжали работу. Чѣмъ дальше, тѣмъ работать становилось труднѣе, ибо на пути попадалось больше новообразовавшагося льда. Ледъ все проваливался, и не одинъ разъ пришлось каждому изъ насъ выкупаться. Надо было устроить такъ, чтобы сама шлюпка не проваливалась. Такъ какъ опытъ показалъ, что если сани заскакиваютъ подъ льдину, то ледъ приходилось сплошь прорубать, подкладывать доски и съ большими усиліями вытаскивать сани на поверхность, на что затрачивалось много времени.

Часто попадались цѣлыя глыбы стараго льда, и ихъ приходилось съ большимъ трудомъ скалывать, расчищая путь.

Къ 2 часамъ ночи намъ осталось преодолѣть одну четверть разстоянія до судна; въ это время два матроса провались по шею, а третьяго мнѣ пришлось ухватить за воротъ и вытащить.

Сѣдовъ, выбившись окончательно изъ силъ, ушелъ спать, попросивъ меня закончить доставку шлюпки. Ему надо было встать въ 5 часовъ утра и попробовать продвинуться дальше, ибо наше положеніе среди острововъ становилось все ненадежнѣе и ненадежнѣе. Угля оставалось только полторы тысячи пудовъ, на четыре дня. Подойти въ этомъ мѣстѣ близко къ берегу невозможно, такъ какъ слишкомъ мелко, а разстояніе до него равнялось почти двумъ верстамъ: слѣдовательно въ случаѣ вынужденной зимовки судна именно здѣсь, сообщеніе съ берегомъ было бы крайне затруднительно и, кромѣ того весной наше судно легко могло бы быть выброшеннымъ на берегъ движеніемъ ледяныхъ массъ.

Къ 5 часамъ утра мы закончили работу со шлюпкой и подняли ее на бортъ. Команда цѣлый день ничего не ѣла, поэтому пришлось въ 6 часовъ утра обѣдать.

Послѣ обѣда всѣ легли спать. Я тоже выбился изъ силъ, — все болѣло и даже трудно было разогнуть спину. Съ легкимъ сердцемъ сознавая, что я изрядно поработалъ и заслужилъ свой отдыхъ, я побрелъ въ свою каюту и легъ спать. Казалось, такихъ удобствъ и такого удовольствія я не испытывалъ никогда, но спалъ я спокойно: то мнѣ снилось, будто я проваливаюсь и все прошу вытащить меня; то снилось, что шлюпка провалилась и мы ее едва удерживаемъ. Иллюминаторъ въ моей каютѣ оказывается былъ все время открытъ, а я такъ, при открытомъ окнѣ, и уснулъ. Въ 8 часовъ утра я проснулся отъ сильнаго холода. Температура въ

каютѣ равнялась 2°. Я закрылъ иллюминаторъ, хорошо укрылся и снова заснулъ.

Въ 2 часа дня меня разбудили къ обѣду. Всталъ я весь разбитый, и не было ни одного мѣста на тѣлѣ, гдѣ бы я не ощущалъ боли. Такое же состояніе испытывали и матросы. Послѣ обѣда я вышелъ на мостикъ, откуда Сѣдовъ управлялъ судномъ. Двигались мы очень медленно, дѣлая въ часъ иногда не больше 10 сажень. Ледъ весь смерзся, и намъ все время приходилось разбивать его. Часто отходишь назадъ, разгоняешь судно и стараешься хотя немного имъ разбить льды. Намъ во что бы то ни стало надо было выбраться изъ этихъ льдовъ и найти подходящее мѣсто для зимовки.

Насколько тяжелъ былъ путь, можно было судить уже потому, что за сутки, мы продвинулись только на сорокъ сажень. Ужасно жаль угля. Усилія наши сводились къ нулю, а топливо все уменьшалось и уменьшалось. Рѣшили остановить машину и ожидать благопріятнаго вѣтра и расхожденія льдовъ. Сѣдовъ приказалъ разбудить себя въ 4 часа утра и къ этому времени приготовить машину. Онъ настойчиво хотѣлъ двигаться впередъ.

Утромъ, 11 сентября разбудили Сѣдова и онъ снова началъ пробиваться сквозь льды.

Черезъ часъ, въ виду того, что мы совершенно не двинулись съ мѣста, онъ приказалъ остановить машину и отдалъ ледяной якорь. Мы стали среди льдовъ.

Поднялся сильный южный вѣтеръ и забушевалъ съ такой силой, что во всѣхъ иллюминаторахъ и дымовыхъ трубахъ былъ слышенъ отчаянный свистъ и вой. Особенно жутко ночью, хотя на этотъ вѣтеръ у насъ только и надежда: въ морѣ, должно быть, отчаянный штормъ; онъ, по всей вѣроятности, подыметъ сильную волну и мертвой зыбью поломастъ ледъ вокругъ судна. Тогда мы сможемъ выбраться по каналамъ и перейти хотя бы въ сосѣднюю бухту. Морозъ уменьшился и упалъ до 3 градусовъ. Все время шелъ обильный, мокрый снѣгъ и ничего не было видно впередъ. Работали въ трюмѣ, перегружали угольные ямы и снова переносили провизию въ трюмъ. Завтра съ утра мы должны достать вторую шлюпку, и затѣмъ, если ледъ волною немного поломастъ, то будемъ пробиваться. Цѣлый день строили планы относительно того, какими займемся работами, въ случаѣ если придется зимовать на этомъ полуостровѣ. Сѣдовъ заявилъ, что онъ обязательно обойдетъ всю Новую Землю, для чего теперь же пошлетъ нѣсколько

партій въ разныхъ направленіяхъ, которыя устроятъ склады провизіи. Метеорологическія наблюденія будемъ производить каждые два часа.

Визе и Павловъ должны будутъ пересѣчь поперекъ Новую Землю и изучить ея строеніе. Мнѣ же, какъ завѣдывающему хозяйственной и продовольственной частью экспедиціи, придется сидѣть дома, заниматься охотой и лабораторными изслѣдованіями полярныхъ животныхъ и птицъ. Жаль только, что у насъ погибъ домъ, я возлагалъ на него большія надежды. Теперь мнѣ будетъ тѣсно работать въ моей маленькой каютѣ, больше половины которой мнѣ придется заставить аппаратами.

Такъ или иначе работать будемъ и думаемъ, что наша зимовка не пропадетъ безслѣдно. Сѣдовъ высказалъ еще предположеніе идти пѣшкомъ на Землю Франца-Иосифа и тамъ ждать насъ съ пароходомъ, но этого плана Сѣдова никто не поддержалъ, считая его не только трудно осуществимымъ, но и бесполезнымъ, такъ какъ это время можно будетъ съ большей пользой утилизировать специально для описанія береговъ Новой Земли и изученія магнитныхъ свойствъ ея.

Въ 7 часовъ вечера Сѣдовъ прочелъ намъ и командѣ приказъ, въ которомъ выражалъ намъ благодарность за работу по доставкѣ шлюпки. Во второмъ приказѣ объявлялся строгій выговоръ боцману Инютину за оскорбленіе штурмана и неисполненіе его приказаній. Выговоръ ему сдѣланъ былъ по моему докладу, ибо команда страшно распустилась, ругалась самыми скверными словами въ нашемъ присутствіи, и, если бы не были приняты своевременно мѣры, то ее впослѣдствіи трудно было бы держать въ повиновеніи.

Сегодня я былъ дежурнымъ и только къ 12 часамъ закончилъ метеорологическія наблюденія. Наблюденія производились по дежурствамъ.

Въ 5 часовъ утра 12 сентября я проснулся отъ сильныхъ звонковъ машины. Сѣдовъ всталъ въ 4 часа утра, приказалъ приготовить машину и началъ двигаться сквозь льды. Вѣтеръ рвалъ и металлъ.

До 8 часовъ мы не сдѣлали шага впередъ, поэтому снова остановили машину. Въ 11 часовъ послали команду за второй шлюпкой, и къ 2 часамъ она была доставлена.

Послѣ обѣда всѣ вышли на палубу, штурманъ поднялся на ванты и увидѣлъ, что льды впереди разбиты штормомъ.

По всей вѣроятности съ отливомъ льды отойдутъ, и мы будемъ свободны. Сѣдовъ рѣшилъ пробиться дальше. Въ 4 часа ясно было видно, что льды расходились и шли къ южнымъ Крестовымъ островамъ. Положеніе нашего судна оказалось отчаяннымъ, скованное сплошнымъ ледянымъ кольцомъ, безъ выхода изъ него, оно со льдами несло на югъ, къ тѣмъ же островамъ. Самостоятельно двигаться мы не могли и всецѣло находились во власти вѣтра и льдовъ. Машина усиленно работала, но это не помогало. Сѣдовъ распорядился высадиться всѣмъ на ледъ съ топорами и ломами и пробовать прорубать ледъ, чтобы освободиться отъ ледяного кольца. Трудъ гигантскій, но все же работа подвигалась впередъ. Мы старались пробивать ледъ на мѣстахъ спайки отдѣльныхъ льдинъ и затѣмъ ихъ выводить въ открытую воду. Откололи такимъ образомъ одну большую льдину и такъ какъ вывести ее не могли, то рѣшили зацѣпить ледянымъ якоремъ и оттянуть вмѣстѣ съ судномъ, давъ машинѣ задній ходъ, но тросъ, конечно, лопнулъ, и изъ этого ничего не вышло. Вѣтеръ перемѣнился, льды снова начало нажимать на судно, почему рѣшили бросить начатія работы, остановить машину и стать на почевку. Мы поднялись на судно, поужинали и начали придумывать всевозможные способы для освобожденія судна отъ невольнаго плѣна.

Рѣшили пробовать взрывать льды порохомъ. Детальная разработка этого предложенія поручена была Павлову.

Вечеромъ я вышелъ на палубу. Весь горизонтъ былъ закрытъ льдомъ. Надежды на освобожденіе судна изъ этой мышеловки все меньше и меньше. Съ боченка на мачтѣ видно, какъ бушуетъ море. Нѣсколько часовъ тому назадъ у насъ еще была надежда освободиться отъ ледяного кольца и выйти въ открытую воду, и тогда мы безусловно вышли бы изъ этого пролива, теперь же, несмотря на то, что мы потратили массу угля, мы стояли все на томъ же мѣстѣ и были лишены возможности даже мечтать о скоромъ освобожденіи.

Наше положеніе показало, насколько вообще человѣкъ со своими ограниченными силами безпомощенъ въ борьбѣ со стихіями этой суровой полярной природы. Судно хорошо справлялось со льдами, но машина его слаба. Температура понизилась до 10 градусовъ. Льды все смерзались. Съ тяжелымъ чувствомъ мы разбрелись по своимъ каютамъ. Казалось, худшаго положенія быть не можетъ, но... посмотримъ, что дастъ намъ завтрашній день.

13 сентября. Проснулся я на другой день въ 6 часовъ утра, вскочилъ съ койки, посмотрѣлъ въ иллюминаторъ. Кругомъ насъ чистая вода и мы идемъ впередъ. Наскоро одѣвшись, побѣжалъ на мостикъ. Сѣдовъ стоялъ и управлялъ судномъ. Оказывается съ 4 часовъ утра подулъ сильный вѣтеръ, разбилъ льды и ихъ отливомъ отнесло въ море. Сейчасъ же подняли паръ, дали машинѣ ходъ, и судно двинулось, легко справляясь съ небольшими льдинами. Льды отъ насъ относилъ быстро и мы, находясь въ открытой водѣ, могли избрать любое для насъ направленіе. Надо было искать лучшей стоянки.

Вѣтеръ изъ сѣверо-западнаго превратился въ западный и началъ все усиливаться и усиливаться. Каждый часъ можно было ожидать шторма. Къ вечеру, дѣйствительно поднялась, буря и разыгралась настолько, что не представлялось возможнымъ выйти на палубу. При такихъ обстоятельствахъ особенно останавливаться надъ выборомъ подходящаго мѣста не приходилось, а потому мы повернули за Панкратьевъ полуостровъ, и за мыскомъ, у берега, на глубинѣ 8 сажень, отдали якорь.

Для зимовки наша бухта не особенно хороша, но зато защищена отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Температура повысилась до -2° и пока мы стояли покойно, выжидая каждую минуту появленія съ моря льдовъ. Приблизительно черезъ два часа мы сдѣлали промѣры, подняли якорь и подошли ближе къ берегу на разстояніе ста сажень и на глубинѣ 5 сажень снова отдали якорь. Вѣтеръ все усиливался, льды начало снова нагонять, но уже съ другой стороны. Къ вечеру мы очутились во льдахъ и температура понизилась до -7° , а ночью до -9° . Снѣгъ шелъ всю ночь и вѣтеръ разыгрался не на шутку. Погода здѣсь можетъ измѣняться 10 разъ въ сутки. Если намъ придется искать лучшей стоянки, то будемъ выжидать, пока льды разойдутся, такъ какъ опытъ показалъ, что, несмотря почти на 3 суточное стремленіе вырваться изъ льдовъ, мы оставались на томъ же мѣстѣ, израсходовавъ около 700 пудовъ угля. Сегодня же мы свободно вышли, не затративъ и 25 пудовъ.

Цѣлый день перегружали въ угольные ямы уголь, котораго у насъ оставалось еще 1000 пудовъ. Я спустился въ трюмъ и съ тремя матросами началъ провѣрять провизію. Нѣсколько ящиковъ оказались вскрытыми; ящики эти были со сластями, и, чтобы въ дальнѣйшемъ не было соблазна для команды, я вынулъ ихъ изъ трюма и переложилъ все въ машинную кладовую и шкафы въ

каютъ-кампаніи. Теперь мнѣ придется сдѣлать точную опись провизіи и распредѣлить ее по меньшей мѣрѣ на два года.

Никакого расчета провизіи не имѣлось и сколько у насъ какой провизіи, никто не зналъ. Всѣ счета Сѣдовъ отослалъ въ Комитетъ, и у меня не было ни одного документа, по которымъ я могъ бы провѣрить запасы. Разборка ящиковъ со сладостями привлекла въ трюмъ всѣхъ членовъ каютъ-кампаніи и они, какъ голодные волки, набрасывались на вскрываемые ящики. Въ каютъ-кампаніи къ вечеру образовался цѣлый магазинъ съ выставкой всевозможныхъ сортовъ сладостей. Ъли всѣ столько, сколько хотѣли, но я предупредилъ, что это первый и послѣдній день такого раздолья, такъ какъ съ завтрашняго дня мною будутъ введены порціоны въ строгой зависимости отъ имѣющихся припасовъ. Вскрыли два ящика съ вареньемъ; оказалось, что благодаря неправильной погрузкѣ, вверхъ доннышками, большая часть его изъ банокъ вытекла; однако всѣ 15 банокъ оказались цѣлыми и часть варенья сохранилась. Разбирали и укладывали въ шкафы до 11 часовъ ночи, а затѣмъ разошлись по каютамъ спать.

Сегодня, 14 сентября, къ 7 часамъ утра морозъ дошелъ до 10 градусовъ. Кругомъ снѣгъ и ледъ. Островъ покрытъ пушистымъ снѣгомъ и только кое-гдѣ видны черные откосы и выступающія скалы. Берегъ высокій и обрывистый и только въ полутора верстахъ отъ судна виденъ низменный берегъ, сплошь покрытый снѣгомъ. Вѣтеръ злился и рвалъ снасти. По каютамъ всѣ спали. Это, можно сказать одинъ изъ тѣхъ счастливыхъ дней, когда всѣ могли спокойно спать. Кругомъ судна, на смерзшихся льдинахъ, покрытыхъ свѣжимъ снѣгомъ, видно очень много песцовыхъ слѣдовъ. Повидимому ночью они бродили вокругъ судна, рассчитывая чѣмъ-либо полакомиться. Я распорядился на слѣдующую ночь поставить пять желѣзныхъ капкановъ, въ надеждѣ хотя бы одного поймать. Въ 8 часовъ утра, во время кормежки собакъ, одна выскочила за бортъ и ее поймать не удалось. Бродила она все время вблизи судна, но въ руки не давалась.

Сегодня, какъ и всегда дѣлалось по праздникамъ, на граммофонъ были поставлены пластинки духовнаго содержанія, что подняло духъ у всѣхъ членовъ каютъ-кампаніи. Въ 10 часовъ я вышелъ на палубу и увидѣлъ на льду небольшую черную птицу (люрика), идущую по льду къ судну. Я ушелъ въ каюту, взялъ ружье и, возвратившись, сталъ у борта ее выжидать. Птица, оглядываясь все время, ближе и ближе подходила къ судну и когда подошла

на разстояніе сорока шаговъ, я ее убилъ. Къ судну нашему, за нѣсколько часовъ до остановки приплылъ большой айзбергъ и приблизительно въ 10 саженьяхъ остановился на мели. Длину онъ имѣлъ 4 сажени и столько же въ ширину. Высота его равнялась 3 саженьямъ, а глубина подводной части 4 саженьямъ. Айзбергъ этотъ все ближе и ближе подносило къ берегу и между нимъ и льдомъ образовалась маленькая полынья. Въ 3 часа дня мы рѣшили спуститься на ледъ и отправиться на берегъ. Павловъ, Пинегинъ и Визе взяли ружья и пошли къ айзбергу, гдѣ сидѣло нѣсколько люриковъ такихъ же, какъ и тотъ, котораго я убилъ на льду. Я подошелъ къ айзбергу, отбилъ кусокъ льда и снесъ на судно, чтобы попробовать, насколько онъ пригоденъ для питья. Вода получилась роскошная, такъ какъ это былъ айзбергъ отвалившійся отъ глетчера, гдѣ ледъ прѣсный.

Къ восьми часамъ возвратились члены экспедиціи на судно и принесли мнѣ 7 убитыхъ птицъ.

Послѣ ужина и вечерняго чая я принялся за птицъ съ цѣлью ихъ изученія, отыскивая кожныхъ паразитовъ и снимая шкурки для выдѣлки чучель. У одной изъ птицъ мною было найдено огромное количество кожныхъ паразитовъ, а у остальныхъ ничего не обнаружено. Съ вечера на льду были поставлены капканы, но надежда на добычу у меня была слишкомъ малая, такъ какъ собака, оставшись на льду, по всей вѣроятности разгонитъ всѣхъ песцовъ. Сегодня снова и къ обѣду и ужину было приготовлено медвѣжье мясо. Съ каждымъ разомъ оно намъ все больше и больше нравится, хотя отъ супа все еще отказываются, такъ какъ въ немъ особенно сильно слышенъ привкусъ ворвани. Придется готовить только вторыя блюда, а первыя дѣлать изъ имѣющихся у насъ консервовъ.

Сегодня мною впервые розданы въ каютъ-кампаніи и командѣ всевозможныя сласти, какао и печенія. Къ чаю открыли клюквенный экстрактъ, который намъ вполне замѣнилъ лимонъ.

Сегодня ровно мѣсяцъ, какъ мы ушли отъ родныхъ береговъ и все время странствовали, испытывая большія лишенія.

Г Л А В А XI.

Мы останавливаемся на зимовку. Наши приготовления. На берегу по ледяному паку. Исследования бухты.

НАША жизнь пошла своим порядкомъ, и не смотря, что сегодня 15 сентября стоимъ во льдахъ и пока совершенно покойны. Сегодня за утреннимъ чаемъ рѣшили зимовать на суднѣ въ этой же бухтѣ, и теперь понемногу начинаемъ приготовляться къ зимовкѣ. Я началъ раскупоривать и приводить въ порядокъ свою лабораторію.

Встаемъ теперь въ 8 часовъ утра, пьемъ чай, работаемъ, въ 12 часовъ обѣдаемъ, въ 6 часовъ ужинаемъ и пьемъ чай; въ 11—12 часовъ обыкновенно ложимся спать.

Въ 11 часовъ подошли къ судну два «люрика» и ихъ живыми подобрали матросы. Немного позже подошла еще пара; ихъ также взяли въ кубрикъ. Они слишкомъ худы и сильно продрогли. Летать они совершенно не могутъ, бѣгаютъ снсно, но зато плаваютъ превосходно.

Одного изъ люриковъ взяли себѣ въ каютъ-компанію, пробовали кормить мясомъ, но онъ нечего не ѣстъ. Днемъ удалось снять его фотографическимъ аппаратомъ сидящимъ на столѣ. Люрики стоятъ оригинально, почти вертикально. Мы рѣшили ихъ немного согрѣть, а затѣмъ уже выпустить на свободу. Послѣ обѣда дружно принялись за піанино съ тѣмъ, чтобъ втащить его въ каютъ-компанію. Работы

была масса. Піанино оказалось очень широкимъ и не проходило въ наружныя двери, почему пришлось снять двери, выпилить по одной боковой доскѣ и только тогда втащить. Когда втащили въ корридоръ, то оказалось, что оно не проходитъ въ каютъ-компанію; пришлось снять уголъ каюты механика и по двѣ доски каютъ-компаніи, и только тогда мы его втащили. Послѣ нашей переноски оно, естественно, потеряло свой прежній нарядный видъ, такъ мы его испарали и даже отбили часть украшеній. Часа 4 намъ пришлось порядкомъ померзнуть за этой работой, такъ какъ температура воздуха равнялась—10°, а всѣ

Люрикъ въ каютъ-компаніи.

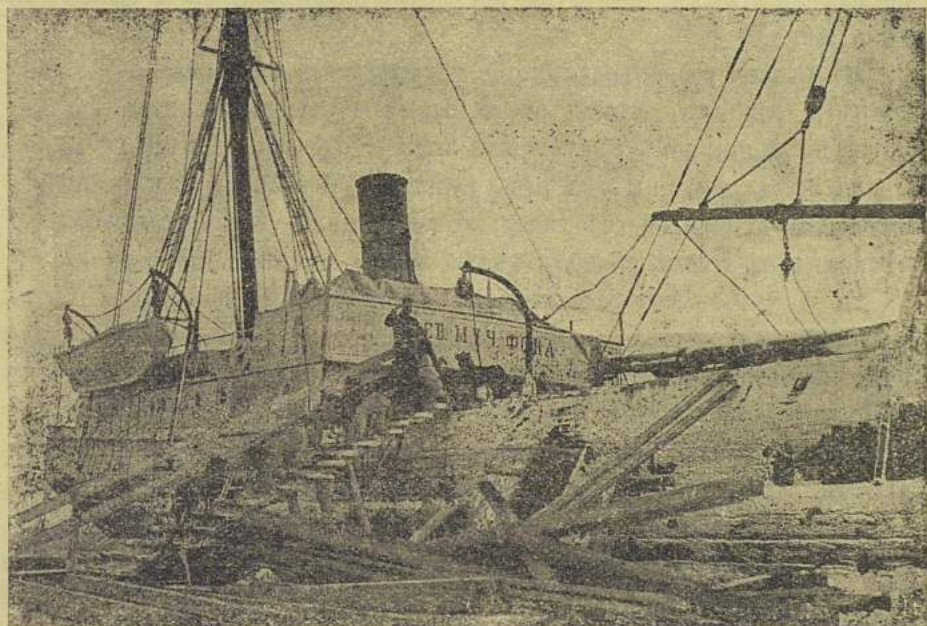
двери съ каютъ были сняты. Къ вечеру исправили двери и привели все въ порядокъ. Визе играетъ на піанино хорошо, Павловъ плохо, а мы остальные только слушаемъ, хотя у насъ имѣется піаноло и мы ею будемъ пользоваться. Штурманъ къ музыкѣ относится вполне равнодушно. Играли до 12 часовъ ночи. Музыка внесла въ нашу жизнь разнообразіе, и въ трудныя минуты, въ дни грусти, пожалуй, будетъ успокоительно дѣйствовать на нашу нервную систему. День прошелъ незамѣтно.

16 сентября. Утромъ по обыкновенію пили чай, а затѣмъ рѣшили убирать трюмъ. Сегодня пойдемъ на лыжахъ на гору и осмотримъ прилежающія окрестности. До обѣда раскупорили лыжи

и лыжныя палки и, чтобы не путать и не брать чужихъ лыжъ, каждый изъ насъ помѣтилъ ихъ своими инициалами.

Послѣ обѣда разбирали инструменты и аппараты и устанавливали ихъ въ каютахъ. Свою каюту я перестроилъ, сдѣлалъ полочки, поставилъ термостатъ и другіе инструменты, и каюта начала подходить болѣе на рабочій кабинетъ.

Тяжелые аппараты, какъ то: автоклавъ, т. е. стерилизаціонную печь, и другіе я оставилъ въ трюмѣ и буду приносить къ себѣ только

На зимовкѣ у береговъ Панкратьева полуострова. Выгрузка на ледъ бани.

по мѣрѣ надобности, стеклянную же посуду поставилъ въ каютѣ штурмана, ибо у него много свободныхъ шкафовъ.

Сѣдовъ провѣрилъ свои приборы для производства астрономическихъ и магнитныхъ наблюденій; онъ думаетъ дней черезъ 15 пойти съ полюсной партіей къ сѣверной оконечности Новой Земли и описать ея берега.

Въ 2 часа дня я, Пинегинъ, Визе и Павловъ спустились съ судна на ледъ, забрали съ собой лыжи и отправились къ острову по льду. Наше путешествіе было рисковано, такъ какъ сплошь и рядомъ попадались маленькія льдины, которыя еще не смерзлися. Я по дорогѣ провалился два раза, но оба раза удачно и ни разу

не набралъ въ сапоги воды. Пришлось на подорогѣ надѣть лыжи и идти дальше. На лыжахъ двигаться было легче и путь казался менѣе опаснымъ. Несмотря на это, я ухитрился снова провалиться, но уже по поясъ. Съ трудомъ выбрался на ледъ и рѣшилъ, что на лыжахъ проваливаться больше не слѣдуетъ, такъ какъ слишкомъ много шансовъ вмѣстѣ съ лыжами пойти на дно. Лыжи я привязалъ къ ногамъ и когда провалился, то лыжи попали подъ ледъ, и мнѣ пришлось, лежа въ водѣ, отстегивать ихъ—работа не изъ пріятныхъ, ибо руки все время коченѣли, да и самому не было жарко.

Въ 4 часа я возвратился домой, переодѣлся и, такъ какъ уже начало темнѣть, рѣшилъ оставаться на суднѣ и заняться съемкой и препарировкой шкурокъ съ убитыхъ птицъ. Въ кишечникѣ одной изъ птицъ мною найдены два рода глистовъ. Я собралъ ихъ въ отдѣльную банеу вмѣстѣ съ частью кишечника и заспиртовалъ. У нѣсколькихъ птицъ нашелъ также много кожныхъ паразитовъ.

Въ 7 часовъ вечера возвратились наши путешественники и съ большой радостью объявили намъ, что на берегу, въ бухтѣ ими найдено огромное количество плавнику, котораго хватить намъ на отопленіе всѣхъ жилыхъ помѣщеній на два года съ лишимъ.

Берега Новой Земли очень богаты наноснымъ сибирскимъ лѣсомъ. Лѣсъ этотъ рѣками выносится изъ глубины Сибири, затѣмъ носится по океану и волной выбрасывается на берега. Попадаютъ очень крупныя деревья съ корнями до 7—8 сажень длиною и до полутора аршинъ въ обхватѣ. Вечеромъ всѣ сидѣли и подгоняли лыжи, мѣняли ремни и натирали полозья воскомъ. Натертые воскомъ лыжи скользятъ гораздо лучше и къ нимъ не пристаеетъ мокрый снѣгъ.

Сегодня же разобрали часть библіотеки, но содержаніемъ ея остались мало довольны. Мы просили Суворина дать намъ побольше классическихъ вещей и поменьше пинвертоновщины. Повидимому, насъ не поняли и, дѣйствительно, дали намъ классическія вещи, но только древне-римскихъ классиковъ. Думаю, что въ крайности и они будутъ нами прочитаны.

17 сентября. Сегодня въ 8 часовъ утра 17° мороза, чудный дивный день. Полный штиль. Солнце свѣтитъ во всю и далеко,—далеко на горизонтѣ вырисовываются вершины горъ, гордо подымаясь надъ снѣжной долиной ледяного покрова.

Послѣ чаю снова принялись за разборку аппаратовъ и инструментовъ. Всѣ мои лабораторныя принадлежности, благодаря тща-

тельной укупоркѣ, прибыли въ полномъ порядкѣ, хотя я все время беспокоился, что часть погибнетъ послѣ перенесенныхъ нами штормовъ и ледяныхъ напоровъ.

Въ 11 часовъ утра меня позвалъ въ свою каюту Сѣдовъ и сказалъ, что сегодня не мѣшало бы выпить, какъ слѣдуетъ, такъ какъ сегодня 17 число, день Софіи, Вѣры, Надежды и Любви: жена его именинница, а также, по всей вѣроятности, у каждого изъ насъ найдутся родственники, носящія эти имена, а посему какъ это водится на родинѣ, можно провести настоящій день въ весельѣ, за дружеской бесѣдой.

Всѣ мы позабыли про этотъ день, такъ какъ въ это путешествіе насъ мало интересовали числа. Вообще теперь насъ совершенно не интересуютъ ни календарь, ни деньги и, послѣднія въ особенности. Какъ пріятно не знать, что такое деньги. Все есть и думать о нихъ не приходится, а вѣдь сколько тревоженій и непріятностей приходится людямъ испытывать изъ за нихъ.

Я передалъ Сѣдову, что пирушка будетъ приготовлена, но что пока я буду держать все въ секретѣ, чтобы неожиданностью поразить всѣхъ. Къ обѣду столъ накрыли бѣлой скатертью, поставили закуски, бутылку коньяку, бутылку водки и бутылку шампанскаго. Столъ ломился отъ изобилія закусокъ. Члены каютъ-компаніи, проходя мимо стола, невольно останавливались и говорили: «сегодня съ докторомъ что то случилось, ничего не жалѣетъ и, повидимому, задаетъ пиръ, а по какому случаю,—не знаемъ». На всѣ вопросы я не давалъ прямого отвѣта и, когда ко мнѣ особенно начали приставать, то я имъ сказалъ, что все это повидимому мало устраиваетъ компанію и даже беспокоитъ, а потому я призову человѣка и прикажу все убрать. Послѣ моего заявленія всѣ примолкли и только шептались по угламъ. Ровно въ 12 часовъ, безъ всякаго предупрежденія, уже всѣ сидѣли за столомъ. Это особенно замѣтно, ибо въ мирное время приходится по два, по три раза звать къ обѣду. Какъ только сѣли за столъ я налилъ всѣмъ коньяку, всталъ и напомнилъ имъ о томъ, что сегодня день нашихъ русскихъ женщинъ, имена которыхъ вмѣщаются въ себѣ всѣ лучшія, драгоценныя понятія и стремленія нашей жизни, и что сегодня, навѣрно, у каждого изъ насъ имѣется именинница и что между присутствующими за столомъ есть одно лицо, болѣе всѣхъ заинтересованное въ торжественномъ празднованіи этого дня, это лицо—начальникъ экспедиціи, Сѣдовъ, а потому я попросилъ бы выпить за здоровье его супруги. Всѣ конечно дружно присоеди-

лись къ моему тосту и рѣшили на дѣлѣ доказать свою солидарность со мной: выпить по рюмкѣ за каждую именинницу каждого члена экспедиціи. Затѣмъ стали чокаться, придираясь ко всякому случаю: одинъ изъ членовъ экспедиціи серьезно заявилъ, напримеръ, что онъ твердо помнитъ, какъ въ дѣтствѣ ему рассказывалъ дѣдушка, что его прабабушку звали, кажется, Надеждой, а потому попросилъ выпить и за Надежду, что мы охотно исполнили, найдя тоже блистательнымъ... Когда подъ конецъ обѣда подали шампанское, то всѣ, какъ одинъ, заявили, что послѣ обѣда необходимо, по всѣмъ правиламъ, во имя высшей справедливости, меня качать. Обѣдъ былъ праздничный, а потому я, въ видѣ сюрприза, приготовилъ холодное изъ медвѣжьихъ лапъ, которое очень понравилось и было съѣдено съ большимъ аппетитомъ. На сладкое были поданы фруктовые консервы, какао, консервированное молоко и конфеты. Всѣ были сильно на веселѣ, несмотря на то, что выпили сравнительно мало. Все это мнѣ напомнило маленькую кутящую студенческую компанію, гдѣ зачастую бываетъ больше оживленія и даже шума, чѣмъ пьянаго дѣла. Въ общемъ настроеніе было особенно хорошее. Обѣдали вмѣсто положеннаго часа — 4 часа. Командѣ тоже дали по чаркѣ водки, сладкое и конфеты.

Вечеръ всецѣло былъ посвященъ воспоминаніямъ о нашихъ близкихъ и родныхъ. Всѣ мысленно переносились въ свои семьи и этотъ день провели особенно хорошо. У насъ хотя и нѣтъ большого комфорта, но все же въ нашей тѣсной семьѣ чувствовался и уютъ, даже своеобразная прелесть. За вечернимъ чаемъ разговорились и каждый спѣшилъ повѣдать сотоварищамъ, гдѣ онъ обыкновенно проводилъ этотъ день и гдѣ теперь могутъ быть его родные и знакомые. Послѣ чая играли, пѣли, а подъ конецъ настолько расчувствовались и немножко раскисли, что начали объясняться другъ другу въ любви и разошлись по каютамъ только въ 2 часа.

18 сентября. Сегодня особенно долго спали и проснулись только въ 10 часу, напились чаю, а затѣмъ каждый принялся за свою работу. Механикъ съ помощникомъ раскупорили печные принадлежности и подготавливали дымовыя трубы.

Такъ, какъ всѣ наши постройки были выброшены за бортъ, то придется волей-неволей зимовать на суднѣ, хотя судно къ зимовкѣ совершенно не приспособлено. Судно обшито только съ внутренней и съ наружной стороны досками, а въ серединѣ пустое пространство, и я думаю, что особенно тепло въ немъ не будетъ. Угля у насъ слишкомъ мало, а потому топить будемъ плавникомъ,

котораго въ этихъ мѣстахъ, къ счастью, очень много. Пекарню думаемъ устроить либо въ одномъ изъ желѣзныхъ баковъ въ трюмѣ, либо въ банѣ. Сегодня температура на воздухѣ—19°2. Въ каютахъ тепло, такъ какъ пока продолжаемъ поддерживать паръ въ котлахъ; но какъ только погасимъ топки, навѣрно познакоимся и съ холодомъ. На воздухѣ низкая температура почти не чувствуется, и можно оставаться въ такихъ костюмахъ, въ какихъ обыкновенно ходимъ въ южной полостѣ Россіи осенью. Несмотря на морозы, вода не замерзаетъ и, что особенно интересно, не смерзаются отдѣльныя льдины. Вокругъ судна, куда ни посмотришь, вездѣ видна бѣлая неровная снѣжная поверхность, часто попадаются льдины, покрытыя кусками айсберговъ, почему ледяной покровъ и шероховатъ и разной толщины. Каналы между льдинами занесены снѣгомъ и, попадая въ нихъ, часто проваливаешься. Не проходитъ и дня, чтобы кто-нибудь не провалился. На суднѣ пока полный беспорядокъ: все изъ трюма выброшено на палубу, во всѣхъ каютахъ грязь и холодъ, такъ какъ постоянно отворяютъ двери и забываютъ закрывать ихъ: посреди каютъ-компаніи наваленъ кирпичъ и стоитъ чугунная норвежская печь.

Послѣ обѣда Визе и Павловъ ушли на глетчеръ. Пинегинъ ушелъ въ бухту рисовать айсберги, Сѣдовъ занялся вычисленіемъ долготы и широты мѣста нашей стоянки, а я ушелъ въ штурманскую каюту заканчивать съемку шкурокъ остальныхъ убитыхъ птицъ.

Въ 12 часовъ возвратились изъ путешествія Визе и Павловъ. Устали они отчаянно и сильно проголодались. У насъ теперь заведенъ такой порядокъ, что кто опоздаетъ къ обѣду, тотъ лишается его, но я сжалился надъ опоздавшими и покормилъ ихъ. Сегодня на ночь я рѣшилъ наполнить кадушку водой и пустить туда плавать двухъ пойманныхъ люриковъ. Имъ въ каютахъ жарко и они часто открываютъ роты. Думаемъ, что на воздухѣ они будутъ себя чувствовать, какъ дома и немного отойдутъ.

19 сентября. Сегодня штурманъ поднялъ насъ въ 6 часовъ утра, чѣмъ всѣ были довольны. Я лично тоже не имѣлъ ничего противъ, такъ какъ начиналась моя вахта, и въ 8 часовъ мнѣ надо было производить метеорологическія наблюденія. Павловъ такъ и не всталъ, за что лишился чая. Работали цѣлый день въ трюмѣ: мука немного подмокла и ее пришлось перекладывать.

Механикъ устанавливалъ въ каютѣ печку. Утромъ я пошелъ провѣдать своихъ птичекъ, но оказалось, что онѣ погибли: вода

въ кадушкѣ замерзла, а вмѣстѣ съ ней замерзли и мои питомцы. Я отъ души пожалѣлъ ихъ, хотя, конечно, это имъ не могло уже помочь. Лучше бы сидѣли онѣ въ каютѣ и отрывали ротики. Послѣ чая Сѣдовъ съ Визе отправились на островъ, чтобы выбрать тамъ мѣсто для постановки астрономическаго знака. Къ обѣду они опоздали и пришли только во второмъ часу. Сѣдовъ на обратномъ пути провалился по поясъ, и ему пришлось переодѣваться. Послѣ обѣда они занялись вычисленіемъ широты и долготы мѣста нашей зимовки, а я съ Пинегинымъ пошелъ на лыжахъ бродить по бухтѣ. Теперь ледъ настолько крѣпокъ, что путешествіе на лыжахъ не представляется опаснымъ. Пошли мы въ нашему айзбергу, который стоитъ у судна, съ тѣмъ, чтобы его снять. Мнѣ хотѣлось во что бы то ни стало взобраться на него, и я съ большимъ трудомъ вскарабкался на двѣ трети его вышины. Ледъ очень скользкій и нѣтъ никакихъ уступовъ. Внизу полынья еще не особенно замерзла, и можно было каждую минуту ожидать, что, сорвавшись, попадешь въ нее и, конечно, выкупаешься съ головой. Пинегинъ сдѣлалъ нѣсколько снимковъ, пока я взбирался на айзбергъ. Въ 4 часа пошли въ каюту проявлять съ нимъ пластинки. Снимки производились цвѣтной фотографіей, и удались они идеально. Собака, ушедшая съ судна, до сихъ поръ не является и все бродитъ вокругъ и только ночью приходитъ и подбираетъ остатки пищи, выбрасываемые за бортъ.

Сегодня рѣшили со штурманомъ отправиться на охоту на острова, чтобы добыть звѣря, такъ какъ намъ нужно подкормить собакъ, которыя очень исхудали, а между тѣмъ галеты надо приберегать для экскурсій. Въ 10 часовъ всѣ разошлись по каютамъ. Кругомъ тишина. Слышны только шаги вахтеннаго матроса, и они раздражаютъ насъ отчаянно, такъ какъ матросъ вздумалъ маршировать какъ разъ надъ нашими головами—на мостикѣ. Капитанъ послалъ другого матроса, чтобы онъ передалъ вахтенному распоряженіе перейти на палубу.

Поднялись по обыкновенію въ 7 часовъ и напились чаю. На столѣ лежалъ журналъ приказовъ. Сѣдовъ написалъ приказъ о томъ, что мы остаемся зимовать на мѣстѣ нашей стоянки у полуострова Панкратьева, въ бухтѣ, названной имъ «Св. Фока». Въ другихъ приказахъ на каждого изъ насъ возлагались имъ извѣстныя обязанности. На меня возложена вся продовольственная и хозяйственная часть, а также завѣдываніе естественно-научной частью; на Павлова—геологическая, на Визе—гидро-метеорологи-

ческая и т. д. Мнѣ пришлось первымъ дѣломъ подумать о томъ, какъ бы поскорѣе разобраться съ провизіей, разложить ее по мѣстамъ и разсорттировать. Въ трюмѣ все такъ навалено, что ничего не разберешь и ни къ чему не доберешься. Мнѣ предстоитъ сдѣлать опись всей провизіи, а затѣмъ выработать, сообразно съ имѣющимся запасомъ, пищевую норму съ расчетомъ на два съ половиною года.

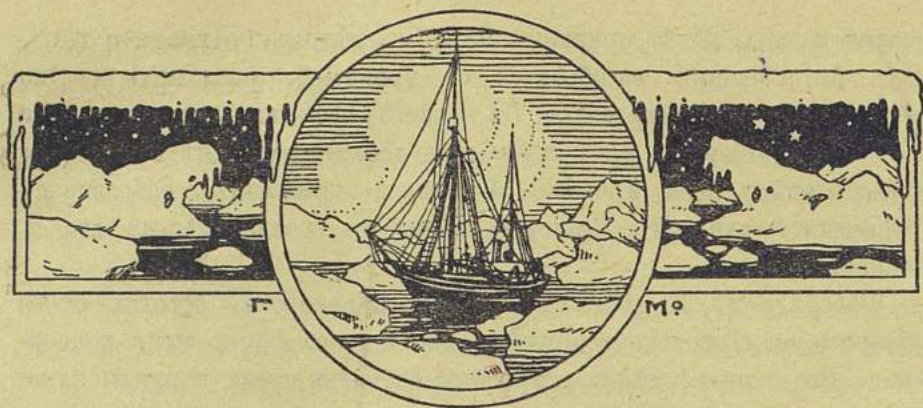
Работали цѣлый день. Къ моему прискорбію, сегодня снова обнаружено нѣсколько вскрытыхъ ящиковъ съ фруктовыми консервами. Все это—продѣлки матросовъ: очевидно среди команды находятся лица, занимающіяся воровствомъ, и работаетъ, повидимому, не одинъ, а нѣсколько человекъ. Надо съ этимъ покончить. Думаю въ трюмѣ оставить одинъ ходъ, другой же съ носовой части наглухо заложить галетами для собакъ и крупы. Работа подвигается быстро. Искали все время фонарей, лампъ и кухни Нансена, но ничего этого не нашли. Не нашли также ни одного чайника, ни одной походной кастрюли. Сѣдовъ говоритъ, что все это было заказано, но, по всей вѣроятности, не выслано. Примусовъ всего взято два и притомъ очень низкаго качества. Пришлось убѣдиться, что въ этомъ отношеніи мы будемъ страшно нуждаться. Сейчасъ уже мы пользуемся кухонной посудой судовладельца Дикина. Вся провизія укупорена невозможнымъ образомъ: сухари въ мѣшкахъ и въ рогожныхъ куляхъ и часть ихъ, такъ же, какъ и мука, подмокла.

Визе устанавливалъ метеорологическія будки, а Сѣдовъ сооружалъ астрономическій знакъ и часть знаковъ, необходимыхъ для съемки мѣстности.

Къ вечеру всѣ устали и уже въ 10 часовъ разошлись по каютамъ. Я съ штурманомъ рѣшили къ 12 часамъ завтрашняго дня постараться закончить разборку провизіи, а затѣмъ снаряжаться въ экскурсію на острова.

Матросу Шестакову я приказалъ собрать гарпуны, отточить ихъ и приготовить гарпунный шестъ.

Г Л А В А XII.

Наша экскурсія на Понкратьевыхъ островахъ. Первая ночевка въ палаткѣ. Мы ставимъ знаки. Приходъ медвѣдя. Охота собакъ на леминговъ. Возвращеніе на судно.

УТРОМЪ 21 сентября меня поднялъ штурманъ въ 5 часовъ съ тѣмъ, чтобы поскорѣ закончить работы въ трюмѣ. Съ 6 часовъ утра работа закипѣла. Къ 12 часамъ мы, дѣйствительно, успѣли все разобрать. Къ этому времени въ трюмъ спустился самъ Сѣдовъ, все осмотрѣлъ и остался доволенъ.

Послѣ обѣда начали снаряжаться въ дорогу. Прежде всего были разобраны походныя палатки; ихъ оказалось три.

Одна изъ нихъ полюсная—на четыре человѣка; вторая—командная—на 10 человѣкъ, вѣсомъ около двухъ съ половиною пудовъ; третья палатка—офицерская, еще тяжелѣе. Полюсную палатку Сѣдовъ особенно бережетъ, такъ какъ другихъ маленькихъ палатокъ нѣтъ, брать же съ собою большую палатку не приходится, потому что ее надо устанавливать не меньше часа и она слишкомъ тяжела, что особенно накладно, когда все приходится самому тащить, а безъ палатки идти невозможно, ибо негдѣ ночевать.

Сѣдовъ предложилъ разбить всѣ три палатки на льду и осмотрѣть. Когда палатки были разбиты и Сѣдовъ увидѣлъ, что большими палатками пользоваться невозможно для такихъ экскурсій, то предложилъ взять полюсную палатку, испытать ее, а затѣмъ выска-

затѣ свои соображенія относительно ея пригодности и удобства. Большую палатку рѣшили разрѣзать на двѣ части и спать двѣ.

Съ нами собирався идти Пинегинъ, но затѣмъ раздумалъ и присоединился къ Павлову, который отправлялся съ другой партіей въ Архангельскую губу къ норвежскому домику. Тамъ они должны были построить рядъ знаговъ, а затѣмъ уже долженъ былъ пойти туда самъ Сѣдовъ и произвести съемку Горбовыхъ острововъ.

Когда вопросъ съ палатками былъ разрѣшенъ, мы начали готовить провизію. Останавливаясь долго не приходилось, и мы рѣшили взять самое необходимое. Уложили провизію съ расчетомъ на 5 дней. Сахару взяли 5 фунтовъ, чаю восьмую фунта, сухарей 20 фунтовъ, какао полфунта, консервовъ Вихорева (борщъ) 15 фунтовыхъ банокъ, 5 фунтовъ соленой трески и затѣмъ соли. Изъ посуды взяли чайникъ, кастрюлю, три кружки, ложки, примусъ и 10 фунтовъ керосина. Изъ одежды одну малицу, два совика, пимы (мѣховые сапоги). Изъ оружія—двѣ винтовки, одну рогатину и гарпунъ съ принадлежностями. Все это нужно будетъ уложить на нарту (узкія длинныя и легкія сани) и двигаться въ путь.

Сѣдовъ просилъ насъ, въ свободное отъ охоты время, на мысахъ соорудить три знака и этимъ облегчить ему работу. Въ 11 часовъ легли спать.

22 сентября. Встали въ 5 часовъ утра. Ночь я провелъ тревожно. Все думалъ какъ бы чего не забыть. Въ 6 часовъ утра Сѣдовъ послалъ двухъ матросовъ на Южно-Крестовые острова, поручивъ имъ выстроить на выдающемся мысу знакъ. Знаки обыкновенно ставятся изъ мѣстнаго плавника и почти на полтора аршина обкладываются камнями. Это дѣлаютъ для того, чтобы во время сильныхъ выюгъ ихъ не повалило. Къ 7 часамъ утра всѣ наши вещи были уложены на нарту. Вѣсъ нарту съ провизіей равнялся приблизительно 6—7 пудамъ. Когда все было готово, мы простились съ Сѣдовымъ и другими членами каютъ-компаніи и просили, чтобы за нами прислали другую партію, въ случаѣ, если бы мы не вернулись черезъ двѣ недѣли. На всякій случай взяли съ собой трехъ собакъ и привязали ихъ къ нартѣ. Нарту собаки тащили хорошо. Такъ какъ путь былъ тяжелый, то пришлось каждому изъ насъ по очереди впрягаться въ нарту и помогать собакамъ тащить ее. Много собакъ мы не взяли, такъ какъ не знали, насколько онѣ будутъ пригодны.

Какъ только зашли за мысъ, матросъ Шестаковъ заявилъ, что онъ забылъ взять съ собой сумку съ патронами. Я пробралъ его

за халатность и послалъ за ними. Черезъ полчаса онъ былъ уже у нарты.

Островъ Панкратьевъ, куда мы шли, лежалъ въ семи-восьми верстахъ отъ судна по прямому пути, или же верстахъ въ 18, если идти къ нему вдоль берега. Прямой путь насъ больше прельщалъ, но мы боялись имъ воспользоваться, такъ какъ льды хотя и стали и смерзлись, но ихъ могло еще отводить, вслѣдствіе чего мы рисковали очутиться на льдинѣ и быть унесенными въ море. Другой путь, вдоль берега, хотя и гораздо длиннѣе, но менѣе опасенъ, почему и рѣшили избрать его. Дорога была сносная. Тамъ и сямъ попадались медвѣжьи слѣды, довольно свѣжіе. По дорогѣ къ намъ пристали еще двѣ собаки, убѣжавшія съ судна. Мы ихъ сперва отгоняли, такъ какъ на ихъ долю не прихватили провизіи, но такъ какъ собаки не уходили, то мы въ концѣ концовъ рѣшили поймать ихъ и припречь. И эти двѣ собаки работали сносно, хотя и приходилось ихъ часто подгонять.

Прошли вдоль берега верстъ семь, при чемъ все время по очереди помогали собакамъ тащить нарту.

У мыса остановились и рѣшили поворотить прямо на островъ и этимъ сократить путь. Оставалось верстъ пять, и это разстояніе мы думаемъ къ вечеру пройти.

Погода все время была дивная, и мы хотя медленно, но все же подвигались впередъ. Отойдя шаговъ двѣсти по прямому направленію, встрѣтили значительное количество торосовъ. Путь сталъ труденъ, и приходилось затрачивать много времени и силъ для того, чтобы перетаскивать черезъ нихъ нарту. Собаки страшно устали и почти выбились изъ силъ, а тутъ еще стали попадаться значительныя трещины, и мы начали проваливаться. Нарта то и дѣло опрокидывалась и ее все время приходилось подымать. Такое положеніе намъ не нравилось, и мы рѣшили, что одному надо идти впереди съ топоромъ и расчищать путь, другому тащить вмѣстѣ съ собаками нарту, а третьему подталкивать ее, подгонять собакъ и недопускать нарту опрокидываться. Впереди пошелъ штурманъ, который все время выбиралъ путь и скалывалъ торосы, а я съ матросомъ по очереди тащили нарту и подталкивали ее сзади. Дѣло пошло успѣшнѣе, что дало намъ надежду скоро добраться до острова. Чѣмъ дальше, тѣмъ путь былъ труднѣе: нарта опрокидывалась почти каждыя пять минутъ и намъ приходилось часто останавливаться. Въ 5 часовъ вечера мы были на полпути къ острову.

Остановились, чтобы отдохнуть и съѣсть по плиткѣ шоколаду, заѣдая ее снѣгомъ.

Какъ только закончили нашъ несложный завтракъ, рѣшили идти дальше.

Впереди я замѣтилъ двухъ бѣлыхъ животныхъ, перепрыгивавшихъ съ тороса на торосъ. Направленіе держали къ намъ. Никто изъ насъ ни на минуту не сомнѣвался, что это были бѣлые медвѣди. Мы живо схватили ружья, вскочили на высокій торосъ и рѣшили выжидать нападенія. Было довольно темно, но мы всё видѣли, что животныя приближаются къ намъ. Надо было представить наше удивленіе и досаду, когда мы увидѣли передъ собой двухъ нашихъ бѣлыхъ собакъ. Мы выругались и рѣшили, что это какое-то навожденіе, такъ какъ никакъ не ожидали въ этихъ мѣстахъ встрѣтить собакъ.

Чтобы выяснитъ наше удивленіе, мы поднялись на торосъ и начали смотрѣть въ бинокль. Немного въ сторонѣ мы увидѣли двухъ матросовъ, которые шли къ судну. Матросовъ мы не ожидали, ибо посланные утромъ должны были идти въ другомъ направленіи. Не попали ли они по ошибкѣ на Панкратьевъ островъ? Собакъ мы отогнали и сами пошли дальше. Часовъ въ 7 съ половиной мы подошли къ берегу, при чемъ пересѣкли слѣды возвращавшихся матросовъ.

Впереди на горѣ мы увидѣли только что сложенный знакъ. Не было сомнѣнія, что наши предположенія относительно матросовъ были правильны.

Около 8 часовъ вечера мы вступили на берегъ и тотчасъ же поставили палатку, зажгли примусъ и начали готовить обѣдъ. Бѣтъ особенно не хотѣлось, но зато жажда была отчаянная. Устали мы порядочно. Пока готовили обѣдъ, я со штурманомъ пошелъ по берегу искать плавника. Нашли нѣсколько бревенъ, принесли къ палаткѣ и разложили костеръ. Собаки подошли къ костру и улеглись на подвѣтренной сторонѣ. Къ 9 часамъ былъ готовъ обѣдъ, и мы пошли его уничтожать. Черезъ 10 минутъ собаки подняли страшный лай, и когда мы выскочили, то увидѣли, какъ наши 5 собакъ раздѣлываютъ шестую.

Оказалось, что одна изъ прогнанныхъ нами собакъ возвратилась, что не понравилось нашимъ собакамъ. Собакъ разогнали и пострадавшую собаку пришлось взять въ палатку, такъ какъ ей досталось порядочно. Послѣ обѣда накормили собакъ и начали готовиться ко сну. Сняли сапоги, одѣли пимы и малицы и улег-

лись всё рядомъ. Примусъ нагрѣлъ воздухъ въ палаткѣ и не смотря на то, что было 18° мороза, намъ было тепло. Ружья зарядили и положили каждый около себя. Моя офицерская малица мнѣ была тѣсна, особенно воротникъ, почему я отдалъ ее матросу, по комплекціи вдвое меньшему меня и самъ залѣзъ въ его совику. Палатку разбили на камняхъ, вслѣдствіе чего спать было очень скверно—камни давили въ бока, да голова была очень низко. Пришлось ночью встать, взять сапоги и подложить ихъ подъ голову. Ворочался я очень часто, такъ какъ къ такимъ удобствамъ не привыкъ, но усталость взяла свое и подъ утро я хорошо заснул.

Проснулся я въ 6 часовъ утра отъ сильнаго холода. Бока настолько болѣли, что трудно было поворачиваться. Я думаю, что послѣ нѣсколькихъ такихъ ночей они перестанутъ болѣть, ибо должны же они когда-нибудь привыкнуть. Подыматься не хотѣлось, такъ какъ мы всё знали, что намъ придется раздѣваться и испытать еще болѣйшій холодъ. Полежавъ съ четверть часа, мы поднялись и зажгли примусъ. Набрали въ кастрюльку снѣга, поставили на примусъ и рѣшили напиться чаю. Когда я вышелъ на воздухъ, то морозъ показался отчаяннымъ. Собаки, прижавшись другъ къ другу, лежали возлѣ погасшаго костра. Въ 8 часовъ утра напились чаю, а затѣмъ, собравъ палатку и уложивъ все на нарту, двинулись впередъ. Собаки потащили нарту бодро, такъ какъ повидимому хотѣли согрѣться.

Черезъ часъ мы подошли къ мысу, на которомъ Сѣдовъ просилъ поставить насъ знакъ. Вкругомъ на горизонтѣ, со стороны моря, виднѣлись сплошные льды, а поэтому нельзя было ожидать появленія медвѣдей и морского звѣря, что было не особенно пріятно, такъ какъ корма мы взяли только для трехъ собакъ, а у насъ ихъ шесть, и вся надежда теперь только на охоту. Нарту съ собаками мы оставили внизу, а сами начали выбирать изъ плавника хорошее бревно для того, чтобы соорудить знакъ. Недалеко отъ нашей остановки лежало 9-аршинное бревно. Мы на немъ остановились и начали отесывать съ 4 сторонъ. Пока бревно тесали, я принесъ два небольшихъ бревнышка. Рѣшили сдѣлать крестъ, на немъ выжечь надпись, для чего и развели костеръ. На одной сторонѣ креста, обращенной къ морю, я выжечь: «сооруженъ 19²³/₉ 12 г. охотничьимъ отрядомъ подъ командой П. Кушакова», а на другой сторонѣ креста: «Экспедиція лейтенанта Сѣдова къ Сѣверному полюсу». Когда все было готово, потащили крестъ

втроемъ на гору. Тащить было ужасно тяжело. Снѣгъ обваливался подъ ногами, и на половинѣ подъема я поскользнулся и покатился внизъ; штурманъ съ матросомъ едва удержались на ногахъ и предупредили катастрофу, а иначе я былъ бы подъ крестомъ. Съ большимъ трудомъ втащили наконецъ крестъ на гору. Съ четырехъ сторонъ прибили подпорки и обложили на полтора аршина вверхъ камнями, на что пошло много времени. Знакъ сложили такъ крѣпко, что его никакимъ штормомъ, я думаю, не свалить.

Знакъ на мысѣ Панкратѣева острова.

На сѣверѣ промышленники на всѣхъ своихъ остановкахъ часто сооружаютъ такіе кресты и ихъ въ большомъ количествѣ можно видѣть на южномъ берегу Новой Земли. Мы рѣшили послѣдовать ихъ примѣру и ставить такіе же знаки. Поставивъ знакъ, спустились внизъ. На берегу было очень много плавнику. Лежитъ онъ не только на самомъ берегу, но и дальше, сажень на 15 — 20, вглубь. Теперь можно себѣ представить, какіе бываютъ въ этихъ

мѣстахъ штормы, когда деревья длиною въ 12—15 аршинъ выбрасываетъ на такое разстояніе. Мы находили полусгнившія бревна на три четверти своей толщины зарытыми въ землю на высотѣ около 6 сажень надъ уровнемъ моря и въ разстояніи около ста сажень отъ берега. Я думаю, что это можно объяснить поднятіемъ берега Новой Земли, такъ какъ на такое разстояніе и высоту волна не можетъ выбросить лѣсъ.

Закончивъ сооруженіе знака только въ 6 часовъ вечера, рѣшили дальше не двигаться, а поставить палатку и здѣсь же ночевать. Палатку живо поставили и начали готовить обѣдъ и чай. Слабый сѣверо-восточный вѣтеръ началъ усиливаться и, чтобы нашу палатку не сорвало и ночью не унесло, мы рѣшили палаточные кольца укрѣпить большими бревнами изъ плавника. Когда все было готово, пообедали, переодѣлись и легли спать. Вѣтеръ все разгрызался и дошелъ до такой силы, что въ палаткѣ вверху, несмотря на двойной ея покровъ, (наружная сторона палатки была шелковая, а внутренняя изъ легкаго синяго сукна) свободно гулялъ вѣтеръ. Морозъ дошелъ до 22° и такъ было холодно, что первое время мы никакъ не могли согрѣться. Всю ночь ворочались, прижимались другъ къ другу, но все же не спали. Ночь была ужасная. Такого холода я еще никогда не испытывалъ. Въ малицахъ спать холодно. Думаю, что спальные мѣшки были бы гораздо лучше, но у насъ на суднѣ ихъ только два, и тѣ сохраняются для похода къ полюсу.

Встали рано, около 4-хъ часовъ утра, и сейчасъ же зажгли примусъ, чтобы немного согрѣться. Собаки страшно мерзли и когда я вышелъ изъ палатки, то онѣ лежали другъ на другѣ у самаго входа. Мнѣ стало ихъ жалъ и я всѣхъ ихъ пустилъ въ палатку, что имъ очень понравилось, и они начали ласкаться. Примусъ разжигали около часа, что всѣхъ насъ буквально вывело изъ терпѣнія. Когда, наконецъ, примусъ загорѣлся, мы обступили его кругомъ и начали грѣть руки. Собаки окружили насъ и все время прижимались къ намъ.

Черезъ часъ воздухъ немного въ палаткѣ согрѣлся, мы вскиятили чай, напились и выползли изъ своей берлоги. Вокругъ палатки на полъ-аршина панесло снѣга.

Шагахъ въ 200 отъ палатки со стороны моря мы замѣтили свѣжій медвѣжій слѣдъ. Повидимому медвѣдь не рискнулъ подойти ближе и рѣшилъ возвратиться обратно. Побродивъ немного вблизи палатки, мы всѣ возвратились обратно, собрали ее, уложили на

нарту и въ 10 часовъ пошли дальше. Какъ только двинулись, я указалъ спутникамъ мысъ, на которомъ мы должны поставить знакъ, а потому и просилъ ихъ идти прямо туда и тамъ остановиться, ибо постановка знака займетъ не меньше 4—5 часовъ и намъ придется на томъ же мѣстѣ ночевать. Самъ же я пошелъ въ глубь острова.

Островъ, низменный и пустынный, покрытъ камнями съ пескомъ и очень бѣденъ растительностью; лишь кое-гдѣ встрѣчаются мохъ, цвѣточки и лишайники.

Сейчасъ островъ угрюмъ, покрытъ снѣгомъ и только мѣстами на немъ видны черные обнаженные камни. Въ морѣ, на сколько видить глазъ, стоятъ льды самыхъ причудливыхъ формъ. Тамъ и сямъ видны вершины айзберговъ, которые, видѣлаясь своимъ синнимъ цвѣтомъ на сѣро-бѣловатомъ фонѣ ледяной пустыни, оживляютъ картину.

Вблизи берега тянутся ледяные валы, получившіеся отъ сильнаго нажиманія и выбрасыванія ледяныхъ полей однихъ на другія. Мѣстами видны темные каналы, покрытые свѣжимъ тонкимъ льдомъ и придающіе всей картинѣ узорчатый видъ. Это самыя опасныя мѣста для переходовъ, въ особенности если обильно выпавшій снѣгъ, ихъ прикроетъ. Занесенные снѣгомъ, каналы не видны, и довѣрчивый путникъ, шагнувъ въ такую западню, неминуемо проваливается. Одно или нѣсколько купаній въ такихъ мѣстахъ учааетъ быть внимательнымъ и осторожнымъ. Мѣста эти очень характерны, представляютъ изъ себя совершенную равнину и, подходя къ нимъ, приходится быть особенно осторожнымъ и, по возможности, обходить ихъ.

Съ возвышенной части острова тамъ и сямъ видны полыньи, которыя быстро увеличиваются, соединяются между собою, образуютъ цѣлыя озера, рѣки, а затѣмъ также быстро снова затягиваются, чтобы снова появиться гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Особенно это рѣзко замѣтно при началѣ отлива. Кругомъ тихо, морозъ трещитъ и слышенъ шумъ отъ ледяныхъ напоровъ и отъ образованія трещинъ среди льдовъ. Низко на горизонтѣ видно солнце, которое въ это время года уже рѣдкій и недолгій гость. Подымается оно теперь въ 10—11 часовъ утра и заходитъ уже въ часъ дня. Вдали бѣлѣютъ вершины горъ Новой земли, кругомъ разбросаны острова и всѣ они покрыты снѣгомъ. Все дышетъ какой то таинственностью и не вѣрится что эта осенняя тишина можетъ нарушиться весной, что снова закипитъ море, разорветъ могучіе льды и отнесетъ ихъ

далеко, а съ ними умчимся и мы. Снова все оживетъ и грозная стихія—море перенесетъ и пасъ въ новыя страны, гдѣ не одинъ путникъ нашелъ уже свой, хотя и холодной, но славный покой.

Съ такими мыслями я незамѣтно подошелъ къ мысу, на которомъ уже стояли мои спутники и направился вмѣстѣ съ ними къ тому мѣсту, гдѣ слѣдовало поставить знакъ. Шли мы часа два. Собаки тащили нарту съ большимъ трудомъ, такъ какъ ночью нанесло большіе сугробы снѣга, которые очень затрудняли путь. Тотчасъ по приходѣ начали искать плавникъ для знака и сооружать его. Камней вблизи было мало и пришлось таскать ихъ шаговъ за двѣсти. Это замедляло нашу работу, и мы закончили ее только къ 10 часамъ вечера, а затѣмъ спустились внизъ, выбрали подъ утесомъ мѣсто, защищенное отъ вѣтровъ, разбили палатку и начали готовить обѣдъ.

Къ 11 часамъ мы пообѣдали, напились чаю и легли спать. Въ виду того, что мы прошлую ночь слишкомъ мерзли, рѣшили теперь взять въ палатку одну собаку, прозванную нами Варнакомъ, и положили ее у своихъ ногъ. Больше всего у меня мерзли ноги, почему я и спалъ плохо. Теперь Варнакъ долженъ былъ согрѣвать. Закутавшись въ свои малицы, мы легли и скоро уснули.

25 сентября. Проснулись довольно поздно. Спали хорошо, что объясняется тѣмъ, что палатку мы разбили на ровномъ снѣгу, и наши бока не давили камни.

Варнакъ былъ видимо доволенъ нашимъ приглашеніемъ и оправдалъ обѣщанное ему довѣріе. Всю ночь онъ лежалъ у моихъ ногъ и, когда утромъ надо было подняться, то ему очень не хотѣлось уходить со своего мѣста. Остальнымъ собакамъ это не нравилось, и утромъ онѣ, когда услышали нашъ разговоръ, начали показывать свои морды въ палатку. Варнакъ только ворчалъ, и когда одна изъ собакъ вошла въ палатку, онъ бросился къ ней, повалилъ и началъ драть и только тогда успокоился, когда она ушла. Вообще это одинъ изъ самыхъ умныхъ нашихъ псовъ; онъ крѣпокъ, силенъ, красивъ, хорошо сложенъ и покрытъ чудной длинной золотистой шерстью. Всѣ собаки къ нему относятся съ большимъ уваженіемъ и боятся его. Намъ часто приходилось наблюдать, какъ онъ учинялъ самосуды надъ своими товарищами: стоитъ только двумъ собакамъ подраться, какъ онъ изъ невольнаго наблюдателя превращался въ защитника. При дракѣ двухъ собакъ онъ обыкновенно сидѣлъ и смотрѣлъ, чѣмъ все закончится, и если какая нибудь изъ нихъ брала верхъ и безпощадно рвала противника, онъ,

какъ пуля, срывался, набрасывался на побѣдителя и дѣлалъ съ нимъ, что хотѣлъ. Все было бы ничего, если бы онъ дрался одинъ на одинъ. Но бѣда была въ томъ, что стоило ему наброситься на одну изъ собакъ, какъ всѣ остальные набрасывались на его жертву и начинали немилосердно рвать. Когда каша заваривалась, Варнакъ сейчасъ же отходилъ въ сторону и любовался общей свалкой. Тогда уже намъ приходилось бѣжать на выручку и разгонять

Любимецъ «Варнакъ».

собакъ. Про эти продѣлки Варнака мы узнали только впоследствии и, конечно, при разборѣ дѣла сразу виновнаго отыскивали и достойно наказывали. Наше правосудіе не правилось Варнаку, и онъ пустился на такую хитрость: заваривъ кашу, онъ убѣгалъ далеко отъ палатки, взбирался на горюшку и оттуда уже наблюдалъ, а когда мы подходили къ нему, то онъ, зная, что его ожидаетъ, удиралъ дальше. Въ концѣ концовъ мы отучили его отъ

этихъ продѣлокъ, если ему и удавалось уходить то онъ все равно получалъ должное въ послѣдствіи.

Въ запряжкѣ Варнакъ работалъ добросовѣстно, и горе было той собакѣ, которая тащила нарту рядомъ съ нимъ и фальшивила. Обыкновенно онъ поворачивалъ голову по сторонамъ и слѣдилъ зорко, которая изъ собакъ плохо работаетъ, и если замѣчалъ уклоненіе отъ исполненія своего долга, тутъ же начиналъ драть виновную. Мы пользовались Варнакомъ для выѣздки другихъ собакъ. Лѣнивыхъ собакъ мы ставили рядомъ съ нимъ, и онъ такъ серьезно принимался за воспитаніе лѣнтяевъ, что намъ не приходилось ихъ даже бить, а наоборотъ время отъ времени приходилось защищать.

Какъ только мы проснулись, рѣшили сейчасъ же напиться чаю. Зажгли примусъ, наполнили чайникъ снѣгомъ и начали грѣть воду. Варнака выпроводили изъ палатки, и онъ ушелъ съ ворчаніемъ. Пока готовили чай, я взялъ бинокль, вышелъ изъ палатки и началъ осматривать окрестности, не покажется ли медвѣдь. Слѣдовъ медвѣжьихъ на островѣ много, и каждую минуту можно было ожидать появленія звѣря.

Черезъ полчаса, не видя ничего вокругъ, я ушелъ пить чай, но едва сдѣлалъ нѣсколько глотковъ, какъ собаки подняли сильный лай. Предполагая, что все это происходитъ не безъ участія Варнака, я послалъ матроса посмотрѣть, въ чемъ дѣло. Матросъ вышелъ, но сейчасъ же вскочилъ въ палатку и началъ кричать: «медвѣдь, медвѣдь». Мы захватили ружья и быстро выскочили изъ палатки. Собаки гнали Мишку, и мы его увидѣли шагахъ въ 150, удиравшаго уже по льду. Собаки были сзади медвѣдя и мѣшали намъ стрѣлять. На одно мгновеніе медвѣдь остановился и сильно зашипѣлъ. Собаки отскочили, за исключеніемъ Варнака, который продолжалъ осаждать медвѣдя. Воспользовавшись остановкой медвѣдя, мы бросились ему наперерѣзъ. Медвѣдь, видя, что собаки отошли, снова бросился впередъ. Варнакъ началъ его догонять, остальные собаки къ нему присоединились, закрыли медвѣдя и снова помѣшали намъ стрѣлять. Всѣ мы бросились въ разныя стороны и погнались за медвѣдемъ. Гнали его очень долго и, когда потеряли изъ виду, то я взобрался на высокій торосъ и увидѣлъ, какъ всѣ собаки, за исключеніемъ Варнака, повернули обратно. Медведь быстро уходилъ и, подойдя къ полыньѣ, бросился въ нее и поплылъ. Варнакъ остановился въ недоумѣніи, постоялъ у полыни нѣсколько минутъ, залааявъ нѣсколько разъ и повернулъ обратно. Медвѣдя мы больше не видѣли. Если бы всѣ собаки взялись за него дружно,

то медвѣдь не ушелъ бы, и мы смогли бы преградить ему дорогу и убить. Жаль было возвращаться ни съ чѣмъ. По дорогѣ одинъ матросъ провалился, а намъ пришлось сдѣлать большой обходъ, отыскивая лучший путь. Отошли мы отъ берега версты на двѣ, на три и такъ быстро преслѣдовали медвѣдя, что едва дышали. Потъ съ меня лилъ градомъ и все это изъ за скверныхъ ледяныхъ хребтовъ, которыхъ попалось на нашемъ пути очень много и всѣ ихъ приходилось перевалить съ большимъ трудомъ. По дорогѣ меня все время интересовалъ вопросъ, откуда могъ появиться медвѣдь; когда я за три минуты передъ этимъ кругомъ осматривалъ окрестность и ничего не видѣлъ. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, я пошелъ по слѣдамъ медвѣдя и оказалось, что онъ подходилъ къ палаткѣ шаговъ на 60 подъ обрывомъ и, когда онъ выглянулъ и вышелъ изъ подъ обрыва, то его замѣтили собаки и бросились на него. Если бы не было собакъ, то минутъ черезъ пять мы бы его видѣли гостемъ въ своей палаткѣ. Эта исторія показала намъ, что медвѣди очень хорошо подрадываются, но вмѣстѣ съ тѣмъ они же и большіе трусы. Возвратившись обратно, мы рѣшили палатку не убирать, а идти дальше пѣшкомъ на слѣдующій мысъ, верстахъ въ четырехъ—пяти отъ лагерь, чтобы тамъ поставить послѣдній знакъ. На берегу на нашемъ пути встрѣчалось много плавника и костей китовъ. Среди плавника мы находили много бревенъ съ буквами. St.-P, Эти бревна съ завода «Stella Polare». Заводъ этотъ выстроенъ на Печорѣ. Въ прошломъ году тамъ унесло очень много лѣсу, и теперь онъ выброшенъ на берегъ Новой Земли. Встрѣчались доски 2—3 вершковъ толщины съ тѣми же буквами. Этотъ лѣсъ много путешествовалъ, прежде чѣмъ попалъ на берегъ Новой Земли. Мѣстами мы находили куски отъ бортовъ шлюпокъ. По всей вѣроятности, это части или отъ промысловыхъ шлюпокъ, разбитыхъ въ морѣ несчастныхъ рыбаковъ, или остатки старыхъ лодокъ, покинутыхъ промышленниками. На этомъ островѣ выкинуто очень много хорошаго строевого лѣса, изъ котораго можно было бы выстроить довольно хорошую избу. У самаго мыса, куда мы направлялись, мы нашли хорошую доску, сбили крестъ и снесли его на гору. Камня въ этомъ мѣстѣ было очень мало, и укрѣпить знакъ какъ слѣдуетъ мы не могли, а потому рѣшили уйти обратно въ надеждѣ, что этотъ знакъ простоятъ до съемки Сѣдовымъ острова и когда-нибудь позже на этомъ мѣстѣ мы возобновимъ знакъ. Этотъ мысъ выступаетъ въ море и съ морской стороны виденъ съ трехъ сторонъ.

Морозъ доходилъ до 18°, и мы основательно мерзли. Въ пути немного согрѣлись. Мы были обуты въ нимы. Идти приходилось по голымъ камнямъ, такъ какъ предыдущимъ штормомъ снѣгъ смело и камни были обнажены. Эти камни сильно давили на ступни ногъ, и казалось временами, что они цѣликомъ входятъ въ ступни. Ноги стали жестоко болѣть, и только наше терпѣніе помогло намъ добраться до палатки. Къ палаткѣ мы шли по своимъ старымъ слѣдамъ и, какъ только отошли отъ мыса шаговъ 400, замѣтили свѣжій медвѣжій слѣдъ, который шелъ параллельно нашему. Медвѣдь видимо насъ прослѣдилъ и шелъ по нашимъ пятамъ, но затѣмъ почему то поворотилъ и ушелъ въ глубь острова. Слѣды его были такіе крупныя, что я рѣшилъ ихъ измѣрить. Въ длину они имѣли 8 вершковъ и въ ширину 6 вершковъ. Слѣды были величиной буквально съ большое блюдо. Мы пошли по слѣдамъ, но медвѣдь, пройдя островъ въ поперечномъ направленіи, ушелъ на льды, и мы его не видѣли. Только къ 8 часамъ вечера мы добрались до палатки, наскоро приготовили обѣдъ, напились чаю и легли спать. Надо было утромъ подыматься и идти домой, такъ какъ льды не разводило и ожидать медвѣдей мы не могли, ибо кормъ собачій весь вышелъ и сегодня уже мы были вынуждены отдать собакамъ свои сухари. Если бы мы убили медвѣдя, то смогли бы пробыть въ отсутствіи еще недѣли полторы или двѣ, но теперь вынуждены были ни съ чѣмъ возвращаться домой.

26 сентября. Проснулись въ 5 часовъ утра. Вставать не хотѣлось, но сознаніе того, что впереди предстоитъ большой путь и ночью намъ придется идти, заставило насъ быстро подняться и готовиться къ возвратному пути. Ноги мои настолько болѣли, что я не могъ сдѣлать даже нѣсколькихъ шаговъ и принужденъ былъ сѣсть. Этотъ фактъ заставилъ меня серьезно призадуматься. Какъ идти въ такомъ состояніи 12 — 15 верстъ. Ждать мы не могли, такъ какъ провизіи ни у насъ, ни у собакъ нѣтъ, и волей-неволей, надо было двигаться. Хотя какъ—нибудь бы добраться до судна, а уже тамъ удастся отдохнуть. Думаю, что все же на ходу ноги отойдутъ, я поднялся снова и, несмотря на адскую боль, вышелъ изъ палатки. Мои спутники тоже ощущали боль, но не такую сильную. Въ палаткѣ начали готовить чай, а я рѣшилъ тѣмъ временемъ испытать свои силы и поднялся на гору. Всѣ собаки были на горѣ и пристально смотрѣли въ землю, временами перепрыгивая съ мѣста на мѣсто. Меня это очень заинтересовало, и я пошелъ къ нимъ. Долго я смотрѣлъ и не понималъ, что дѣлаютъ.

собаки: поведеніе ихъ и движенія походили на выходы сумасшедшихъ. Минуть черезъ пять я все понялъ: оказалось, что собаки ловятъ полевыхъ мышей (леминговъ). Мыши дѣлаютъ ходы подъ снѣгомъ и питаются мхомъ. Собаки, чуя мышей и будучи порядкомъ голодными, прислушиваются къ ихъ шуму и, услыхавъ направление, въ которомъ движется мышь, бросаются и стараются лапами провалить снѣгъ, а затѣмъ, отрѣзавъ мыши отступленіе, разрываютъ его, мыши некуда дѣваться, и она становится жертвой, Варнакъ и здѣсь показалъ себя. Не желая работать, онъ слѣдилъ за дѣйствіями своихъ товарищей и тогда, когда кому-нибудь изъ нихъ удавалось отрыть мышь, онъ налеталъ какъ стрѣла, сшибалъ собаку съ ногъ и завладѣвалъ добычей. Видимо, онъ ихъ немало съѣлъ, такъ какъ все время облизывался и уже нехотя наблюдалъ за дальнѣйшими дѣйствіями своихъ товарищей. Я разрылъ одинъ изъ мышиныхъ ходовъ. Онъ оказался длиннымъ, съ развѣтвленіями, и мѣстами попадались пространства круглыя, діаметромъ въ 3—4 вершка, гдѣ мышь ѣла мохъ. Оставивъ собакъ продолжать охоту, я пошелъ пить чай, а затѣмъ начали собирать палатку и увязывать вещи. За собаками пришлось идти на гору и ловить ихъ. Какъ только запрягли собакъ, двинулись домой, рѣшивъ идти прямо черезъ ледъ къ мысу, гдѣ стояло наше судно.

Подулъ сѣверо-восточный вѣтеръ, но небо было довольно ясно. Нашъ путь равнялся 10 верстамъ, а потому къ вечеру надо было спѣшить пройти его, а то все усиливавшійся вѣтеръ раздвинетъ льды, появятся полыньи, и тогда намъ домой сегодня не добраться, а почевать среди льдовъ очень рисковано. Какъ только вышли на ледъ, замѣтили на немъ воду; выступила она изъ трещины, образовавшихся между берегомъ и льдомъ. Путь былъ очень тяжелый, собакамъ не подъ силу было тащить нарту, а потому мы всѣ помогали имъ. Черезъ полчаса приблизительно добрались до торосовъ, гдѣ путь тоже не легокъ, но нѣтъ надледной воды, и попадались ровныя мѣста, по которымъ можно было двигаться быстрѣе. Скоро пошелъ сильный снѣгъ и началъ закрывать горизонтъ, и противоположный берегъ, ясно нами видѣнный до этого, скрылся. Нарта то и дѣло переворачивалась, и намъ пришлось снова раздѣлиться. Штурманъ пошелъ впереди, а я съ матросомъ по очереди тащили нарту. Отъ частаго переворачиванія нарта развязалась, почему пришлось все заново укладывать и перевязывать. Ноги болѣли жестоко и когда я ступалъ на твердый и острый снѣгъ, то чуть не кричалъ отъ боли. Вѣтеръ все усиливался и падавшій снѣгъ билъ прямо

въ лицо. Температура — 12°, но, благодаря быстрому движенію, намъ всё было жарко. По нашему пути попалось ровное ледяное поле шириною версты въ полторы, что дало возможность быстро двинуться впередъ. Благодаря обильно падавшему снѣгу, мы шли ощупью, придерживаясь направленія вѣтра и, когда подошли къ берегу, то оказалось, что мы взяли немного лѣвѣе и за это должны были сдѣлать версты 4 лишнихъ.

Скоро мы наткнулись на полыню, образовавшуюся благодаря сильному вѣтру. Лды относило въ море и на нашихъ глазахъ полыня дѣлалась все шире и шире. Обойти ее не было никакой возможности, такъ какъ она была слишкомъ длинна и постепенно все увеличивалась. Рѣшили искать прохода и искать отдѣльныхъ льдинъ съ тѣмъ, чтобы на нихъ, какъ на плотяхъ, перебраться на другую сторону. Къ нашему счастью отъ берега острова, за которымъ стояло наше судно, оторвало большую льдину и несло по направленію къ намъ. Мы рѣшили ею воспользоваться. (Въ этомъ мѣстѣ ширина полыни была около 20 сажень). Мы перепрыгнули на эту льдину тогда, когда она подошла къ намъ на разстояніе 1½ аршинъ, но собаки за нами не шли и пришлось насильно тащить ихъ. Собак перетаскили, при чемъ одна из них упала въ воду, но ее вытащили. Перешли на другую сторону льдины и должны были остановиться и выждать, пока одинъ изъ концовъ ея подойдетъ поближе къ береговому льду. Черезъ четверть часа мы уже были на другой стронѣ.

Этотъ путь къ судну былъ самымъ тяжелымъ. Выпавшій снѣгъ превратился въ мокрую кашу, почти сравнялъ трещины, и надо было почти шагъ за шагомъ прощупывать путь палкой, чтобы не попасть в нее и не искупаться. Въ путь мы надѣли пимы и они до того промокли, что трудно было сказать, идемъ ли мы босикомъ или въ обуви; соленая вода разѣдала ноги и еще усиливала боль. Отъ холода пальцы на ногахъ буквально замерзали. Вѣтеръ все усиливался и билъ снѣгомъ въ лицо такъ сильно, что нельзя было открыть глазъ. Вблизи бухты, въ которой стояло судно, попалась опять трещина, которую пришлось обходить. Перепрыгивая, я попалъ таки одной ногой въ нее и искупался, но это не произвело на меня никакого впечатлѣнія, такъ какъ къ тому холоду, какой я испытывалъ, новое купанье прибавить не могло. Къ 5 съ половиною часамъ вечера мы пришли на судно. Изъ каютъ всё выбѣжали, ибо вахтенный матросъ сообщилъ о нашемъ приходѣ. Вечеромъ собрались всё въ каютъ-компанію, и насъ засыпали

вопросами, холодно ли спать, продувалъ ли вѣтеръ палатку, и какъ работали собаки, видѣли ли звѣря, поставлены ли нами знаки и т. д. Разказы о нашихъ походахъ слушали съ большимъ вниманіемъ. Сѣдовъ о насъ не беспокоился, и сегодня, конечно, не ожидалъ; онъ больше беспокоился за 2 матросовъ Пустошного и Коноплева, посланныхъ имъ сегодня на Южно-Кестовые острова ставить знаки; но къ ужину, они подошли, и Сѣдовъ успокоился. За ужиномъ я узналъ, что на другой день послѣ моего ухода Пинегинъ, Павловъ и три матроса уходили въ Архангельскую губу къ норвежскому домику. Путешествіе ихъ окончилось полной неудачей. Боясь идти прямымъ путемъ черезъ бухту, рѣшили идти вдоль берега. Путь былъ крайне тяжелымъ и приходилось идти не больше $\frac{1}{2}$ версты въ часъ. Ночь ихъ застала среди льдовъ, вынудивъ ихъ ночевать подъ льдинами. Такъ какъ не было взято съ собой ни палатки, ни керосину, въ расчетѣ за сутки добраться до норвежскаго домика, гдѣ могли найти и пріютъ и топливо, то спать имъ было очень холодно и, чтобы согрѣться, они лежали буквально другъ на другѣ. Вставъ очень рано, закусили немного и пошли дальше. Они взяли съ собой только двухъ собакъ, а приставшихъ 10 штукъ имъ не пришлось употребить въ дѣло, такъ какъ не захватили съ собой веревки. Нарту тащили все время сами и почти выбивались изъ силъ. Путь ихъ, чѣмъ дальше, тѣмъ былъ труднѣе, и къ ночи они добрались только къ берегу, сдѣлавъ не больше 5 верстъ. Корма собакамъ они не захватили и поэтому рѣшили переночевать и возвратиться обратно на судно. Утромъ всѣ дрожали, какъ осиновые листья. Ночью былъ штормъ, а спать пришлось подъ открытымъ небомъ. Къ вечеру, наконецъ, вернулись на судно. По дорогѣ видѣли массу медвѣжьихъ слѣдовъ, но самихъ медвѣдей не встрѣчали. Своей прогулкой Пинегинъ и Павловъ были очень не довольны и впослѣдствіи все время о ней вспоминали.

Послѣ ужина отправились спать. 5 дней мы спали почти на голыхъ камняхъ. Бока сильно болѣли, и моя постель въ каютѣ показалась мнѣ раемъ. Мнѣ живо представилась обстановка уютной квартиры, гдѣ все такъ удобно и тепло. Какъ все это не цѣнится въ свое время. Здѣсь въ каютѣ, гдѣ по утрамъ температура доходитъ до 5—6 градусовъ, считаешь за блаженство раскинуться и дать возможность отдохнуть всѣмъ своимъ членамъ. Я усталъ адски, въ особенности за послѣдній переходъ, и теперь, когда переодѣлся и легъ въ постель, почувствовалъ такое счастье, какого, кажется, никогда не испытывалъ. Я невольно задалъ себѣ вопросъ,

гдѣ лучше? здѣсь ли, гдѣ испытываешь лишенія и физическую усталость, но имѣешь душевный покой, или тамъ дома среди уюта и роскоши, когда не испытываешь лишеній, но постоянно сталкиваешься съ интригами людей и теряешь послѣдній покой? Отвѣтъ былъ одинъ и безповоротнo: здѣсь и только здѣсь. Съ такими мыслями я уснулъ, чувствуя и сознавая, что завтра утромъ я снова свободенъ въ своихъ желаніяхъ, свободно вздохну и буду жадно глотать холодный и чистый воздухъ.

27 сентября. Сегодня меня будили нѣсколько разъ, но я всталъ только въ 11 часу, за что лишился чая. Поднялся я совершенно разбитымъ и къ обѣду вышелъ буквально шатаясь и переваливаясь съ ноги на ногу, кое какъ пообѣдалъ и снова улегся спать. Въ 6 часовъ вечера разбудили меня къ ужину. Я такъ сладко спалъ, что, казалось, большаго покоя я никогда въ жизни не испытывалъ. Одѣваться не хотѣлось: ноги такъ болѣли, что я едва ступалъ. Вечеромъ въ каютѣ-компаніи играли въ карты, но я не принималъ никакого участія, такъ какъ не люблю ихъ. Въ 11 часовъ ушелъ снова спать. Лежа на постели, я все размышлялъ, куда бы мнѣ еще пойти, чтобы поохотиться. Моя первая экскурсія не только не отбила у меня охоты къ дальнѣйшимъ прогулкамъ, но даже развила какую то сграсть къ бродяжничеству. Мнѣ хотѣлось снова идти и любоваться этою новою красотой природы, какую врядъ ли когда придется видѣть.

Такъ какъ полюсную палатку Сѣдовъ не разрѣшаетъ брать въ экскурсіи, то надо серьезно подумать о томъ, какъ бы спать повую, такъ какъ безъ нея отлучаться надолго не возможно.

28 сентября. Съ 8 часовъ всѣ на ногахъ. Сѣдовъ суетится и подбираетъ собакъ, запрягаетъ ихъ въ нарту и выѣзжаетъ. Въ виду того, что Визе собирается въ экскурсію къ полуострову Адмиралтейства съ цѣлью произвести съемку береговой полосы Новой Земли на протяженіи 150 — 200 верстъ, то ему необходимо приготовить 10 собакъ, которыя могли бы хорошо тащить нарту. Я досталъ большую командную палатку и вмѣстѣ со штурманомъ разрѣзали ее пополамъ, рѣшивъ изъ одной сдѣлать двѣ.

Медвѣди начинаютъ подходить близко къ судну, что замѣтно по слѣдамъ; собаки каждую ночь заливаются.

Команда усиленно строить на льду возлѣ судна баню и помѣщенія для собакъ. Если собаки на ночь будутъ запираются, то медвѣди будутъ подходить ближе.

Баню рѣшили строить на льду вблизи судна, а не на берегу, куда пришлось бы идти версты полторы, такъ какъ ледъ возлѣ судна имѣетъ толщину около сажени, то онъ свободно выдержитъ баню. Постройка бани подвигается быстро, и скоро все будетъ готово.

Къ обѣду Сѣдовъ пришелъ разстроенный и заявилъ намъ, что онъ убьетъ нѣсколько архангельскихъ собакъ, такъ какъ они никуда не годятся и только уничтожаютъ кормъ. Сибирскія же собаки работаютъ очень хорошо и 10 собакъ легко тащатъ 20 пудовъ.

Баня на льду у мѣста зимовки.

Нѣкоторыя собаки еще не втянулись въ работу, но впослѣдствіи они привыкнутъ. Вообще безъ собакъ намъ было бы очень плохо; онѣ оазываютъ огромную услугу, и это я особенно почувствовалъ, когда ходилъ на Панкратьевъ островъ.

29 сентября. Сегодня Сѣдовъ снова послалъ двухъ матросовъ на Южно-Крестовые острова для постановки другого знака, почему мнѣ пришлось снарядить ихъ въ путь и выдать провизію. Къ вечеру они возвратились и принесли мнѣ полевую мышъ. Поймали ее живой на снѣгу, но по дорогѣ она издохла. Я изслѣдовалъ ее и нашелъ кожныхъ паразитовъ двухъ родовъ, сдѣлалъ рисунки и нѣсколько препаратовъ, а самую мышъ заспиртовалъ. На дворѣ сегодня потеплѣло, только 3° мороза. Въ этихъ мѣстахъ мы замѣтили, что температура въ сутки мѣняется по нѣскольку разъ, и колебанія ея довольно значительныя.

Сегодня первый раз наблюдали сѣверное сіяніе; оно было очень тусклое, едва замѣтное.

Дни становятся все короче и короче. По расчету Сѣдова 20 октября начнется полярная ночь и будетъ продолжаться около трехъ мѣсяцевъ.

Сегодня воскресенье и мнѣ хотѣлось къ обѣду приготовить на сладкое лимонное желе. Обѣдъ сегодня былъ праздничный и на закуску я приготовилъ вареный горохъ съ картофелемъ и солеными огурцами. На первое блюдо былъ борщъ, а на второе котлеты изъ медвѣжьего мяса. Съ третьимъ я оскандалился. Я положилъ мало желатину и желе не застыло, почему пришлось его пить изъ чашекъ. Этотъ номеръ не прошелъ безслѣдно, и надо мною долго подтрунивали. Обѣдомъ все-таки остались очень довольны и рѣшили послѣ обѣда спать. Вечеромъ никто не ужиналъ, а только пили чай, къ которому было подано печенье и конфекты. Послѣ чая играли въ карты, а Сѣдовъ съ механикомъ въ шашки. Оба они играютъ очень забавно и другъ надъ другомъ подтруниваютъ. Сѣдовъ особенно старается какъ можно больше запереть шашекъ, механикъ злится и мы всѣ надъ нимъ подсмѣиваемся.

1 октября. Сегодня большой праздникъ. Всталъ довольно рано. Въ 8 часовъ я уже ставилъ на граммофонъ духовныя пластинки. Музыка у насъ разрѣшается только съ 2 часовъ дня до 10 часовъ вечера, духовная же въ праздничные дни въ 8 часовъ утра. Несмотря на праздникъ, работы производились.

Послѣ обѣда пошли всѣ сниматься. Пинегинъ насъ долго держалъ на морозѣ, приготовляя аппаратъ. Въ аппаратѣ отпотѣло стекло и его пришлось отвинчивать и протирать.

Помощникъ механика не замѣтилъ, какъ отморозилъ кончикъ уха. Кто то изъ стоявшихъ рядомъ замѣтилъ это и потерпѣвшему начали усиленно оттирать ухо снѣгомъ. Все прошло очень быстро. Морозъ равнялся 18°, но при этомъ былъ сильный вѣтеръ. Сегодня одинъ изъ матросовъ, Карзинъ, именинникъ. Мы всѣ его поздравили съ днемъ ангела и ему была выдана добавочная порція. Заключалась она въ слѣдующемъ: полъ стакана водки, полъ фунта колбасы, полъ пачки печеній, полъ фунта конфетъ и четверть фунта леденцовъ. Это все обыкновенно идетъ на угощеніе товарищей.

Сегодня вечеромъ я игралъ съ капитаномъ судна въ шахматы. Ради праздника за ужиномъ подали бутылку бѣлаго вина, чай и къ чаю сласти и лимонъ. Лимоновъ у насъ осталось не больше 10, и я ихъ расходую только въ двенадцатые праздники. Они очень

быстро пропадаютъ отъ мороза и намъ придется скоро съ ними разстаться.

Сѣдовъ вечеромъ занимался съемкой мѣстности и возвратился только къ ужину. Въ 10 часовъ разошлись по каютамъ и занялись чтеніемъ.

Экспедиціонный составъ въ началѣ зимовки у Панкратьева полуострова.

2 октября. Сегодня ночью было особенно холодно спать. Пришлось подыматься и искать, чѣмъ бы укрыться потеплѣе. Подъ руки попалась мнѣ моя шубейка, я быстро ее схватилъ, легъ, укрылся и хорошо заснулъ.

Въ 8 часовъ утра напились чаю и обсуждали предстоящую экскурсію Визе къ полуострову Адмиралтейства. Послѣ обѣда пошли кататься на лыжахъ. День былъ превосходный, на лыжахъ я побѣждалъ вмѣстѣ съ капитаномъ. Это первая моя лыжная прогулка.

До сего времени я только о ней слышалъ, видѣлъ на картинкахъ, но ни разу даже не видѣлъ, какъ на нихъ ходятъ. Съ перваго же раза я пошелъ довольно прилично. Пройдя съ полъ-версты, я почувствовалъ боль въ ногахъ выше колѣна. При ходьбѣ на лыжахъ ногъ въ колѣняхъ не сгибаютъ, а приходится выдвигать ихъ прямо впередъ. Походили мы на лыжахъ часа полтора и возвратились домой. Надо тренировать себя и ходить каждый день, ибо придется въ будущемъ дѣлать большіе переходы, а съ непривычки, пожалуй, далеко не уйдешь. Каждую прогулку буду брать съ собой капитана, такъ какъ онъ все время сидитъ въ своей каютѣ и ноетъ. То у него голова болитъ, то руки, то желудокъ не въ порядкѣ, а то прямо-таки какое то угнетенное состояніе.

Вечеромъ играли въ шахматы, а Визе составлялъ смѣту продовольственной части для предстоящей ему экскурсіи.

3 октября. Въ 9 часовъ утра всѣ напились чаю, а Сѣдовъ съ матросомъ уже успѣли запрячь нарту съ 10 собаками и уѣхать на Южно-Крестовые острова. Взяли они у меня на дорогу нѣсколько сухекъ и плитку шоколада. Вечеромъ они думаютъ возвратиться и поэтому ничего больше брать не хотятъ. Команда усиленно работаетъ надъ сооруженіемъ бани и собачьихъ конуръ. Съ послѣдними особенно надо торопиться, такъ какъ собаки страшно худѣютъ и мерзнутъ. Въ 2 часа дня мы предприняли прогулку на лыжахъ; къ намъ скоро присоединились Павловъ и Пивегинъ. Направились въ бухту, гдѣ берегъ идетъ въ море отлого и рѣшили начать катанье съ горъ. Сегодня чудная лыжная дорога: спѣтъ немного подмерзъ и лыжи катятся очень легко. Какъ только подошли къ берегу, Павловъ и Пивегинъ, какъ болѣе опытные лыжники, забрались на гору и начали оттуда катиться внизъ, мы же съ капитаномъ не рѣшались сразу спускаться съ такой высоты, а рѣшили понемногу взбираться и катиться съ различныхъ высотъ.

Два раза съ небольшихъ высотъ мы скатились хорошо, а потому, расхрабрившись, стали подыматься все выше и выше и въ концѣ концовъ не отставали отъ старыхъ лыжниковъ. Приходилось, конечно, спотыкаться, падать, но все оканчивалось удачно.

Завтра предстоитъ намъ большой лыжный переходъ. Завтра же выступаетъ Визе и Павловъ, а мы съ Сѣдовымъ рѣшили ихъ провожать до самаго глетчера. Разстояніе равнялось верстамъ 10. Не думаю, чтобы Визе и Павлову путь улыбался, ибо имъ при-

дется идти через бухту, а затѣмъ вдоль берега, гдѣ льды очень тяжелые.

Вечеромъ Визе принесъ мнѣ списокъ продовольственной части для своей экскурсіи и, хотя мною онъ найденъ слишкомъ объемистымъ, но я его утвердилъ и велѣлъ выдать, хотя предупредилъ ихъ, что это лишній балластъ, который они привезутъ обратно, протащивъ какую-нибудь сотню верстъ.

Въ 9 часовъ начали вырабатывать маршрутъ экскурсіи, по которому Визе и Павлову надлежитъ добраться до Архангельской губы, гдѣ они должны сложить знакъ, опредѣлить его положеніе астрономически и оттуда начать описаніе береговъ Новой Земли вплоть до полуострова Адмиралтейства. Путь этотъ долженъ быть пройденъ по берегу, и посреди пути къ полуострову, приблизительно у мыса Чернаго, имъ придется поставить второй знакъ.

Сейчасъ неважное время для путешествій, потому что продолжительность дня сокращается, а морозы усиливаются.

Предполагаемая экскурсія, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, можетъ продлиться не менѣе 20 дней. Кроме Визе и Павлова въ экскурсію отправляется матросъ Шестаковъ.

Въ часовъ 10 вечера всѣ легли спать, а мнѣ, какъ вахтенному, надо было просидѣть до 12 часовъ ночи и прослѣдить, чтобы во всѣхъ каютахъ и въ кубрикѣ были погашены огни. Въ каютѣ капитана послѣ 12 часовъ ночи еще горѣла лампа: онъ читалъ книгу. Я попросилъ ее потушить, что онъ и исполнилъ, хотя и неохотно.

Г Л А В А XIII.

Сборы и выходъ въ экскурсію къ полуострову Адмиралтейства.

Проводы экскурсантовъ до береговъ Новой Земли. Возвращеніе на судно. Экскурсія на Панкратьевы острова. Охота на утокъ. Съёмка береговъ и промѣръ пролива. Плаваніе въ каякѣ Невольныя купанья. Возвращеніе Павлова и Визе.

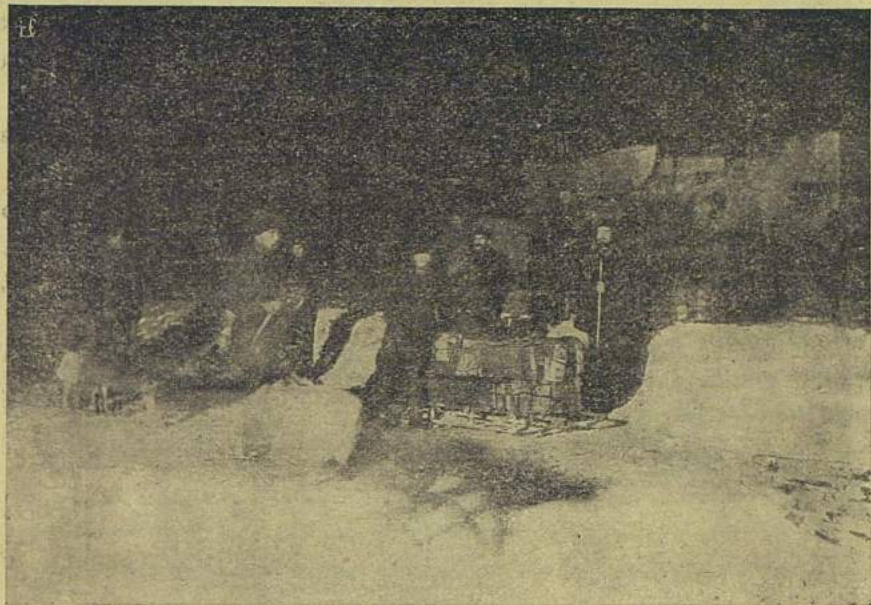
Въ 5 съ половиною часовъ утра 4 октября, почти всѣ были на ногахъ и собирались кто въ экскурсію, а кто провожать. Въ 6 часовъ всѣ напились чаю. Съдовъ просилъ меня, чтобы я лично уложилъ провизію Визе и Павлова, снарядилъ ихъ и проводилъ. Работать пришлось очень много, ибо, какъ всегда водится, «собакъ кормятъ, когда на охоту собираются». Предполагали выйти въ 8 часовъ утра, а вышли едва къ 11.

Въ 9 съ половиною часовъ я распорядился подать завтракъ, водку, коньякъ и традиціонныя сосиски съ капустой. Ихъ мы обыкновенно подаемъ, когда необходимо экстренно что-нибудь состряпать. Выпили, закусили, пожелали всего наилучшаго и двинулись въ путь.

Пинегинъ кинематографировалъ отходъ. Я, Съдовъ, капитанъ судна и одинъ матросъ рѣшили провожать ихъ. Нарта была тяжело нагружена, около 19 пудовъ вѣса, и собаки тащили ее съ большимъ трудомъ. Путь оказался очень сквернымъ, но все же лучше, чѣмъ нашъ путь къ острову Панкратьеву.

Глубокій снѣгъ тормозилъ нарту и выступавшая мѣстами изъ трещинъ морская вода еще больше затрудняла движеніе.

Ледъ былъ неровенъ, и нарта то и дѣло переворачивалась. Мы рѣшили съ Съдовымъ все время помогать собакамъ тащить

Въ экскурсію.

нарту и дать возможность за это время отдохнуть Визе и Павлову, ибо впереди имъ предстоитъ еще много работы. Въ общемъ мы двигались хорошо.

На пути къ Новой Землѣ.

Шли на лыжахъ, но переходя черезъ одинъ торосъ, я упалъ и разбилъ себѣ ногу: на лыжахъ двигаться дальше не могъ и пришлось ихъ снять и идти безъ лыжъ. Шли мы со скоростью 3 верстъ въ часъ и за 3 часа 20 минутъ дошли до глетчера. Капитанъ страшно усталъ и по дорогѣ предлагалъ возвратиться обратно, но Сѣдовъ убѣдилъ его проводить партію до конца.

Вышли мы обратно въ 3 съ половиною часа дня. При отходѣ произвели салютъ изъ револьверовъ и получили отвѣтный.

На обратномъ пути Сѣдовъ съ матросомъ шли впереди, а я съ капитаномъ въ 10 шагахъ сзади. Пройдя около полуверсты, я увидѣлъ, что капитанъ сильно отстаетъ, а затѣмъ, когда обо-

Павловъ впереди на лыжахъ.

ротился, то услышалъ крикъ. Я возвратился къ нему обратно и спросилъ, въ чемъ дѣло. Онъ отвѣтилъ, что страшно усталъ и двигаться будетъ съ остановками, почему просить меня отъ него не отходить. Пошли мы тише, а Сѣдовъ спѣшилъ и скоро скрылся за торосами. Минуть черезъ 10 капитанъ заявилъ мнѣ, что онъ выбился изъ силъ и идти дальше не можетъ, и что онъ вынужденъ остаться на льду на почевку. Положеніе очень не важное: морозъ 20°, до судна идти верстъ 5. Придется либо бросить его одного или замерзать вмѣстѣ. Я рѣшилъ предупредить Сѣдова и такъ какъ онъ былъ очень далеко и оклика не слышалъ, то я выстрѣлилъ два раза изъ револьвера. Выстрѣлы были услышаны, Сѣдовъ возо-

брался на высокій торосъ и началъ смотрѣть въ нашу сторону. Капитанъ лежалъ на льду, не будучи въ силахъ двигаться, я же быстро направился къ Сѣдову. Выстрѣлы мои привели Сѣдова въ недоумѣніе. Онъ подумалъ, что на насъ напалъ медвѣдь и, не видя капитана, предположилъ, что медвѣдь его разорвалъ. Я передалъ Сѣдову обо всемъ случившемся и, обсудивъ положеніе, рѣшили послать къ капитану матроса, а самимъ идти на судно и тамъ, снарядивъ нарту, послать за капитаномъ. Шли мы очень быстро. Путь скверный, то и дѣло проваливаешься. По дорогѣ мы говорили съ Сѣдовымъ относительно его движенія къ полюсу.

Сѣдовъ предполагаетъ идти пѣшкомъ на землю Франца Іосифа, гдѣ будетъ ожидать нашего прихода на суднѣ. Я удивлялся такому плану: я считалъ безцѣльнымъ выходить полюсной партіи теперь, а не будущимъ лѣтомъ на суднѣ, такъ какъ для полюсной партіи все равно не хватитъ провизіи и, она будетъ вынуждена ожидать прибытія судна.

За 2 часа мы незамѣтно, за разговоромъ, добрались до судна. Въ этотъ день мы сдѣлали около 20 верстъ. На суднѣ не ожидали такого ранняго возвращенія. Въ 5 съ половиною часовъ мы уже были въ каютъ-компаніи и распорядились запрячь нарту, взять теплыя малицы и идти двумъ матросамъ съ фонаремъ за капитаномъ. Для капитана я послалъ немного провизіи.

Въ 9 часовъ вечера прибылъ капитанъ; онъ страшно усталъ и увѣрялъ всѣхъ, что за нимъ напрасно послали нарту, такъ какъ онъ все равно бы пришелъ. Все-таки капитанъ закаялся ходить такъ далеко. Передъ этой прогулкой капитанъ мечталъ отправиться вмѣстѣ съ Павловымъ на Карскую сторону поперекъ Новой Земли, но теперь отказался.

5 октября. Съ 6 часовъ Сѣдовъ собирался уѣзжать на собакахъ къ проливу, между Панкратьевымъ островомъ и полуостровомъ. Надо было все приготовить для него, почему и меня разбудили очень рано. Сѣдовъ долженъ возвратиться только къ вечеру, съ собою онъ взялъ одного матроса, Пустошного, и нарту съ 10 собаками.

Въ 8 часовъ утра Сѣдовъ уѣхалъ, а мы продолжали пить чай. До обѣда я все время лежалъ въ постели и читалъ. Вчерашнее путешествіе сегодня сказывается; особенно болятъ ноги, которыя во время вчерашняго пути приходилось подымать все время очень высоко, ибо онѣ по колѣни уходили въ снѣгъ. Послѣ обѣда играли съ капитаномъ въ шахматы, а затѣмъ я опять легъ и продолжалъ

читать. Въ 8 часовъ вечера возвратился Сѣдовъ и заявилъ, что въ проливѣ есть полынья и на ней плаваетъ очень много утокъ, гагъ и что ихъ слѣдовало бы забрать. Поговорили съ нимъ и рѣшили снова отправиться на этотъ проливъ, захвативъ предварительно каякъ, ружья, топоръ, ломъ и лотъ для измѣренія глубинъ. Кромѣ охоты Сѣдовъ хотѣлъ измѣрить глубину пролива и опредѣлить его годность для судоходства. Рѣшено встать завтра пораньше и идти къ проливу. Капитанъ просилъ взять его съ собою на охоту, но мы посовѣтывали ему не рисковать своимъ здоровьемъ.

6 октября. Подняли меня въ 5 часовъ утра. Когда я всталъ, то увидѣлъ Сѣдова уже отдающаго приказанія. Рѣшено взять двѣ нарты и двухъ матросовъ: Пустошнаго и Коноплева. Я приготовилъ провизію, состоящую изъ полуфунта колбасы, 10 ф. сухека и 4 плитокъ шоколаду. Для собакъ взяли 20 штукъ галетъ, по галетѣ на собаку.

Вышли мы въ путь въ 6 съ половиною часовъ утра. Погода была отчаянная, дулъ сильный вѣтеръ, шелъ снѣгъ, была вьюга. На разстояніи 25 шаговъ ничего не видно. Намъ совѣтывали не ходить въ такую погоду, но мы все же рѣшили идти: надо испытать все — это школа для дальнѣйшаго путешествія, надо быть ко всему готовымъ и ко всему привыкать.

Дорога была очень тяжелая. Температура — 2° и до берега бухты мы шли версты полторы по мокрому снѣгу, почти что по водѣ. Выйдя къ берегу, мы рѣшили идти ущельемъ по Панкратьеву полуострову, перерѣзать горный хребетъ и перевалить на другую сторону къ проливу. Дальше дорога шла лучше, хотя здѣсь тормозили наше движеніе встрѣчающіяся тамъ и сямъ непокрытыя снѣгомъ площадки, и сани сильно тормозились глыбами. Нарта, на которой былъ положенъ каякъ, то и дѣло опрокидывалась, и стоило большихъ усилій ее удерживать.

Вѣтеръ часто срывалъ нарту и тащилъ ее вмѣстѣ съ собаками. Я съ однимъ матросомъ шелъ впереди и перевалилъ гору. Сѣдовъ шелъ за нами, мы за нимъ не слѣдили и, когда были почти на вершинѣ горы, замѣтили отсутствіе Сѣдова. Онъ, какъ оказалось, взялъ немного вправо и скрылся отъ насъ. Такъ какъ Сѣдовъ дорогу зналъ хорошо, то мы не беспокоились и пошли дальше. Какъ только начали спускаться съ перевала, увидѣли впереди себя полынью и пошли прямо къ ней. Черезъ часъ мы уже были на окраинѣ льда и высматривали утокъ. Плавало ихъ

около сотни. Я взялъ ружье и пошелъ вдоль кромки льда. Подпустили меня утки близко; въ этомъ мѣстѣ ихъ сидѣло штукъ около 15. Я выстрѣлилъ и одну утку убилъ; остальные же поднялись было летѣть, но сейчасъ же упали въ воду, начали нырять и показались на серединѣ полыньи. Полынья имѣла круглый видъ шириною до 200 сажень. Ледъ на окраинахъ былъ слабъ и

Каяки и нарты.

приходилось быть очень осторожнымъ. Утку мы достали и я возвратился къ нартѣ обратно, ружье же я передалъ матросу съ тѣмъ, чтобы онъ пошелъ къ другой партіи утокъ. По дорогѣ я нашелъ двухъ замерзшихъ утокъ. Мнѣ кажется, что это запоздалые выводы, потерявшіе свою мать.

При нашемъ путешествіи я тамъ и сямъ встрѣчалъ одиночныхъ утокъ, одну изъ нихъ убилъ матросъ, и она представляла изъ себя одинъ скелетъ.

Возвратившись къ нартѣ, я сталъ высматривать Сѣдова. Его не было видно, и я рѣшилъ ожидать его у полыньи и не разыскивать, ибо по опыту зналъ, что выжиданіе — самый вѣрный путь для встрѣчи. Если бы мы пошли ихъ разыскивать, то въ горахъ навѣрно не нашли бы, такъ какъ слѣды его были замѣтены снѣгомъ, падавшимъ все время въ изобиліи.

Матросъ сдѣлалъ три выстрѣла и пришелъ ни съ чѣмъ, жалуясь, что утки близко не подпускали. Собаки легли въ кружокъ и дрожали отъ сильнаго холода.

Часа черезъ полтора на горизонтѣ впереди показались двѣ черныхъ точки. Это былъ Сѣдовъ съ матросомъ. Минуть черезъ двадцать ясно начали вырисовываться силуэты двухъ людей, нарты и собаки. Впереди нарты бѣжала одна собака. Я пошелъ къ ней навстрѣчу и, предполагая, что она распряглась и ушла, подошелъ къ ней, приласкалъ и повелъ обратно къ Сѣдову. Сѣдовъ крикнулъ мнѣ бросить ее, такъ какъ она не только не желала везти, но все время тормозила нарту и мѣшала другимъ собакамъ работать. Когда я подошелъ поближе, то увидѣлъ запряженныхъ въ нарту не 10 собакъ, а только 8. Двѣ собаки совершенно не везли и Сѣдовъ ихъ выпрягъ. На мой вопросъ, почему они такъ далеко забрались въ сторону, Сѣдовъ отвѣтилъ, что они насъ совершенно не замѣтили и думали, что поворотъ въ горы идетъ немного дальше, и, когда прошли двѣ версты лишнихъ, то повернули обратно. Подойдя къ нашей нартѣ, мы первымъ дѣломъ рѣшили закусить. Было около 2 часовъ дня. Предварительно рѣшили открыть термосъ и выпить по стакану чаю. Но, къ нашему огорченію, чай оказался совершенно холоднымъ, такъ какъ термосъ во время пути былъ разбитъ. Послѣ завтрака рѣшили работать и прежде всего сдѣлать промѣры пролива, но страшный вѣтеръ подымалъ волны и на каякѣ плыть было невозможно. Стали измѣрять лотомъ глубину у края льда.

Измѣряли съ большимъ трудомъ и оказалось, что въ самомъ узкомъ мѣстѣ пролива глубина не менѣе трехъ съ половиною сажень, что вполнѣ достаточно для прохода судовъ.

Сдѣлавъ промѣры, мы возвратились обратно.

Знаковъ для съемки намъ поставить не удалось за позднимъ временемъ.

Матросъ убилъ еще одну утку. Стали готовиться къ обратному пути. Утокъ было мало да и тѣхъ не приходилось стрѣлять, такъ какъ достать изъ воды ихъ не удалось бы. Уложили нарту, на-

чали запрягать собакъ. Недалеко отъ насъ на льдину вышли двѣ утки; я взялъ ружье и пошелъ къ нимъ. Стоявшій рядомъ матросъ замѣтилъ, что утки пришли за своей смертью. Раздѣлисъ одинъ за другимъ два выстрѣла, и обѣ утки лежали мертвыми; матросы подобрали ихъ. Вскорѣ затѣмъ мы двинулись въ обратный путь. Вѣтеръ дулъ прямо въ лицо, засыпалъ насъ снѣгомъ и смотрѣть впередъ не представлялось возможнымъ. На перевалѣ надо было взбираться по крутой горѣ, совсѣмъ обледенѣвшей, и это было очень трудно. Собаки, то и дѣло падали, но все же взобрались на вершину раньше насъ. Я шелъ самымъ послѣднимъ. Приходилось шагъ за шагомъ пробивать каблуками углубленія и такъ карабкаться. На полпути я услышалъ на верху шумъ, поднялъ глаза и увидѣлъ Сѣдова, который кубаремъ катился внизъ. Я подоспѣлъ къ нему и задержалъ, а затѣмъ мы пошли вмѣстѣ. Взобравшись на гору, сѣли на нарты и поѣхали дальше. Намъ очень мѣшали незапряженные собаки, такъ какъ онѣ отбѣгали въ разныя стороны, а упряжные собаки вмѣстѣ съ нартой бросались за ними. Приходилось поочередно одному идти впереди, а другому ѣхать. Черезъ полчаса мы уже спускались въ долину. Спускаться рѣшили на нартахъ по двое на каждой. Нарты приходилось тормозить, такъ какъ они летѣли съ горы по обледѣнѣвшему снѣгу очень быстро. Сѣдовъ тормозилъ небольшой палкой, поставленной впереди, а я просто каблуками. Первымъ спускался Сѣдовъ, и мнѣ было видно съ горы, какъ его палка сломалась и онъ вмѣстѣ съ нартой покатился внизъ. Собаки перепутали упряжь и полетѣли съ нартой внизъ. Поднялся вой, визгъ, все смѣшалось въ общую массу и летѣло до тѣхъ поръ, пока не докатилось до подошвы горы. У меня дѣло обстояло лучше, но тоже не безъ приключеній. Нарта покатила внизъ и на полпути, на косогорѣ, раскатилась и выкинула меня. Я упалъ лицомъ внизъ и головой застрялъ въ снѣгу. Собаки скатили нарту къ Сѣдову, а мнѣ пришлось спускаться самому на собственныхъ салазкахъ. Распутавъ собакъ, поѣхали дальше. Собаки отлично чуяли свой утреннй слѣдъ и шли довольно хорошо. Не доходя версты двѣ до судна, увидѣли впереди мачту «Фоки» и на ней фонарь. Было темно, и собаки, почуявъ близость судна, пошли карьеромъ. Къ 8 часамъ мы были на льду и здѣсь около получаса пришлось намъ мучаться по мокрому снѣгу, пока добрались до судна.

Въ экскурсіи собакъ мы кормимъ на снѣгу тотчасъ же, какъ только останавливаемся на ночлегъ, а дома кормимъ уже на палубѣ.

Собаки это отлично знают и потому, какъ только мы подъѣхали къ судну и разгрузили нарты, онѣ бросились на палубу и нарту вытащили почти до половины траппа. Въ 9 часовъ мы уже были въ каютъ-компаніи. Ёсть не хотѣлось, но чаю мы выпили много. Въ 10 съ половиною часовъ мы рѣшили идти спать, такъ какъ утромъ собирались туда же въ экскурсію, но уже на нѣсколько дней. Если погода будетъ скверная, то поѣзду отложимъ до болѣе благопріятнаго времени. Дни становятся все короче и короче.

7 октября. Чаю напился въ 7 часовъ утра, вѣтеръ завываетъ попрежнему, но температура держится—2°. На льду выступаетъ вода и движеніе на собакахъ невозможно, почему и рѣшили отложить поѣзду. Я ушелъ въ свою каюту и началъ препарировать гагъ. У нихъ также найдены мною паразиты, различить которыхъ очень трудно, такъ какъ цвѣтъ ихъ одинаковъ съ цвѣтомъ оперенія птицъ. Обыкновенно послѣ смерти птицы паразиты выползаютъ къ концу клюва и ихъ тамъ легко собирать. Въ 12 часовъ обѣдали и въ видѣ пробы я приготовилъ сегодня супъ изъ консервированнаго сухого мяса Скорикова. Супъ оказался очень хорошимъ и питательнымъ. Всего мы сварили 3 фунта сухого мяса и были сыты. Всѣ пришли къ заключенію, что это хорошая вещь, мало занимаетъ мѣста и питательная. Бульонъ надо варить не меньше часа, а потому придется брать съ собой въ экскурсію большой запасъ керосина. Вечеромъ штурманъ заканчивалъ шить вторую палатку, которую мы съ Сѣдовымъ рѣшили завтра взять съ собою. Въ 10 часовъ всѣ разбрелись по каютамъ.

8 октября. Встали всѣ очень рано. Надо собираться въ путь, рѣшено идти на 2—3 дня съ тѣмъ, чтобы закончить съемку Панкратьевыхъ острова и полуострова, а также измѣрить съ каяка глубину пролива. Въ 6 часовъ все было готово, мы напился чаю, запрягли въ 2 нарты по 8 собакъ въ каждую и начали укладываться. Палатка, которую принесли изъ трюма, оказалась проѣденной крысами, которыхъ у насъ видимо, невидимо. Разоряютъ онѣ насъ отчаянно и чтобы ни положили въ трюмъ все достанутъ и попробуютъ. Рѣшили взять все-таки эту палатку, такъ какъ дыры были небольшія. Сѣдовъ просилъ всѣ полюсные вещи сложить въ такомъ мѣстѣ, чтобы ихъ крысы не трогали. Когда все было готово, взяли съ собой тѣхъ же двухъ матросовъ, Пустошнаго и Коноплева, и пошли. Температура была минусъ 7°. Вода на льду немного подмерзла и мы двигались довольно сносно. Къ 2 часамъ дня подошли къ проливу и рѣшали вопросъ, остаться ли на ночевку

у полыньи или двигаться дальше. Я предложил Сѣдову плыть на каякъ и пострѣлять утокъ, а матросы тѣмъ временемъ успѣютъ поставить на мысу знакъ. Если знакъ кончатъ строить поздно, то останемся здѣсь ночевать, а если рано, то уйдемъ дальше. Рѣшеніе мое было принято и мы взяли ружья. Я прихватилъ пульное ружье и пошелъ выслѣживать морского зайца, который то и дѣло показывалъ изъ полыньи свою морду; Сѣдовъ же остался на льду, приводилъ въ порядокъ каякъ, набралъ патроновъ, взялъ дробовое ружье и потащилъ каякъ. Я два раза выстрѣлилъ по показавшемуся зайцу, но, такъ какъ разстояніе было слишкомъ далекое, то не попалъ. Возвращаясь обратно, я увидѣлъ, какъ Сѣдовъ выливалъ воду изъ каяка. Подойдя ближе, я замѣтилъ, что Сѣдовъ весь мокрый, и я тутъ же его спросилъ, что съ нимъ случилось: «проклятый каякъ — неустойчивый, полѣвъ было въ него, а онъ перевернулся, и я насилу изъ него выкарабкался; еще славу Богу, что случилось на мелкомъ мѣстѣ». Несмотря на то, что Сѣдовъ былъ мокрый, все же снова сѣлъ въ каякъ и поплылъ по полыньѣ, и на этотъ разъ очень удачно. Каякъ летѣлъ оенъ быстро и такъ неожиданно налеталъ на утокъ, что онѣ буквально терялись и не знали, что имъ дѣлать. Черезъ часъ у насъ оказалось 18 утокъ и одинъ чистикъ, убитый мною, какъ только я пришелъ къ полыньѣ. Патроны всѣ были разстрѣляны и остальныхъ утокъ добыть намъ не пришлось.

Плавая поперекъ пролива, Сѣдовъ, замѣтилъ, что на днѣ ясно видны камни и потому въ полыньѣ должно быть мелко. Сдѣлавъ промѣръ, Сѣдовъ убѣдился, что проливъ не судоходенъ, ибо самая большая глубина его равняется 5 футамъ. Ближе же къ кромкѣ льда, саженьхъ въ 20 отъ отмели, глубина доходитъ до 4 сажень. Теперь ясно стало, что позавчера мы ошиблись, найдя проливъ судоходнымъ, такъ какъ промѣры сдѣлали у края льда, гдѣ и получили хорошую глубину. Теперь не можетъ быть никакого сомнѣнія, что проливъ этотъ не судоходенъ, что и надо отмѣтить на картахъ. Мое первоначальное мнѣніе было таково, что на этомъ мѣстѣ именно должно быть мелко, а основаніемъ къ тому служило то положеніе, что вода въ этомъ мѣстѣ не замерзла. Во время приливовъ и отливовъ вода идетъ словно горный потокъ. Когда мы закончили промѣръ полыньи, начало значительно темнѣть. Рѣшили ночевать на этомъ же мѣстѣ. Пока Сѣдовъ возился съ каякомъ, разложили костеръ изъ мѣстнаго плавника.

Съ трудомъ вылѣзъ Сѣдовъ изъ каяка, дрожа весь отъ сильного холода. Ноги окоченѣли, брюки замерзли, и онъ подошелъ

къ костру отогрѣваться. Сѣдовъ совершенно раздѣлся, залѣзъ въ малицу и легъ возлѣ костра и, повидимому, былъ наверху блаженства. Я принялся готовить обѣдъ и кипятить воду для чая, а матросы сушили по очереди бѣлье и верхнюю одежду Сѣдова.

Сегодня обѣдъ показался особенно вкуснымъ. Мы приготовили консервы изъ гороха съ мясомъ и съ такимъ удовольствіемъ ѣли его, что буквально не могли оторваться отъ кастрюли. Закусивъ, напились чаю, а затѣмъ еще больше разожгли костеръ. Собаки сѣли съ подвѣтренной стороны и сидѣли рядомъ, словно частоколъ ограды.

Заговорили о медвѣдяхъ и каждый изъ насъ высказывалъ пожеланіе первымъ увидѣть его.

Собакамъ отдали всѣ галеты, а завтра думаемъ дать по половинѣ утки на каждую.

Къ 9 часамъ вечера бѣлье и костюмъ Сѣдова подсохли, онъ одѣлся и мы пошли въ палатку. Собаки улеглись частью у шалаша, частью у костра.

Въ виду того, что рѣшили дать собакамъ часть утокъ, я вмѣстѣ съ матросами началъ обдирать ихъ. Сѣдовъ уснулъ очень скоро, а мы втроемъ зажгли свѣчу и продолжали работать.

Надо было ощипать 8 утокъ. Работа шла быстро. Кругомъ тихо, лишь изрѣдка слышно рычаніе собакъ, недовольныхъ приходомъ товарищей, которые безцеремонно стараются лечь на своихъ же товарищей. Въ палаткѣ совершенно тихо и слышенъ только шумъ отъ выдергиванія перьевъ. Я первый нарушилъ тишину и обратился къ матросу Коноплеву, который задумчиво сидѣлъ, вперивъ свой взглядъ на ощипанную утку.

«Коноплевъ, крикнулъ я, о чемъ задумался».

«Вотъ видите, господинъ докторъ, я смотрю на эту утку и все у меня изъ головы не выходитъ домъ. Вотъ я пушу эту утку, а дома, быть можетъ, какой нибудь пріятель пушитъ мою жену».

Я расхохотался отъ души, меня поддержалъ другой матросъ.

Не успѣли мы успокоиться, какъ тотъ же матросъ возразилъ:

«Вамъ, видно, хорошо смѣяться. Пустошный не женатъ, а вы, докторъ, давно уже женаты, я же только третій годъ. Жена у меня хорошая, шустрая, любитъ зубы поскалить, да подразнить ребятъ, на нее и при мнѣ заглядывались. Сама она то кровь съ молокомъ, молода, а безъ меня то каково бабѣ? Смотри, какой нибудь пріятель и начнетъ утѣшать, да такъ утѣшитъ, что къ моему пріѣзду, поди, вмѣсто двухъ дѣтишекъ, четверо станетъ».

Это еще больше подлило масла въ огонь и мы до того хохотали, что около часа не могли успокоиться.

Къ 11 часамъ закончили щипать утокъ и улеглись спать.

Я заползъ въ малицу и началъ было засыпать, но затѣмъ скоро выскочилъ, такъ какъ началъ задыхаться. Оказалось что воротникъ подвернулся и такъ сжалъ горло, что еще немного и дыханіе прекратилось бы. Сердце стучало очень сильно и когда я разорвалъ воротникъ, то сразу почувствовалъ облегченіе. Спать было плохо, подъ голову положилъ сапоги, въ бока давили голыши берега.

9 октября. Проснулись очень рано, почти всѣ одновременно. На дворѣ начало свѣтать. Морозъ усилился и дошелъ до—17°. Развели огонь и поставили чайникъ. Въ 7 часовъ утра мы совершенно были готовы и рѣшили разбиться на двѣ партіи. Сѣдовъ рѣшилъ пойти на островъ Панкратьевъ, соорудить тамъ знакъ и произвести съемку; я же долженъ былъ идти къ берегу полуострова и на двухъ мѣстахъ поставить знаки и оттуда уже идти на островъ, къ скалѣ, у которой мы должны были сойтись къ ночевкѣ.

Въ виду того, что мой путь былъ короче, я на свою нарту уложилъ малицы и палатку, Сѣдовъ же погрузилъ мензугу и затѣмъ уѣхалъ.

Какъ я привязалъ къ знаку и оставилъ въ немъ утокъ, захвативъ только ошипанныхъ. Обратнo будемъ возвращаться той же дорогой и тогда все заберемъ. Шли мы подъ самымъ берегомъ и путь былъ отличный. Торосовъ не было и дувшій три дня подрядъ вѣтеръ до того спрессовалъ снѣгъ, что подъ ногами онъ совершенно не проваливался. Собаки шли бойко. Подошли незамѣтно къ одному мысу и думали было поставить на немъ знакъ, но, поднявшись на гору, я замѣтилъ впереди слѣдующій мысъ, болѣе высокій. Къ нему и направились. Черезъ полчаса мы уже подходили и на пути собрали плавникъ, необходимый для сооруженія знака. Мѣста здѣсь очень красивыя. Берега обрывистые и когда смотришь внизъ, то кажется, что какъ будто кто скалу обрубилъ топоромъ; даже снѣгу некуда пристать и стоять эти скалы совершенно черныя. Впереди видны скалы, между ними долина, вся занесенная снѣгомъ. Весной вѣроятно въ этомъ мѣстѣ протекаетъ рѣчушка, и нарушаетъ тихую и мирную жизнь этого полуострова. Сейчасъ чудно видны горныя цѣпи Новой Земли.

Какъ только закончили постройку знака, начали спускаться съ горы. Вдали показался Сѣдовъ съ нартой, который поставилъ мензугу и началъ наносить на планшетъ только что сооруженный

нами знакъ. Постоявъ минутъ съ 5, спустились съ горы и пошли дальше. По дорогѣ встрѣтили два медвѣжьихъ слѣда, ведущихъ къ проливу.

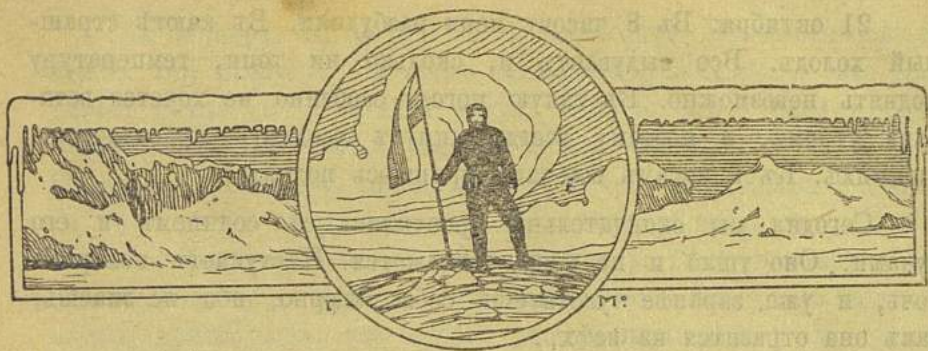
Шли мы быстро и къ вечеру добрались до условленнаго мѣста у скалы. Разбили палатку и начали поджидать Сѣдова.

Скала очень красива, стѣнки отвѣсныя съ четырехъ сторонъ и только въ одномъ мѣстѣ соединены съ островомъ узкимъ перешейкомъ. Вышина скалы около 70 футовъ и состоитъ она изъ крѣпкаго камня, содержащаго въ себѣ очень много ракушекъ.

Съ большимъ трудомъ я взобрался на вершину этой скалы, осмотрѣлъ все кругомъ, подобралъ нѣсколько раковинъ и спустился внизъ. Пока я лазилъ на скалу, матросъ пошелъ собирать плавники. Тѣмъ временемъ Сѣдовъ незамѣтно подошелъ къ палаткѣ и, такъ какъ никого не видѣлъ, окликнулъ насъ. Я спустился съ горы и пошелъ за матросомъ. Плавнику въ этомъ мѣстѣ оказалось очень мало, да и тотъ былъ очень сырой. Съ большимъ трудомъ развели костеръ, для чего пришлось отрубить половину сосновой доски, лежавшей на нартѣ. Приготовили обѣдъ, вскипятили воду. Для воды взяли немного глетчернаго льда и чай намъ показался особенно вкуснымъ. Напившись чаю, рѣшили воспользоваться остатками костра и растопить ледъ назавтра и этимъ съэкономить топливо, которого едва ли хватитъ намъ на утро. Собакамъ дали по половинѣ утки. Не успѣли мы оглянуться, какъ собаки все съѣли и ожидали прибавки. Кормить собакъ однако было нечѣмъ, а потому предоставили имъ лечь и отдохнуть. Одну утку мы оставили для себя на всякій случай.

Какъ только закончили свое дѣло, залѣзли въ палатку и легли спать. Я съ матросомъ Пустошнымъ рѣшили подослать подъ себя одну малицу, а другой укрыться. Спать было очень тепло, но собаки не давали покоя. Одна изъ собакъ забралась въ палатку, не пускала другихъ и все время дралась съ тѣми, которые хотѣли забраться тоже въ палатку.

10 октября. Сѣдовъ поднялся раньше всѣхъ, всталъ и пошелъ разводить костеръ. Было еще совсѣмъ темно. Мы всѣ поднялись и вышли изъ палатки. Спать намъ сегодня было очень тепло, да и ворочаться свободно. Нѣтъ ничего мучительнѣе спать въ малицѣ; сама по себѣ она очень громоздкая и тяжелая, спать въ ней холодно, такъ какъ снѣгъ подтаиваетъ снизу, а повернуться въ другую сторону—это цѣлое событіе, ибо приходится поворачивать за собою всю малицу.

ГЛАВА XIV.

Полярная ночь. Сильный штормъ. Спасеніе бани. Возвращеніе экскурсантовъ. Сборъ плавника у береговъ. Приключенія у астрономическаго пункта.

17 — 20 октября. Дни становятся все короче и короче. Съ 8 часовъ утра зажигается лампа и горитъ почти цѣлый день. Въ 12 часовъ дня еще свѣтъ виденъ, но и онъ скоро пропадаетъ. 19 октября Павловъ, Пинегинъ и два матроса, Пустошный и Катаринъ, ушли на глетчеръ Таисію для постановки знаковъ съ цѣлью опредѣлить скорость движенія глетчера.

20 октября. Подулъ штормовой вѣтеръ въ 8 балловъ и поднялась такая сильная метель, что въ двухъ шагахъ ничего не видно. Иллюминаторы въ каютахъ замело настолько сильно, что сквозь нихъ ничего не видно. Судно и баню буквально начало засыпать снѣгомъ. Весь день мы ходили по каютамъ и все время разговаривали о нашихъ путникахъ, и о томъ, каково теперь имъ въ палаткѣ при столь сильномъ вѣтрѣ. Къ вечеру вѣтеръ еще больше усилился и достигъ 9 балловъ при 16 градусахъ мороза. На палубѣ все рвало и метало. Скверно себя чувствуешь во время сильного вѣтра, когда знаешь, что нельзя показаться на воздухъ. По вечерамъ мы обыкновенно, какъ мыши, уходимъ въ свои норы и спимъ подъ заунывную пѣсню вѣтра.

Сегодня разошлись въ 11 часовъ. Въ 12 часовъ я проснулся отъ сильного шума и треска на палубѣ. Позвалъ вахтеннаго матроса и послалъ узнать, въ чемъ дѣло. Оказывается, съ мостика сорвало парусъ и кинуло его на палубу. Черезъ часъ я снова уснулъ подъ сильный свистъ и завываніе вѣтра.

21 октября. Въ 8 часовъ меня разбудили. Въ каютѣ страшный холодъ. Все выдуваетъ и, сколько ни топи, температуру поднять невозможно. Въ такую погоду особенно не хочется вставать утромъ, а поэтому всегда минутъ двадцать провалиешься лишниихъ. Къ 9 часамъ все-таки пришлось подняться.

Сегодня мы окончательно простились съ солнцемъ и его лучами. Оно ушло и не скоро покажется. Наступаетъ полярная ночь, и уже заранѣ чувствуешь себя скверно, ибо не знаешь, какъ она отразится на всѣхъ.

Метель съ прежней силой наносить снѣгъ, наваливаетъ огромные сугробы вокругъ судна и страшно заноситъ баню.

Сегодня почти четверть ея занесена снѣгомъ; матросъ пошелъ туда къ 12 часамъ и поразился, увидѣвъ въ банѣ значительное количество воды. Все это очень просто объясняется. Сильнымъ вѣтромъ поломало ледъ подъ баней, а возлѣ бани нанесло большіе сугробы; льдину придавило тяжестью снѣга, вода выступила изъ трещинъ и покрыла въ банѣ полъ. Воды на полу выше 3 вершковъ и только въ одномъ углу пока сухо.

Сегодня съ утра испекли хлѣбъ, чему всѣ обрадовались, такъ какъ все время сидѣли на сухаряхъ, которые надоѣли порядкомъ.

Сегодня за ужиномъ ничего не хотѣли ѣсть, а просили дать хлѣба, масла и сыру. Желаніе это было удовлетворено. Рѣшили за ужиномъ перенести обѣдъ съ 12 часовъ на 1 часъ, а ужинъ съ 6 часовъ на 8. Мотивировали это тѣмъ, что работы полярной ночью мало и лучше позже ѣсть. И сегодня цѣлый день вспоминали нашихъ отсутствующихъ товарищей, но помочь имъ мы не могли и только жалѣли. Буря ничуть не утихала, а наоборотъ еще усиливалась. Вечеромъ сегодня матросъ Лебедевъ, отсчитывавшій футштокъ, сбился съ дороги и прошелъ мимо судна и только случайно замѣтилъ это и попалъ домой. Съ вечера рѣшено прекратить всѣ наблюденія вплоть до тѣхъ поръ, пока немного не установится погода. Температура все время держится — 16°. Сегодня особенно подавленное настроеніе у всѣхъ. Я пробовалъ выходить на палубу, но скоро вернулся обратно, такъ какъ совершенно невозможно стоять. Вѣтеръ до того обжигаетъ лицо, что трудно даже себя представить. Вообще въ такіе дни какъ то грустно на душѣ и невольно вспоминаешь про теплый югъ, гдѣ теперъ еще и тепло и свѣтло.

22 октября. Проснулся въ 6 часовъ утра. Вѣтеръ совершенно стихъ. Всѣ спали и я рѣшилъ немного понѣжиться, но это окончилось тѣмъ, что я крѣпко уснулъ и въ 8 часовъ меня уже разбудили пить чай. Послѣ чая всѣ пошли смотрѣть судно и баню. Судно наше оказалось приподнятымъ на четверть аршина и бывшій до того кренъ на правую сторону исчезъ и судно стояло ровно. Воды въ банѣ прибавилось до 6 вершковъ. Рѣшено вокругъ бани очистить снѣгъ и срубить часть льда. Этимъ мы думали облегчить лѣдину предполагая, что вмѣстѣ съ ней подыметъ и баня, и вода сама уйдетъ. Работали все время до обѣда, но дѣло не измѣнилось, и вода по прежнему стояла въ банѣ. Если штормы будутъ здѣсь часто, то съ баней, пожалуй намъ придется часто возиться.

Въ 4 часа пришли наши путешественники. Встрѣтили ихъ честь-честью и начали спрашивать какъ имъ жилось на отдѣльной квартирѣ. Пинегинъ пришелъ безъ шапки, повязанный башлыкомъ. Оказывается, что во время одного изъ сильныхъ порывовъ вѣтра у нихъ сорвало палатку, Пинегинъ выскочилъ, чтобы ее удерживать и въ это же время у него сорвало шапку и унесло. Палатку кое какъ они удержали и укрѣпили наново. Своей работы они не исполнили, такъ какъ изъ-за скверной погоды не выходили изъ палатки. Провизіи у нихъ оставалось еще дня на два. Поэтому они не безпокоились, такъ какъ предполагали, что погода скоро измѣнится къ лучшему.

Сегодня я почти не выходилъ изъ каюты; темные дни какъ то непріятно дѣйствуютъ на нервную систему, а скверная погода еще усугубляетъ это.

23 октября. Спалъ очень плохо. Оказалось, что ночью тревожили меня клопы, что было для меня печальной новостью, такъ какъ до сихъ поръ этихъ отвратительныхъ паразитовъ на суднѣ не появлялось.

Сегодня погода роскошная и полный штиль. Команда все время возится съ баней. Работы очень много, а результаты плачевные: придется, пожалуй, подымать всю баню и подкладывать подъ нее брусъ. Это будетъ самый лучший и легкій способъ избавиться отъ воды. Послѣ обѣда пришлось поставить матроса Шестакова подъ ружье за то, что онъ ругалъ боцмана неприличными словами. Для пущей важности нацѣпили на него мѣшокъ и положили въ него четыре кирпича, но это оказалось настолькоъ тяжелымъ, что пришлось на половину сбавить. Наказывать людей—самая непріятная

обязанность, но ее приходится исполнять, такъ какъ надо слѣдить, чтобы наказанія выполнялись съ точностью.

Сегодня я предложилъ въ каютъ-компаниі всѣмъ, въ виду наступленія полярной ночи, регулярно выходить на воздухъ и заниматься физическимъ трудомъ, хотя бы въ продолженіи одного или двухъ часовъ въ сутки. Такая работа на воздухѣ укрѣпитъ первы и поправитъ здоровье.

Работу всѣмъ я нашель; она будетъ состоять въ сборѣ плавника въ бухтѣ и перевозкѣ его на собакахъ къ судну. Съ завтрашняго дня я начинаю работать и прошу желающихъ встать въ семь часовъ утра. Завтра идетъ со мною механикъ. Въ 11 часовъ вечера всѣ разошлись, кругомъ тихо, на палубѣ спокойно.

24 октября. Въ 6 часовъ, разбудивъ меня, механикъ просилъ встать и идти на работу. Я поднялся, одѣлся и вышелъ. Напились чаю и начали собираться. Температура на дворѣ 8° мороза. Къ берегу бухты шли около получаса и, придя, тотчасъ же начали собирать плавникъ. Весь берегъ покрытъ плавникомъ и мѣстами онъ подается совершенно свѣжимъ, и сухимъ, хотя большинство его — сырое и гнилье. Часть плавника наполовину засыпана пескомъ, почему придется долго возиться, пока его достанешь, но мы рѣшили собирать только тотъ плавникъ, который будетъ на поверхности. Хотя этотъ плавникъ и примерзъ къ землѣ, но доставать его очень легко. Попадаются нѣкоторые бревна до 20 аршинъ въ длину, совершенно свѣжія и зарытыя въ песокъ только отчасти, надъ такими бревнами мы рѣшили потрудиться, такъ какъ съ каждого изъ нихъ мы можемъ получить до сажени дровъ. Вообще работа шла успѣшно и мы собрали свыше трехъ сажень дровъ и все это снесли и сложили въ отдѣльныя кучи. Особенно много времени потратили на пилку бревна около 20 аршинъ длиною и толщиною у основанія свыше аршина. Длинные бревна мы пилимъ на такіе куски, чтобы они свободно могли помѣститься на нарты. Къ обѣду возвратились домой. Механикъ за сегодняшній день особенно усталъ и почти ничего не ѣлъ. На вопросъ Сѣдова: «что, Иванъ Андреевичъ, поработали сегодня». — Механикъ отвѣтилъ: «если такъ работать, то сразу пропадешь. Теперь я понимаю, что отецъ очень хорошо дѣлалъ, когда меня билъ и посылалъ учиться слесарному ремеслу. Если бы я теперь былъ чернорабочимъ, то я бы не выдержалъ такой работы. Но это ничего: черезъ день, два станетъ легче и работа пойдетъ успѣшнѣе». Послѣ обѣда механикъ спалъ, какъ убитый. Я ушелъ въ свою каюту читать, но какъ только легъ,

такъ и уснулъ, и меня разбудили только къ ужину. Вставать мнѣ не хотѣлось; руки и ноги сильно болѣли и тяжело было ими ворочать. Несмотря на это, завтра я думаю снова пойти на работу и буду ходить до тѣхъ поръ, пока не соберемъ весь плавникъ. Это важно сдѣлать именно теперь, пока берегъ еще не засыпанъ снѣгомъ и плавникъ еще виденъ. Соберемъ мы его въ кучи и, по мѣрѣ надобности, будемъ возить къ судну. Послѣ ужина я ушелъ въ свою каюту легъ и сладко уснулъ подъ звуки граммофона.

Сегодня мы захватили съ собой кирку, такъ какъ взятые нами два лома мало помогали. Какъ только началъ работу, почувствовалъ страшную боль въ рукахъ, въ спинѣ и вообще во всемъ тѣлѣ, но затѣмъ боль немного стихла и работа становилась легче. Кирка принесла намъ огромную пользу и мы сегодня собрали нѣсколько кучъ плавнику, большихъ по величинѣ, чѣмъ вчера. По началу видно, что дровъ хватитъ на всю зиму. Къ обѣду возвратились, но уже такая усталость не чувствовалась. Послѣ обѣда читалъ, а затѣмъ въ 6 часовъ вышелъ въ каютъ-компанію, гдѣ играла музыка. Сѣдовъ предложилъ мнѣ заняться вечеромъ астрономическими вычисленіями; онъ произвелъ наблюденія надъ двумя звѣздами: Вегой и Алтаиромъ, и теперь по нимъ надо было вычислить положенія нашего астрономическаго пункта.

До ужина и послѣ ужина мы занимались вычисленіемъ долготы и широты мѣста нашей зимовки. По звѣздѣ «Вега» широта наша равняется $75^{\circ} 58' 20''$, а по звѣздѣ «Алтаиръ» $76^{\circ} 1' 10''$. Такая разница въ широтѣ вышла потому, что звѣзды наблюдались вдали отъ меридіана. Если звѣзды будутъ хорошо видны завтра, то попробуемъ опредѣлить широту по Полярной звѣздѣ. Вычисляли до 11 часовъ вечера, а затѣмъ разошлись по каютамъ.

Павловъ все время приготавливалъ шлифы изъ лапландскихъ породъ камней, которые онъ захватилъ съ собой и теперь работаетъ надъ ними.

26 октября. Сегодня пришли будить меня въ 7 часовъ утра, но я уже одѣвался. Къ 8 часамъ напился чаю и ушелъ въ бухту на обычную работу. Работаемъ попрежнему вдвоемъ съ механикомъ, остальные же члены каютъ-компаніи считаютъ эту работу не заслуживающей вниманія, а потому сидятъ дома. Работа наша подвигается быстро и чѣмъ глубже мы идемъ въ бухту, тѣмъ больше мы находимъ плавнику. Сейчасъ тепло, всего — 3° . Во время работы, когда уставшій механикъ стоялъ, я спросилъ его: «Ну что, каково теперь дома?» и онъ отвѣтилъ мнѣ: «Мы тутъ

работаемъ на холодѣ, а они сидятъ въ теплѣ и, пожалуй, о насъ не думаютъ. Приѣдемъ, увидимъ».

Къ обѣду возвратились мы менѣе уставшіе, чѣмъ предыдущіе дни, ѣли съ большимъ аппетитомъ и особенно съ большимъ удовольствіемъ пили чай.

Въ 6 часовъ Сѣдовъ предложилъ желающимъ отправиться на астрономическій пунктъ наблюдать звѣзды. Согласіе изъявили я, капитанъ судна и штурманъ.

Астрономическій пунктъ находился на высокой горѣ, въ разстояніи около полумили отъ судна. Подыматься приходилось почти по отвѣсному берегу и подъ конецъ съ помощью веревки.

На дворѣ совершенно темно, температура — 9°.

Впереди всѣхъ шелъ Сѣдовъ, за нимъ я и штурманъ и позади всѣхъ капитанъ. Съ нами же шло нѣсколько матросовъ, которые несли инструменты и освѣщали намъ путь фонарями. Подыматься въ гору было очень страшно. Снѣгъ подъ ногами все время осыпался. Когда дошли до половины горы, то передъ нами стояла почти отвѣсная стѣна. Капитанъ не рискнулъ идти дальше и возвратился домой, а мы всѣ пошли дальше. Съ большимъ трудомъ поднялись по веревкѣ Сѣдовъ и съ нимъ два матроса. Я началъ подыматься за ними, но бывшія съ нами собаки стали поперекъ дороги и никакъ не могли идти впередъ. Онѣ добрались до веревки и поворотили обратно. На дорогѣ мы столкнулись и не могли никакъ разойтись. Внизу былъ обрывъ и никто изъ насъ не хотѣлъ туда скатиться. Собаки прижались ко мнѣ, хотѣли обойти и все время толкали меня. Были моменты, когда я съ трудомъ удерживался. Пришлось сбросить собакъ внизъ и тогда уже самому подыматься по веревкѣ на гору. Штурманъ ползъ за мной. Съ большимъ трудомъ взобрались мы по крутой горѣ на высоту въ семьдесятъ метровъ. Когда я посмотрѣлъ внизъ, гдѣ у горы стояли матросы съ фонарями, то ужаснулся. Они казались маленькими, гдѣ то далеко, далеко внизу. Взобравшись на гору, мы пошли къ астрономическому пункту. Тучи понемногу начали находить и закрывать небо, а съ ними исчезали и звѣзды. Черезъ полчаса все небо закрылось тучами и мы ни съ чѣмъ должны были возвратиться домой. Было страшно досадно, по дѣлать нечего. Обратно мы шли по сокращенному пути и рѣшили спуститься съ горы ближе къ астрономическому пункту каждый на собственныхъ салазкахъ. Матросъ шелъ впереди, выбралъ мѣсто по своему усмотрѣнію, скатился внизъ и уже снизу преду-

предилъ насъ, что это мѣсто очень хорошее для спуска. Было совершенно темно. Мы довѣрились матросу и рѣшили катиться. На половинѣ дороги оказалось, что мы попадаемъ сперва на небольшую площадку и что уже съ нея мы должны будемъ катиться почти съ отвѣсной скалы. Путь былъ неваженъ, но и взбираться обратно на гору и искать болѣе удобнаго пути не представлялось возможнымъ, и мы, волей неволей, должны были послѣдовать примѣру матроса. Скала покрыта снѣгомъ, у самаго основанія ея образовалась канава, а дальше громадный бугоръ снѣга, образовавшійся отъ постоянныхъ вьюговъ. Если упасть съ сильнаго разгона въ канаву, то можно сломать себѣ ногу; выскочить же сразу съ раската на бугоръ не каждому изъ насъ возможно. Рѣшено катиться дальше, а потому въ числѣ первыхъ покатались матросы, Сѣдовъ и штурманъ. Всѣ они удачно попали на бугоръ, свободно перелетая канаву. Мнѣ пришлось спускаться послѣднимъ и, набравшись храбрости, я покатился внизъ. Мой вѣсъ далъ себя чувствовать, и я внизъ катился какъ бомба. Какъ я слетѣлъ внизъ, не знаю, только чувствовалъ по дорогѣ, какъ я прыгаль, пока наконецъ не ударился о снѣгъ. Въ концѣ концовъ я очутился въ канавѣ и почти всей головой зарылся въ снѣгъ. Ноги торчали кверху, и я не понималъ, что вокругъ меня происходитъ. Матросы подскочили и вытащили меня изъ канавы. Я разбился жестоко. Освѣтили фонарями мѣсто моего паденія и оказалось, что я взялъ на три аршина правѣе и попалъ на мысъ, выступающій въ бухту. Мѣстами мысъ былъ обнаженъ и тамъ и сямъ торчали изъ подъ снѣга камни. Катиться мнѣ пришлось по камнямъ и когда я вскочилъ съ разгона на выступающій мысъ, то меня подбросило и внизъ я летѣлъ по воздуху. Всѣ страшно хотели, но я едва сдерживался. Мнѣ было больно и смѣшно. Мнѣ было досадно, что пять человѣкъ скатилось благополучно, а я непремѣнно долженъ былъ разбиться и упасть въ канаву. Съ большимъ трудомъ я добрался домой лишь въ 9 часамъ вечера.

Чудный видъ представляло изъ себя судно, тихо стоявшее въ бухтѣ. Оно покрыто инеемъ, въ иллюминаторахъ виденъ свѣтъ, который большими снопами падаетъ на снѣгъ бухты.

Картина какая-то волшебная. На душѣ легко и эта мирная наша обитель кажется тихимъ пристанищемъ, гдѣ всѣ далеко ушли отъ мірской суеты и здѣсь среди суровой природы нашли душевный покой и отдыхъ отъ повседневныхъ дразгъ и непріятностей.

Молча мы пришли домой, напились чаю и къ 10 часамъ разошлись по каютамъ. Я переодѣлся и осмотрѣлъ мѣста ушибовъ. Оказалось, что кожа съ бока почти вся сорвана, ноги побиты и мѣстами кровь пристала къ бѣлью. Къ 10 часамъ я привелъ себя въ порядокъ и сейчасъ же легъ спать.

27 октября. Утромъ меня не будили, и самъ я всталъ къ 9 часамъ утра. Первымъ долгомъ я осмотрѣлъ свой бокъ и оказалось, что онъ весь посинѣлъ. Опухоль увеличилась, но боль слегка

„Одинокій“.

уменьшилась. Несмотря на сильную боль, я все же одѣлся и ушелъ въ бухту. Работать я не могъ и потому распорядился возить сегодня къ судну плавникъ. Погода была хорошая и намъ удалось къ обѣду привезти на четырехъ нартахъ, приблизительно, около сажени дровъ. Послѣ обѣда пилили дрова. Я окончательно прекратилъ выдачу сухихъ дровъ изъ трюма и заставилъ топить плавникомъ, который команда должна была своевременно привести, распилить, сложить и затѣмъ по мѣрѣ надобности расходовать.

На берегу мы нашли три совершенно новыхъ отесанныхъ бревна и ихъ не пилили, а рѣшили доставить цѣликомъ на судно и употребить для подѣла бани, которая съ каждымъ днемъ все погружается и погружается. Въ глубинѣ бухты мы нашли еще одно большое дерево и на стволѣ его надпись «Ф. О. Х.». Повидимому здѣсь были норвежцы и вырѣзали эти буквы.

Сегодня возвратились особенно рано и сейчасъ же приступили къ пилкѣ дровъ. Работали до 6 часовъ вечера, и затѣмъ ушли въ

свои каюты. Никто изъ членовъ каютъ-компаніи намъ не помогаетъ и видно, что вся ихъ помощь сведется лишь къ словеснымъ общаніямъ. Въ каютъ-компаніи сегодня никого не видно; всѣ разбрелись по своимъ каютамъ и читаютъ.

28 — 31 октября. Жизнь идетъ однообразно. Сидятъ по каютамъ, читаютъ, а я съ механикомъ все время ходимъ собирать плавникъ. Погода стоитъ теплая и температура держится отъ—3° до—8°; вѣтра нѣтъ, полный штиль. Сегодня мы заканчиваемъ сборъ плавника и займемся серьезно его перевозкой.

ГЛАВА XV.

Мы снова спасаемъ баню—тяжелая непроизводительная работа. Возка и пила плавника. Полярная лунная ночь. Недоброкачествонность продуктовъ.

1—3 ноября. Эти дни все время возимся съ баней и поднимаемъ ее изъ воды. Какая досада! Мы имѣемъ баню, но ею не пользуемся и каждый день прилагаемъ массу труда, чтобы поднять ее выше и освободить отъ воды. Работать приходится въ водѣ, матросы мерзнутъ, что скверно отражается на ихъ самочувствіи. Если бы не приходилось работать въ водѣ, то это было бы великолѣпно, такъ какъ мы имѣли бы ежедневно хорошій моціонъ и порядочное время пребыванія на воздухѣ. Сейчасъ мы имѣемъ часа два свѣтлаго времени, если можно такъ выразиться. Отъ 11 до 1 часу дня на югѣ видна свѣтлая полоса, которая даетъ возможность различать все вокругъ и мы стараемся это время использовать для нашихъ работъ. Сегодня подняли наконецъ баню на полъ аршина, подложили бревна и думаемъ завтра закончить всѣ работы. Не знаю, надолго ли это, но думаю, что все будетъ зависеть отъ погоды. Если подыметъ снова штормъ и нанесетъ вокругъ бани много снѣгу, то она погрузится и намъ предстоитъ опять рядъ работъ, чтобы снова привести ее въ надлежащій порядокъ. Вообще мы сдѣлали грубую ошибку, построивъ баню на льду. Если бы знали, что намъ придется столько съ ней возиться, мы навѣрно, отказались бы отъ этого удовольствія и предпочли бы построить ее на берегу. Вечеромъ долго сидѣли за ужиномъ, вспоминая Петербургъ и близкихъ. Теперь по вечерамъ у насъ играетъ граммофонъ и пластинки Каменской и Кузнецовой ставятся особенно часто. Все время разбираемъ ихъ по косточкамъ, но, несмотря

на массу ихъ недостатковъ, большинство изъ насъ высказывается за то, что не вредно было бы послушать ихъ самихъ въ этомъ нашемъ маленькомъ обществѣ.

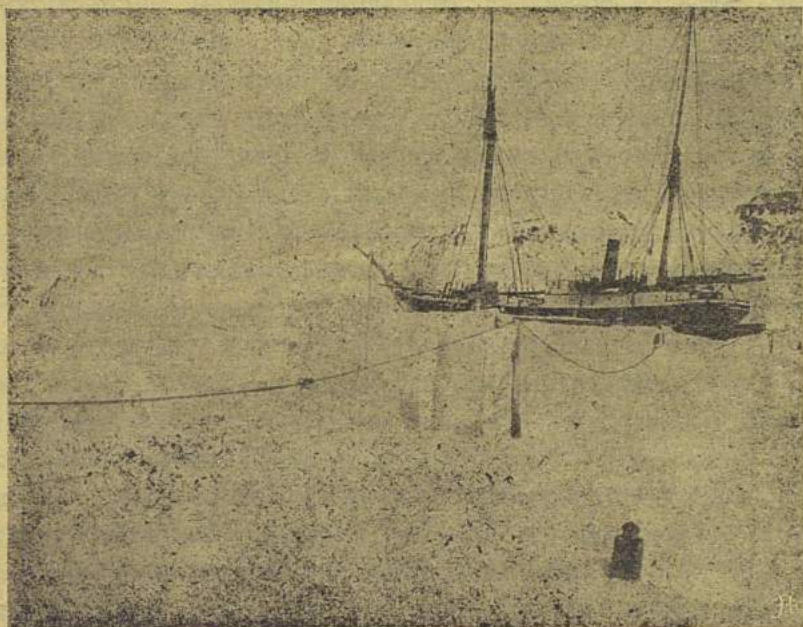
4 ноября. Всталъ я сегодня въ 8 часовъ, собралъ команду и пошелъ доканчивать работы по подъему бани. Сегодня работали въ водѣ и ныли. Кажется ничто такъ не надоѣло, какъ эта проклятая баня, существующая только для вида: пользоваться ею никогда не приходится, такъ какъ полъ постоянно покрытъ водою. Для подъема бани приходится подъ каждый уголъ подкладывать громадные бревна и, пользуясь системой рычаговъ, подымать зданіе и подкладывать подъ углы бревна. Вся работа идетъ въ водѣ, а она теперь очень холодная, бревна же приходится подкладывать руками, ибо если ихъ подталкивать лопатой или багромъ, то они тотчасъ же всплываютъ и ихъ приходится снова подталкивать. Вообще воокругъ бани почти на разстояніи аршина стоитъ вода и приходится бродить въ сапогахъ. Сегодня къ 12 часамъ подняли одинъ уголъ и подложили ^{подъ} него большія бревна. Обѣдали во второмъ часу. Послѣ обѣда работъ не продолжали, а рѣшили начать работать съ утра. Вечеромъ пилили дрова и кололи ихъ. Послѣ ужина играли въ шашки, болтали, вспоминали молодость.

Въ виду того, что публика наша понемногу распускается и позволяетъ себѣ грубыя выраженія, то рѣшили еще въ началѣ зимовки каждому виновному ставить крестъ. Я предложилъ ставить кресты и за каждое пятно на скатерти. Наблюденіе за порядкомъ возложено на меня и поэтому я всегда хожу съ карандашемъ за ухомъ и съ бумагой въ рукѣ. За 10 дней не было поставлено ни одного креста, всѣ вели себя настолькоъ прилично, что ихъ смѣло можно было пустить в любое общество.

Сегодня моя вахта съ 12 часовъ и мнѣ придется обходить каюты и тушить огни. Многимъ это очень не нравится, ибо каждый желаетъ читать до тѣхъ поръ, пока ему хочется, но въ мою вахту приходится ложиться во время. Капитанъ теперь уже не разсуждаетъ и ровно въ 12 часовъ тушитъ лампу, говоря: «Сегодня вахта доктора, надо во время тушить огни». Въ 12 часовъ ночи я провѣрилъ вахту, кубрикъ, потушилъ вездѣ огни и ушелъ спать.

5—7 ноября. Дни идутъ шаблонно. Съ утра подымаемъ баню, а послѣ обѣда пилимъ дрова. Капитанъ страшно хандритъ, сильно похудѣлъ и почти все время спитъ. Въ 9 часовъ утра онъ встаетъ,

затѣмъ пьетъ чай и снова идетъ въ свою каюту спать. Надо будетъ снова его вытащить изъ каюты. Дня теперь совершенно нѣтъ, все время темно. Одна луна теперь освѣщаетъ мрачную природу. Погода все время довольно хорошая и группы облаковъ, блуждая по небу, то открывая, то прикрывая луну, придаютъ природѣ волшебный видъ. Снѣгъ на горахъ переливается и серебрится, рисуется фантастическіе волшебные замки. Одна картина

Послѣ ледяного напора. При лунномъ освѣщеніи.

смѣняется другой и постепенно переносить тебя то въ Малоросію въ зимнюю лунную ночь, когда вдали видны избушки и сани, покрытые снѣгомъ, то въ горы Кавказа съ блестящими бѣлоснѣжными шапками. Тотъ, кто не бывалъ въ полярныхъ странахъ, не можетъ представить себѣ тѣхъ чудныхъ и фантастическихъ картинъ, которыя быстро чередуются, благодаря причудливому свѣту луны. Вокругъ насъ высокіе берега. При лунномъ свѣтѣ они кажутся огромными замками и крѣпостями, но гдѣ чувствуется и полная свобода и полный просторъ.

Все хорошо, но недостаетъ свѣжихъ людей и газетъ. Это очень тяготитъ. Ко дню возвращенія, навѣрное, многое измѣнится, мы отстанемъ отъ жизни и окружающимъ будемъ казаться дикими

и странными, такими же, какъ и природа полярныхъ странъ. Особенно теперь рвется душа къ роднымъ въ свою семью, въ общество. Но когда вспомнишь про всю прозу, окружающую тебя, про узкій эгоизмъ людей, сразу холодный потъ выступаетъ на лицѣ. Гдѣ лучше? Отвѣтъ не труденъ. Что такое физическія страданія сравнительно со страданіями душевными? Здѣсь чувствуешь себя свободнымъ и не думаешь о томъ, что, быть можетъ, завтра или черезъ нѣсколько дней столкнешься снова съ обманомъ, интригами и такъ далѣе. Сидишь ли въ каютѣ, бродишь ли по льдамъ и торамъ, всегда чувствуешь въ себѣ силу. Я думаю, что если удастся возвратиться намъ домой, то для окружающихъ мой характеръ покажется совершенно инымъ. Въ какую сторону онъ измѣнится, сейчасъ вообще трудно сказать, но думаю, что въ сторону суровости. Вообще природа сильно дѣйствуетъ на человека. Сейчасъ бродишь по землѣ и не видишь ни одного живого существа. Все куда то исчезло, и только изрѣдка кое гдѣ на снѣгу видны слѣды мышей и чувствуешь, что жизнь есть и здѣсь, но она скрыта отъ насъ и подчинена своимъ собственнымъ законамъ. Съ уходомъ солнца все исчезло, дни становятся все темнѣе и темнѣе, и наступаетъ сплошная ночь. Ночь начинается намъ уже надоѣдать, но теперь, когда луна даетъ обиліе свѣта и когда, благодаря свѣту, возможно свободно передвигаться, темнота эта не такъ замѣтна; но когда не будетъ луны, природа станетъ еще мрачнѣе, а съ нею станутъ мрачными и наши мысли и наши думы. На всѣхъ дѣйствуетъ темнота удручающе. Уже теперь замѣтна тусклость на лицахъ, а вѣдь теперь только какихъ нибудь двадцать дней темнаго времени и то съ проблесками свѣта. Что же будетъ по прошествіи трехъ мѣсяцевъ? Холодовъ особенныхъ нѣтъ. Температура — -16° , но дальше она должна сильно понизиться. Работы идутъ попрежнему. Съ баней совершенно покончили. Завтра у насъ праздникъ. Павловъ именинникъ и мы будемъ праздновать. Вѣдь надо же чѣмъ нибудь разнообразить нашу монотонную жизнь. Съ вечера я распорядился обѣдомъ. На закуску будетъ подана водка, сардины, колбаса и жареная кислая капуста съ саломъ. Супъ изъ трески, на второе котлеты изъ трески и на третье черничный компотъ съ сушеными фруктами, а затѣмъ какао. Это разнообразіе блюдъ навѣрное для насъ дома показалось бы слишкомъ однообразнымъ, но что дѣлать? Медвѣжьяго мяса у насъ нѣтъ, а новые медвѣди не хотятъ принести намъ себя въ жертву. Очень жаль, что нѣтъ медвѣжьяго мяса. Мы къ нему привыкли и насколько первый

день оно намъ казалось противнымъ, настолько теперь оно намъ нравится. Съ вечера всё поговаривали: «Чѣмъ то докторъ отличить завтрашній день, что то онъ дастъ намъ на обѣдъ? и т. д.». Послѣ ужина долго еще болтали на эту тему. Я общалъ всѣхъ покормить солониной, но послѣ этихъ словъ они подняли такой шумъ, что мнѣ пришлось ихъ успокаивать и общать никогда ее больше не подавать. Вотъ уже третью бочку вскрываемъ и солонина оказывается гнилой. Ее совершенно нельзя ѣсть. Когда ее варишь, то въ каютахъ стоитъ такая вонь, трупный запахъ, что мы должны всё убѣгать. Эту солонину я не варю, такъ какъ ее нельзя ѣсть, но каждый день вскрываю новыя бочки и думаю, что у подрядчика хотя немного было совѣсти и онъ, быть можетъ, по ошибкѣ положилъ въ нѣсколько бочекъ хорошую солонину, но до сихъ поръ я убѣждался въ противномъ. Треска, поставленная имъ же въ количествѣ 5 большихъ бочекъ, вѣсомъ въ 130 пудовъ, оказалась тоже гнилой. Думаю, что изъ-за такой недобросовѣстной поставки намъ придется сильно страдать, такъ какъ провизіи у насъ можетъ не хватить. Сейчасъ пользуемся солониной и треской владѣльца судна Дикина, которой на суднѣ у него было пудовъ 20.

До 11 часовъ ночи болтали все на ту же тему, какъ бы покуснѣе завтра поѣсть, а затѣмъ разошлись по каютамъ.

8 ноября. Съ утра начали поздравлять именинника. Команда объ этомъ знала и всё перешептывалась. До обѣда работали, а затѣмъ разошлись по каютамъ. Къ обѣду всё собрались и одѣли свои европейскіе костюмы. Теперь мы привыкли всё ходить безъ воротниковъ, въ широкихъ рубахахъ, и всё наши европейскія затѣи уже начинаютъ насъ стѣснять. Сѣдовъ вышелъ въ формѣ, капитанъ тоже въ своей формѣ, я въ черкескѣ, остальные одѣлись въ свои костюмы, а Пинегинъ даже сдѣлалъ изъ цвѣтной бумаги розочку и прикрѣпилъ ее къ борту тужурки.

Къ обѣду я подаль водки, а командѣ распорядился дать по чаркѣ. Команда прислала депутата поздравить Павлова съ днемъ ангела и насъ съ именинникомъ. Среди обѣда я еще подаль полбутылки бѣлаго вина. Когда команда поздравила Павлова, то онъ обратился съ просьбой ко мнѣ и Сѣдову, чтобы мы разрѣшили дать командѣ еще по одной рюмкѣ водки, каковую Павловъ самъ снесетъ въ кубрикъ и поблагодаритъ матросовъ за поздравленіе. Водка была дана и Павловъ исполнилъ свое желаніе. Когда послѣ обѣда подали какао и кофе, то всё въ одинъ голосъ начали просить

Сѣдова разрѣшить дать еще коньяку или рому. Сѣдовъ отвѣтилъ, что это зависитъ отъ меня, и если я найду возможнымъ, то и онъ присоединяется къ общей просьбѣ. Пришлось уступить и дать имъ полбутылки рому. За обѣдомъ было очень весело и всѣ держали себя очень развязно.

Сегодня мнѣ пришлось столько ставить крестовъ, что подѣ конецъ обѣда я просилъ, если это будетъ и дальше продолжаться, то дать мнѣ помощника, ибо я не успѣваю самъ писать кресты.

Въ каютѣ компаніи на именинахъ Павлова.

Послѣ сытнаго обѣда всѣ разбрелись по своимъ каютамъ и улеглись спать и только въ 7 часовъ вновь выползли въ каютъ-компанію. Ужинать никто не хотѣлъ и пили только чай, къ которому я подаль конфекты, сухари и варенье. Наше варенье мы опредѣляемъ только по надписямъ, ибо въ немъ нѣтъ ни вида, ни вкуса, оно все состоитъ изъ глицерина, какихъ то ягодъ и мусора, и когда подаемъ варенье, то долго споримъ и не можемъ опредѣлить, изъ какой оно ягоды. За обѣдомъ выпили сегодня рюмки по четыре водки, по бакалу вина и по двѣ рюмки рому и это такъ подѣствовало на насъ, что многіе опьянѣли. Я почти ничего не пью, а поэтому мнѣ особенно замѣтно было, какъ вели себя остальные.

Вообще у меня сегодня побаливаетъ голова и послѣ чаю я ушелъ къ себѣ въ каюту. Нашъ сегодняшній обѣдъ мы увѣковѣчили снимкомъ, который сдѣлалъ Пинегинъ при свѣтѣ магнія.

9 ноября. Встали утромъ позже обыкновеннаго. Въ каютахъ холодно, такъ какъ затопили поздно. Сегодня температура—31,8° самая низкая, какую до сихъ поръ мы наблюдали. На дворѣ полный штиль, воздухъ чистъ и прозраченъ. Утромъ, когда я узналъ, что такая низкая температура, то у меня въ головѣ невольно мелькнула мысль, что на воздухъ и выдти нельзя, вѣдь такой низкой температуры я въ своей жизни не испытывалъ. У насъ на югѣ—20° считается такимъ холодомъ, что и въ гимназію не ходятъ дѣтишки и на улицахъ зажигаютъ костры, но, какъ только я вышелъ на воздухъ, увидѣлъ, что ничего страшнаго нѣтъ. Морозъ, какъ морозъ: особенно не жжетъ, и только какъ то особенно сильно хруститъ снѣгъ. Мнѣ эта погода очень понравилась. Я рѣшилъ испытать всѣхъ собакъ и негодныхъ уничтожить. Изъ 80 собакъ у насъ осталось 76. Изъ оставшихся собакъ есть нѣсколько настолько худыхъ и не приспособленныхъ къ морозу, что врядъ ли онѣ смогутъ когда-либо принести намъ какую либо пользу. Если собаки при испытаніи окажутся годными и будутъ хорошо работать, то мы ихъ выдѣлимъ и будемъ усиленно кормить, а негодныхъ уничтожимъ. Работъ для испытанія собакъ у насъ много, ибо придется усиленно возить дрова изъ бухты. Послѣ чаю я живо собралъ въ двѣ нарты худыхъ собакъ (архангельскихъ) и отправился съ двумя матросами въ бухту за плавникомъ. Въ первой партѣ оказалась негодной одна собака, во второй три. Одну собаку мы не могли поймать, ибо она кусалась, и ее невольно выпускали; поэтому я рѣшилъ уничтожить и ее, тѣмъ болѣе, что она всегда перегрызала упряжь и ошейники и у другихъ собакъ. Съ собаками возился почти до часу дня, но за то разбилъ ихъ по категоріямъ. Къ обѣду морозъ началъ понемногу ослабѣвать. Небо попрежнему было чисто, воздухъ прозраченъ и уже съ часу дня были ясно видны на небѣ звѣзды. Сѣдовъ рѣшилъ использовать этотъ день для наблюденій, чтобы опредѣлить точнѣе широту нашей зимовки. До обѣда Сѣдовъ предложилъ мнѣ пойти съ нимъ на астрономическій пунктъ, а затѣмъ уже, по окончаніи работъ, пообѣдать. Хотя я и сильно усталъ, но одѣлся и мы двинулись. На этотъ разъ взбирались хотя и по высокой и крутой горѣ, но все же на болѣе удобномъ мѣстѣ, чѣмъ въ наше первое путешествіе. Луна только что начала подыматься изъ-за горизонта. Какъ раска-

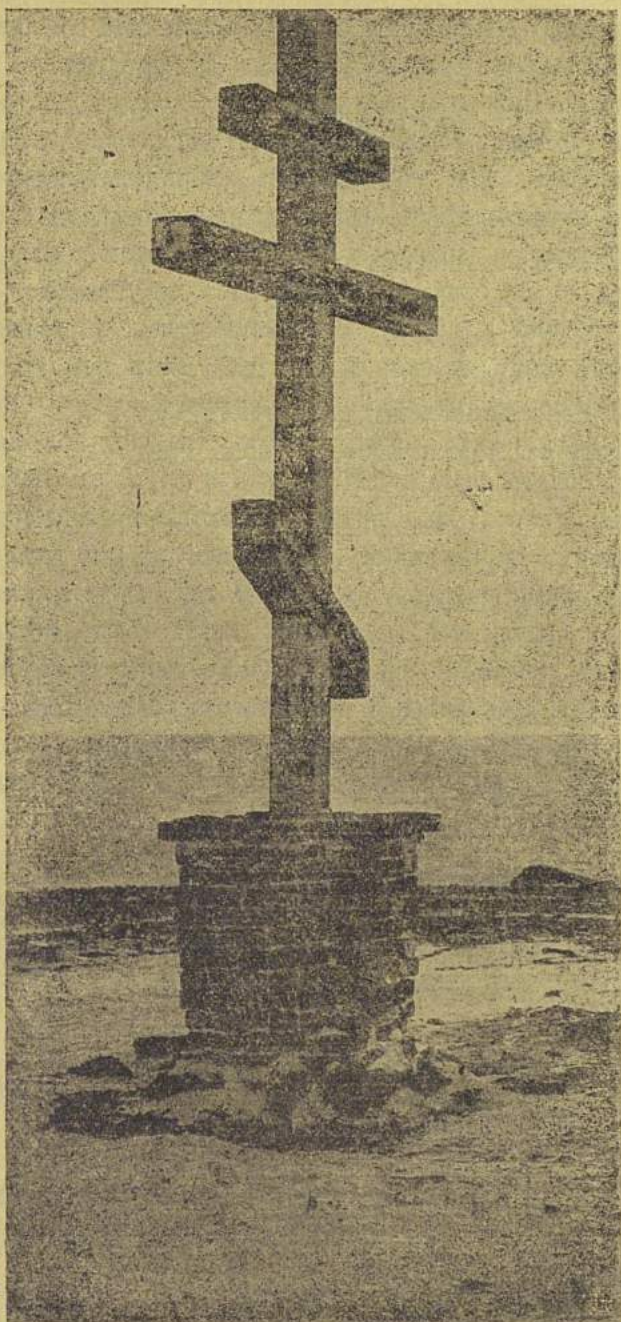
ленное желѣзо выползала она изъ-за горъ и бросала свои блѣдныя лучи на окружающую природу и придавала ей своеобразный цвѣтъ. Сѣдовъ спѣшилъ, чтобы успѣть произвести наблюденіе надъ звѣздой «Вегой», ибо въ это время она должна проходить меридіанъ; кромѣ того, луна, подымаясь, сильнѣе освѣщала окрестность и небо и ослабляла силу свѣта звѣздъ. Намъ повезло, и Сѣдовъ успѣлъ взять 24 высоты.

Температура равнялась—24,5°. На обратномъ пути скатились съ горы на собственныхъ салазкахъ. До половины горы Сѣдовъ катился удачно, но дальше, попавши съ разгона на сугробъ снѣга, подскочилъ, перевернулся, измѣнилъ свое направленіе и дальше катился уже внизъ головой. Я и матросъ съѣхали совершенно благополучно. На обратномъ пути рѣшили произвести вечеромъ наблюденія надъ той же звѣздой. Пришли домой въ 2 съ половиною часа, пообедали и затѣмъ я ушелъ спать.

Въ 7 часовъ Сѣдовъ проснулся, разбудилъ меня и началъ торопить, такъ какъ боялся, чтобы мы не опоздали. Руки и ноги у меня сильно болѣли и весь я былъ разбитъ. Какъ только пошли, боль понемногу начала проходить. Луна свѣтила во всю. Милліарды звѣздъ мерцали и какъ то особенно ярко горѣли. Здѣсь кажется такая масса звѣздъ, какую до сихъ поръ мнѣ не приходилось видѣть. Тихо кругомъ; и только изрѣдка трескъ льда въ бухтѣ да хрустъ снѣга подъ ногами нарушалъ эту мертвую тишину.

На гору взобрались легко. Хотя я разъ сорвался, но скоро задержался и затѣмъ легко взобрался на гору. На верху обрыва согнали полярную сову и она, словно таинственный духъ, низко полетѣла надъ горнымъ хребтомъ и исчезла въ туманной дали. Это первая птица, которую удалось намъ видѣть за этотъ мѣсяцъ. Пришли мы на астрономическій пунктъ довольно рано, а потому пришлось отдыхать и ожидать около получаса, чтобы затѣмъ своевременно начать измѣренія. Морозъ началъ постепенно ослабѣвать и измѣреніе температуры показало — 14°.

Какія рѣзкія колебанія температуры наблюдаются въ этихъ краяхъ. Не такъ давно было — 3°, затѣмъ черезъ какихъ нибудь 3—4 дня температура понизилась почти до—32°, а вечеромъ въ тотъ же день дошла до—14°. Нашъ астрономическій пунктъ состоитъ изъ большого деревяннаго креста съ надписью: «Экспедиція Лейтенанта Сѣдова къ Сѣверному полюсу» и на верхней перекладинѣ: «Зимовка 19—12—13 г.». Крестъ этотъ врытъ въ землю и обложенъ на полтора аршина кирпичемъ, сложеннымъ на цементѣ. Склады-

Астрономическій знакъ на берегу Панкратьева полуострова.

вали кирпичъ при морозѣ и поэтому я предупреждалъ, что вся работа сведется къ нулю, такъ какъ цементъ при морозѣ ничего не стоитъ; несмотря на предупрежденіе, кирпичъ сложили и теперь цементъ разсыпается словно песокъ. По приходѣ къ кресту мы оба облокотились на него и направили свои взоры въ даль, гдѣ ясно были видны Южно-Крестовые острова и берегъ Панкратьева острова. Мы оба молчали. Повидимому, мысли Сѣдова какъ и мои витали гдѣ то далеко-далеко, среди теплой и мягкой природы. Милыя и знакомыя черты рисовались мнѣ, знакомыя тѣни и силуэты блуждали, подымались на далекихъ островахъ суровой и угрюмой природы. Тѣло наше здѣсь, у подножія креста, а духъ нашъ тамъ далеко, далеко, гдѣ, быть можетъ, и слезы и горе вторятъ нашимъ угрюмымъ одиночнымъ мыслямъ. Стоя у креста при такой обстановкѣ, воспоминаешь страданія на немъ Іисуса Христа, отдавшаго свою жизнь за грѣхи міра, за благо и идеалы человѣчества. Теперь мы стоимъ у подножія креста, ничтожныя и жалкія пылинки и не знаемъ, принесемъ ли мы хоть что-нибудь для того же человѣчества. Мы пошли сюда ради науки и готовы принести въ жертву ей даже свою жизнь. Быть можетъ, судьба сжадется надъ нами и мы сдѣлаемъ все, что возможно, принеся только двухгодовыя страданія, одиночество, невзгоды и лишенія, и это будетъ примирительной данью за нашъ пытливый и недовѣрчивый умъ и желаніе проникнуть въ новыя для насъ страны и ихъ изучить.

Подулъ небольшой вѣтерокъ, вывелъ насъ изъ задумчивости и мы почти одновременно поднялись съ Сѣдовымъ, проговоривъ: «Пора». Начали производить наблюденія. Усилившійся вѣтеръ давалъ себя чувствовать и особенно тогда, когда началъ подымать снѣгъ, носить его въ воздухъ и засыпать искусственный горизонтъ. Пришлось прекратить наблюденія, а затѣмъ я съ матросомъ уѣхали на подвѣтренной сторонѣ и такимъ образомъ служили какъ бы щитомъ отъ снѣга.

Это помогло, черезъ часъ мы закончили наблюденія и молча пошли къ судну. Съ горы начали спускаться въ новомъ мѣстѣ и на сей разъ подъ конецъ горы всѣ трое покатались и свалились подъ откосъ. Никто изъ насъ не ушибся и это даже насъ развеселило. Сѣдовъ рѣшилъ отправиться полярной ночью къ сѣверу Новой Земли и на мысахъ Нассау и Литке опредѣлять также астрономическіе пункты. Незамѣтно подошли къ судну, обогрѣ-

лись, напились чаю и разошлись по каютамъ. Я сегодня сильно усталъ и въ 10 часовъ улегся спать.

10 ноября. Уже съ утра поднялась сильная буря и кругомъ все рвало и метало. Дулъ юго-восточный вѣтеръ и достигалъ восьми балловъ. Проснулся я часовъ въ 6 утра и больше уже не могъ спать. Съ одной стороны не давалъ спать вѣтеръ, а съ другой холодъ, который чувствовался въ значительной мѣрѣ. Къ 8 часамъ вѣтеръ еще больше усилился. Въ прошломъ мѣсяцѣ преимущественно дули юго-западные вѣтры и уже съ ноября мѣсяца перешли на юго-восточные. Теперь въ каютъ-компаніи появились бюллетени и предсказанія погоды и иногда довольно удачныя. Сейчасъ настолько сильно мететь, что въ двухъ шагахъ ничего не видно. Очень жаль, что сейчасъ такая скверная погода и что она, видимо, продолжится нѣсколько дней. Благодаря ей мы теряемъ самое дорогое время — лунный свѣтъ, благодаря которому, мы могли бы продолжать экскурсіи. Если эта погода продлится дней пять шесть, то въ этомъ мѣсяцѣ экскурсіямъ не бывать, ибо настанетъ темное время, луны не будетъ и всякое движеніе будетъ немыслимо. До обѣда сѣдѣли съ Сѣдовымъ въ каютъ-компаніи и занимались вычисленіями произведенныхъ нами наблюденій. Насъ всѣхъ поражаетъ полная безучастность къ дѣламъ нашего капитана судна: онъ только и дѣлаетъ, что ходить и спать. Утромъ встаетъ въ 9 часовъ, пьетъ чай, затѣмъ ложится снова спать и спитъ до 12 часовъ, обѣдаетъ и снова спитъ и только читаетъ по ночамъ. Въ мое дежурство приходится съ нимъ вступать въ пререканія, ибо у него лампа горитъ позже 12 часовъ, я же на своемъ дежурствѣ этого не разрѣшаю. Вообще мнѣ очень не нравятся эти пререканія изъ-за свѣта, но я вынужденъ это дѣлать ради исполненія приказанія Сѣдова.

У насъ страшно много выходитъ керосина и это можетъ отразиться на недостаткѣ освѣщенія въ слѣдующемъ году. Въ сутки выходитъ керосина больше полпуда и только потому, что лампы горятъ во всѣхъ каютахъ цѣлый день, хотя мы большую часть дня проводимъ на воздухѣ и поэтому безразсудно тратимъ керосинъ. Я просилъ Сѣдова, чтобы онъ распорядился о томъ, чтобы каждый, уходя изъ своей каюты на прогулку, тушилъ лампу. Когда распоряженіе было сдѣлано, то Пинегинъ заявилъ мнѣ: «Какое Вамъ дѣло? Не станетъ керосина, будемъ сидѣть впотьмахъ, Вы все выжимаете и во всемъ всѣхъ стѣсняете». На это, конечно, я ничего не возразилъ, ибо вижу, что дѣло имѣю съ человѣкомъ, который

не только не учитываетъ своего положенія, но не думаетъ совершенно о тѣхъ, которые всецѣло положились на меня, какъ завѣдывающаго всей продовольственной и хозяйственной частью экспедиціи. Ужинали сегодня въ 9 часовъ и послѣ ужина явился ко мнѣ матросъ Пустошный и заявилъ, что онъ позавчера упалъ и расшибся. Я ему далъ лѣкарства и онъ ушелъ въ кубрикъ. Вечеромъ молодежь играла въ карты, а я ушелъ въ свою каюту и улегся спать. Вѣтеръ завывалъ съ прежней силой.

Г Л А В А XVI.

Осмотръ трюма и провизіи. Крысы. Блопы — борьба съ ними. Домашнія неурядицы.

11 ноября. Еще съ ранняго утра я проснулся. Мысли мои направлялись въ трюмъ и склады провизіи, гдѣ я уже не былъ двѣ недѣли. Поднявшись, напился чаю, взялъ съ собой свободныхъ матросовъ и направился въ трюмъ. Просмотрѣлъ сухари и оказалось, что три мѣшка съ бѣлыми сухарями немного покрылись плѣсенью. Ихъ перебрали. Крысы у насъ оказалась масса.

Добрались они до сыра и съѣли больше половины головки и испортили массу мѣшковъ съ мукой и крупой. Мѣховыхъ вещей и думать нечего оставлять въ трюмѣ; оставленную нами малицу онѣ на четверть обгрызли и теперь придется долго съ ней возиться, чтобы привести въ надлежащій видъ. На желѣзныхъ бакахъ въ трюмѣ нашелъ двѣ малицы совершенно мокрыхъ и мѣстами изъѣденныхъ крысами. Малицы эти брошены Визе и Павловымъ, возвратившимися съ экскурсіи. У насъ на зимовку осталось двадцать два человѣка, а всѣхъ малицъ 14; 8 человѣкъ осталось безъ теплой одежды. Если дальше также небрежно будутъ смотреть за своими теплыми вещами, то въ концѣ концовъ больше чѣмъ у половины не будетъ во что одѣться. Теперь заведенъ, безъ моего вѣдома, новый порядокъ, а именно: каждый разъ, какъ только идутъ въ экскурсію, берутъ съ собой новыя малицы, а принесенныя мокрыя сушить не думаютъ и швыряютъ, куда попало. Я роздалъ каждому матросу по малицѣ и предупредилъ, что если кто не убережетъ своей малицы и она погибнетъ, то новой не получить и будетъ ходить въ чемъ попало. Послѣ ужина вычисляли съ Сѣдовымъ широту нашей зимовки и оказалось она на сей разъ

равной 76°0,7'. Въ 12 часовъ ночи только закончили вычисленія и разошлись спать.

12 ноября. Сегодня съ 8 часовъ утра начиналась моя вахта и надо было во время встать. Это теперь самыя непріятныя для меня вахты, ибо приходится во все вмѣшиваться, за всѣмъ смотрѣть, дѣлать замѣчанія лицамъ, которые не признаютъ никакихъ законовъ и никакихъ правилъ. Послѣ обѣда занимались съ Сѣдовымъ вычисленіями и къ ужину ихъ закончили. Визе, Павловъ и Пинегинъ играли въ карты и только къ часу ночи разошлись.

Я все время читалъ, а затѣмъ, когда они разошлись, провѣрилъ кубрикъ, потасилъ огни и хотѣлъ было идти въ свою каюту, но у капитана оказалась зажженная лампа, и мнѣ пришлось просить его ее потушить. Я ушелъ, началъ раздѣваться, но затѣмъ черезъ полчаса снова зашелъ провѣрить каюты. Капитанъ по-прежнему читалъ, и лампа у него горѣла. Я просилъ вторично потушить ее и предупредилъ, что если онъ этого не сдѣлаетъ, то мнѣ придется сидѣть въ каютъ-компаніи до тѣхъ поръ, пока лампа не будетъ потушена, а я сильно усталъ и потому прошу дать мнѣ возможность отдохнуть.

На мое предложеніе капитанъ отвѣтилъ: «мнѣ кажется, что съ вашей стороны даже нетактично дѣлать мнѣ замѣчанія, я не маленькій и самъ знаю, что дѣлаю». На это я отвѣтилъ, что съ своей стороны нахожу его поступокъ болѣе чѣмъ нетактичнымъ, ибо онъ меня заставляетъ дѣлать по нѣскольку разъ ему замѣчанія, а между тѣмъ онъ отлично понимаетъ и самъ, что если заведены и существуютъ какія либо на суднѣ правила, то лишь для того, чтобы ихъ исполняли, а не манкировали ими. Черезъ пять минутъ капитанъ лампу потушилъ. У Пинегина оказалась лампа вновь зажжена, и на мою просьбу потушить онъ на отрѣзъ отказался. До 2 съ половиною ночи я не могъ заснуть, ибо Визе, Павловъ и Пинегинъ всѣ зажгли у себя въ каютахъ лампы, собрались всѣ въ каютѣ Павлова и такъ шумѣли и хохотали, что уснуть не было никакой возможности. Въ 3 часа ночи я вынужденъ былъ встать и попросить ихъ либо тише разговаривать, либо прикрыть двери въ каюту, такъ какъ съ ихъ стороны неудобно мѣшать спать тѣмъ, кто цѣлый день провелъ въ работѣ.

13 ноября. Всталъ я сегодня въ 8 часовъ съ тѣмъ, чтобы сдать вахту другому. Вахту мы несемъ посуточно.

Въ 9 часовъ утра вышли пить чай Сѣдовъ, капитанъ и штурманъ. При нихъ я попросилъ Сѣдова или измѣнить свой приказъ

относительно того, чтобы огни тушились въ 12 часовъ, или освободить меня совершенно отъ вахты, такъ какъ не нахожу никакого удовольствія и смысла каждому дѣлать замѣчанія или же превращать несеніе вахты въ одну букольную комедію, смотря сквозь пальцы на все, что кругомъ дѣлается. Сѣдовъ на просьбу ничего не отвѣтилъ и я рѣшилъ въ слѣдующую свою вахту никому не дѣлать замѣчанія, что бы они ни дѣлали, и только еженедѣльно представлять свѣдѣнія о томъ, сколько идетъ керосина и сколько его остается. Цѣлый день, занимались астрономическими вычисленіями. На эти вычисленія приходится тратить массу времени.

14 ноября. Съ утра я началъ прилаживать драгу (сачокъ для ловли морскихъ животныхъ). Хочу попробовать опустить ее въ прорубь. Быть можетъ, попадетъ въ нее какое нибудь морское животное. Къ драгѣ я привязалъ кусокъ мяса и опустил на глубину 3 съ половиною сажени. Въ 10 часовъ утра вмѣстѣ съ 2 матросами на собакахъ мы отправились въ бухту за плавникомъ. Къ 12 часамъ успѣли съѣздить два раза и привезли около сажени дровъ. До ужина я читалъ, а затѣмъ въ 9 часовъ послѣ ужина ушелъ къ проруби вынимать драгу. Въ драгѣ оказалось очень много морскихъ рачковъ-креветокъ. Въ каютъ-компаніи изъявили согласіе попробовать ихъ, почему я завтра сварю ихъ и подамъ къ обѣду.

Молодежь играла въ карты, Сѣдовъ же въ игръ не принималъ никакого участія и ушелъ въ свою каюту. Въ 10 часовъ я ушелъ въ каюту, больше не выходилъ и въ 11 часовъ уже спалъ.

15—18 ноября. Дни проходятъ однообразно; температура все время держится—10—15°. 17 ноября я рѣшилъ устроить всѣмъ баню, вымыть матросовъ, взвѣсить ихъ и осмотрѣть. Всѣ дни я съ двумя матросами очищалъ всѣ каюты, дезинфицировалъ и высматривалъ клоповъ. Мною осмотрѣны и продезинфицированы всѣ каюты за исключеніемъ одной каюты, осмоторъ которой я отложилъ до завтрашняго дня. Грязи въ каютахъ оказалось очень много, а клоповъ и того больше. Во всѣхъ каютахъ я отвинтилъ деревянные части, вымылъ ихъ хорошенько кипяткомъ съ содой, а затѣмъ тѣмъ же растворомъ хорошенько вымылъ всѣ стѣны, потолоки и полы. До обѣда желающіе члены каютъ-компаніи могли идти и мыться, при чемъ я поставилъ въ банѣ вѣсы и просилъ каждого взвѣшиваться. Мнѣ необходимо знать вѣсъ каждого, такъ какъ хочу знать, какъ отразится на вѣсѣ пребываніе въ полярныхъ странахъ со столь продолжительной ночью. Сегодня же приказалъ всѣмъ матросамъ очистить кубрикъ, вымыть его, про-

вѣтрить матрасы и бѣлье, такъ какъ сегодня всѣхъ ихъ вымою, и хочу, чтобы всѣ спали въ чистомъ помѣщеніи. Къ 5 часамъ всѣ работы закончились и я взялъ съ собой команду и ушелъ въ баню. Осмотрѣлъ всю команду, а затѣмъ выкупался самъ.

Послѣ ужина я просилъ Пинегина разрѣшить мнѣ съ утра начать убирать его каюту. Пинегинъ отвѣтилъ, что каюта у него совершенно чиста и всякую дезинфекцію онъ считаетъ лишней. На это я ничего не отвѣтилъ, но былъ не мало удивленъ. Сѣдовъ слышалъ нашъ разговоръ и ничего не сказалъ. Подожду до завтрашняго утра.

19 ноября. Не спалось до 2 часовъ ночи.

Послѣ чая ко мнѣ подошелъ механикъ и спросилъ, не думаю ли я оставить послѣднюю каюту неубранной. Я отвѣтилъ: что если только я это сдѣлаю, то моя уборка сведется къ нулю, ибо борьба съ клопами не приведетъ къ хорошимъ результатамъ, такъ какъ клопы изъ этой каюты будутъ распозаться по остальнымъ и преспокойно размножаться, а поэтому я во что бы то ни стало добьюсь того, что каюта будетъ убрана. Послѣ разговора съ механикомъ я снова попросилъ Пинегина разрѣшить мнѣ убрать его каюту. Пинегинъ отказался на отрѣзъ. Я пошелъ къ Сѣдову, передалъ ему свой разговоръ съ Пинегинымъ и съ своей стороны заявилъ, что если каюта Пинегина не будетъ убрана, то я вынужденъ буду записать обо всемъ случившемся въ вахтенный журналъ, такъ какъ на мнѣ лежитъ отвѣтственность за состояніе здоровья всѣхъ людей и я вовсе не желаю, чтобы потомъ меня упрекали въ небрежности.

Сѣдовъ вышелъ изъ своей каюты и предложилъ мнѣ въ присутствіи Пинегина осмотрѣть его каюту и сдѣлать въ ней все, что нахожу нужнымъ. Я позвалъ двухъ матросовъ и заставилъ ихъ въ своемъ присутствіи продѣлать съ каютой Пинегина то же, что было продѣлано съ остальными каютами.

Къ обѣду все было убрано и я предложилъ Пинегину занять свою каюту. За обѣдомъ Сѣдовъ сказалъ Пинегину: «я сегодня видѣлъ, какъ докторъ убиралъ въ вашей каютѣ, и думаю, что кромѣ благодарности онъ отъ васъ ничего не долженъ былъ заслужить».

21 ноября. Сегодня въ день введенія въ храмъ Пресвятой Богородицы, рано утромъ начали меня тормошить, но я поднялся и одѣлся только въ 8 съ половиною часовъ, когда всѣ уже напились чаю. Въ 9 часовъ я взялъ икону, поставилъ въ углу, зажегъ стеариновые свѣчи, лампадку, накрылъ столъ бѣлой скатертью и тогда

уже послалъ за командой. Команда пришла въ каютъ - компанію и Сѣдовъ началъ богослуженіе. Черезъ три четверти часа все было закончено и на всѣхъ лицахъ было замѣтно какое то радостное настроеніе. Команда была въ восторгѣ. Какое то пріятное чувство осталось на душѣ, какъ то легко смотришь впередъ, вѣруешь въ будущее и чувствуешь, что въ молитвѣ получаешь и силу и энергію. Сегодня день прошелъ по праздничному, къ обѣду дали командѣ по чаркѣ водки. Обѣдъ нашъ былъ самый обыкновенный, ибо кромѣ консервовъ да гнилой солонины съ треской у насъ ничего нѣтъ. Вечеромъ играли въ карты, на грамофонѣ, на піанино и такъ провели время почти до 12 часовъ.

22 ноября. Послѣ чая пошелъ въ бухту, чтобы привезти на собакахъ немного дровъ. За эти дни привезенныя дрова мы сожгли, а потому надо воспользоваться хорошей погодой, чтобы сдѣлать хотя небольшой запасъ. На дворѣ такъ темно, что въ двухъ шагахъ ничего не видишь, спотыкаешься о сугробы снѣга и падаешь. Стоить пройти шаговъ 50—60 и побыть на воздухѣ минутъ 20, какъ глаза начинаютъ привыкать къ темнотѣ и видишь тогда довольно сносно. Морозъ сейчасъ—21° при полномъ штилѣ. Придется убить еще нѣсколько собакъ. Жаль мнѣ ихъ, но что же дѣлать? Есть страшно худыя собаки, которыя очень плохо работаютъ, а кормить ихъ вдоволь мы не можемъ, такъ какъ у насъ скоро не хватитъ для нихъ корма. Сейчасъ осталось 27 мѣшковъ овсяной крупы; на каждую кормежку выходитъ $\frac{1}{3}$ мѣшка и такимъ образомъ, дай Богъ чтобы имъ хватило до весны, когда мы сможемъ убить хотя немного тюленей. Сейчасъ звѣря совершенно нѣтъ. У насъ теперь 60 собакъ, но къ веснѣ пожалуй, останется только одна половина. До обѣда я привезъ 4 парты дровъ, а послѣ обѣда отдыхалъ. Къ ужину приготовили котлеты изъ собачьяго мяса. Убили одну изъ плохихъ собакъ и сдѣлали все, что полагается. Мнѣ, какъ повару, пришлось первому пробовать котлеты, которыя показались мнѣ довольно вкусными. За ужиномъ попробовали ихъ только два человѣка, а остальные не хотѣли даже касаться. Объяснили это тѣмъ, что они сегодня сыты и лучше будутъ ѣсть ихъ завтра. Судя по сегодняшнему обѣду, они сыты быть не могутъ. Всѣ относятся брезгливо къ этому блюду и хотятъ объ этомъ заявить открыто. Механикъ со штурманомъ даже ушли, когда подали котлеты. Не знаю, какъ они будутъ реагировать завтра, но я лично буду ѣсть. Въ часъ ночи я потушилъ у себя лампу, провѣрилъ кубрикъ и, несмотря на то, что былъ дежурный, не пошелъ провѣрять,

потушены ли огни по каютамъ. Я нахожу, что если Сѣдовъ не сдѣлалъ замѣчанія тѣмъ, кто умышленно не желаетъ подчиняться его распоряженіямъ, то съ моей стороны всякія попытки въ этомъ направленіи только будутъ обострять отношенія.

23 ноября. Сегодня снова всталъ въ 8 часовъ утра, напился чаю и пошелъ съ 2 матросами въ бухту за дровами. Часовъ въ 11 возвратились обратно и начали въ двѣ пилы пилить дрова. такъ какъ пиленныхъ дровъ у насъ нѣтъ. До обѣда съ Сѣдовымъ занимались астрономическими вычисленіями. Въ 1 часъ обѣдали безъ механика и его помощника, которые къ столу не пришли и цѣлый день ничего не ѣли. Они знали, что будутъ поданы собачьи котлеты и боялись, чтобы ихъ не накормили собачьимъ супомъ. Собачьи котлеты ѣли всѣ за исключеніемъ штурмана и изъ 10 котлетъ осталось только три. Медвѣжьихъ котлетъ поѣдали обыкновенно по три штуки и, судя по тому, что такъ мало съѣли собачьихъ котлетъ, можно заключить, что вообще всѣ брезгливы, но не хотятъ этого показать. Капитанъ говоритъ, что еслибы по меньше болтали и не говорили, чѣмъ собаки питаются и что они у насъ ѣдятъ, то навѣрное аппетитъ былъ бы лучше. Лично я нахожу котлеты изъ собачьяго мяса вкусными, ничуть не отличающимися отъ котлетъ изъ какого-нибудь другого мяса, и если бы не говорить, изъ чего сдѣланы котлеты, то никто бы этого и не зналъ. Вечеромъ Сѣдовъ просилъ насъ научить его играть въ винтъ. Изъ всѣхъ оказались играющими я, Визе и капитанъ. Я взялся только показать и обучить Сѣдова и штурмана, чтобы такимъ образомъ составилось четыре игрока, такъ какъ я лично не хочу играть въ карты. Сѣдовъ послѣ нѣсколькихъ уроковъ понялъ суть дѣла, но штурманъ усваивалъ туго и говорилъ, что онъ все время бродитъ, какъ въ лѣсу. Въ 11 часовъ закончилось ученіе и всѣ разошлись по каютамъ.

24 ноября. Утромъ механикъ пошелъ въ машину, какъ дѣлалъ это обыкновенно каждый день, но скоро оттуда возвратился и заявилъ, что судно начало больше протекать. Въ прежніе дни за ночь набиралось до 5 — 7 дюймовъ воды, а сегодня дошло до 14 дюймовъ. Повидимому предыдущими вѣтрами судно нажало льдами, расшевелило его пазы, и оно течетъ сильнѣе. Это насъ мало обезпечило, такъ какъ мы привыкли не къ такой течи, да при томъ мы стоимъ недалеко отъ берега и всегда сможемъ на него переселиться. Судно стоитъ въ довольно хорошей бухтѣ и особенному давленію не можетъ быть подвержено. Съ 9 часовъ утра начали работы на палубѣ. Очищали съ палубы снѣгъ и пилили дрова. За-

шелъ въ собачью кашеварку и замѣтилъ, что дрова подъ котломъ облиты керосиномъ. Собачьяго кошевара я выбранилъ, какъ слѣдуетъ и общалъ въ слѣдующій разъ его оштрафовать, но чтобы это больше не повторялось, я рѣшилъ на кранъ систерны съ керосиномъ сдѣлать крышку и запирасть ее.

Послѣ обѣда немного погуляли, а затѣмъ снова сѣли учиться играть въ винтъ.

25 ноября. Сегодня воскресенье и работы на суднѣ не производились. Встали въ 9 часамъ и напились чаю. Команда очень просила, чтобы и сегодня отслужить обѣдню, но Сѣдовъ отказался и заявилъ, что будетъ совершать таковую только по большимъ праздникамъ. Особенно объ этомъ заботился и хлопоталъ матросъ Томиссаръ-латышъ, атеистъ. Когда я его спросилъ, почему онъ такъ хлопочетъ объ этомъ, онъ отвѣтилъ: «Въ прошлый разъ послѣ богослуженія намъ дали по чаркѣ водки. Если обѣдня и сегодня будетъ, то мы и сегодня получимъ водку». Я его прогналъ и сказалъ, что на него водка особенно съверно дѣйствуетъ, и ему слѣдовало бы ее совершенно бросить пить. Капитанъ судна чувствовалъ себя очень слабымъ и жаловался то на головную боль, то на плохой аппетитъ, и все время нылъ. На мое предложеніе ежедневно и регулярно гулять на открытомъ воздухѣ онъ не соглашался. При такомъ положеніи онъ распатаетъ свои нервы въ конецъ. Сегодня организую вечернюю прогулку на мысъ. Собираются всѣ идти, но не знаю, пойдутъ ли. Обыкновенно на словахъ всѣ соглашаются на всѣ мои предложенія, но какъ только коснется дѣла,—желающихъ нѣтъ. Теперь приходится много тратить времени на то, чтобы придумать что нибудь къ обѣду, такъ какъ мяса свѣжаго нѣтъ и такое у насъ однообразіе въ пищѣ, что трудно сказать. Пока наша публика невзыскательна и все идетъ по хорошему. Сегодня послѣдній день мы ѣдимъ котлеты изъ собачьяго мяса и придется опять выжидать съ недѣлку и затѣмъ приниматься за слѣдующую собаку. Хотя бы убить одного медвѣдя; на мѣсяцъ хватило бы мяса для разнообразнѣйшихъ блюдъ. Послѣ обѣда отдыхали, а затѣмъ вечеромъ собрались идти гулять. Всѣ пошли къ мысу, который находится въ двухъ—трехъ верстахъ отъ насъ. Шли впотѣмахъ и часто падали, проваливались въ трещины между льдинами. Идти приходилось ощупью и часто не замѣтно, подымаясь на сугробъ оступались и падали. Тяжелое время для путешествій. Погода сегодня дивная, небо чистое и покрыто мириадами звѣздъ. Температура—15°. Подойдя къ мысу, поднялись на гору, а затѣмъ

Сѣдовъ, капитанъ и я рѣшили возвратиться домой; Пинегинъ же, Визе, Павловъ и штурманъ пошли вдоль по горѣ, направляясь тоже къ судну. Пройдя шаговъ около 200, молодежь рѣшила спуститься на своихъ собственныхъ салазкахъ, но выбрала довольно неудачное мѣсто и летѣла кубаремъ. Все кончилось благополучно и къ 2 часамъ ночи мы возвратились на судно. Всѣ настолько проголодались, что просили меня хорошенько накормить ихъ. Пришлось спуститься въ трюмъ, достать сыръ, масло и хлѣбъ. Этого показалось имъ мало, и они просили меня на первый разъ дать имъ по рюмкѣ водки.

26 ноября. Встали сегодня позже обыкновеннаго и только къ 10 часамъ напились чаю. Всѣ спали очень хорошо, а капитанъ даже удивился этому обстоятельству, ибо говорить, что онъ уже давно не спалъ такъ хорошо. Съ утра началась метель—работать на воздухъ не представлялось возможнымъ, а потому работали въ банѣ. Собаки наши настолько голодны, что начинаютъ ѣсть кожу. За ночь они обѣли лыжные ремни. Сегодня надо ихъ починить и спрятать подальше.

Съ утра я спустился въ трюмъ съ матросами и началъ пересматривать провизію. Все оказалось въ порядкѣ, за исключеніемъ двухъ ящиковъ съ сахаромъ, которые немного отсырѣли, ибо стояли у наружнаго борта судна. Сахаръ оказался не попорченнымъ, и я рѣшилъ его весь переставить на средину судна, а на мѣсто его сложить желѣзныя банки съ консервами. Теперь въ трюмѣ будетъ много работы, такъ какъ надо сложить въ одномъ мѣстѣ около 20 сажень дровъ, взятыхъ нами въ Архангельскѣ, а затѣмъ уже спустить въ трюмъ бочки съ треской, которыя стоятъ сейчасъ на палубѣ. Команда работаетъ вяло и выходитъ на работу, когда кому вздумается. Такъ продолжаться дальше не можетъ, и надо установить какой нибудь порядокъ и распределить рабочій день. Послѣ ужина я пошелъ къ Сѣдову и имѣлъ съ нимъ очень длинный разговоръ. Я спросилъ: не сравнять ли матросовъ Линика и Томисара, идущихъ къ полюсу, съ остальными матросами, такъ какъ тѣ привилегіи, которыми они пользуются, вызываютъ среди команды недовольство и ропотъ. На работы они выходятъ тогда, когда хотятъ, дѣлаютъ то, что хотятъ, и уничтожаютъ папиросы, выданныя имъ Сѣдовымъ для храненія до того времени, когда пойдутъ къ полюсу. Когда Сѣдовъ узналъ объ этомъ, призвалъ ихъ къ себѣ и приказалъ принести тѣ папиросы, которыя онъ имъ далъ для сохраненія. Оба матроса молчали и, когда Сѣдовъ вторично повторилъ имъ

приказаніе, то отвѣтили, что они папиросы выкурили и сдѣлали они это потому, что считаютъ выданныя папиросы своею собственностью и потому могутъ распоряжаться ими по своему усмотрѣнію. Сѣдовъ ихъ выгналъ и общалъ съ ними расправиться. Послѣ нашего разговора Сѣдовъ написалъ два приказа: одинъ о томъ, чтобы въ кубрикѣ каждый вечеръ производилась молитва и чтобы на ней каждый разъ присутствовалъ дежурный членъ каютъ-компаніи, а другой приказъ о распредѣленіи рабочаго времени, чтобы члены экспедиціи каждый въ свою вахту слѣдили за тѣмъ, чтобы команда вставала, во время выходила на работы и, вообще, чтобы все на суднѣ шло по уже заведенному порядку. Общее руководство работами было возложено на меня, вслѣдствіе чего мнѣ придется съ вечера писать наряды и передавать ихъ штурману и боцману. Время распредѣлено слѣдующимъ образомъ: въ 6 часовъ пробужда, въ 8 часовъ выходить на работу, въ 12 часовъ обѣдать, отъ 1 до 2 отдыхъ, отъ 2 до 6 часовъ снова работа, въ 7 часовъ чай и ужинъ, въ 9 часовъ молитва, въ 10 часовъ должны всѣ спать.

27 ноября. Сегодня съ утра чувствовалась жизнь на суднѣ. Вахтенные матросы «бьютъ склянки» (бьютъ часы въ колоколь). Жизнь пойдетъ теперь регулярно, что особенно важно для поддержанія команды. Теперь остается немного дисциплинировать и членовъ каютъ-компаніи и поставить ихъ въ извѣстныя рамки. Ночь они превратили въ день, а день въ ночь. Цѣлые дни спятъ и совершенно не слѣдятъ за работами, а всю ночь бродятъ и мѣшаютъ спать. Собаки съ каждымъ днемъ все больше и больше худѣютъ; особенно это замѣтно послѣ сильныхъ вьюгъ и морозовъ. Сибирскія собаки очень хороши, но архангельскія изъ рукъ вонъ плохи. Ихъ, по всей вѣроятности, ловили на улицахъ, такъ какъ онѣ ничего особеннаго изъ себя не представляютъ, не выѣзжены и страшно боятся мороза. День прошелъ монотонно; скверная погода очень сказывается.

28—30 ноября. За эти дни ничего новаго не произошло. Температура воздуха все колеблется и не падаетъ ниже—6—7°. Сегодня 0°. Шелъ маленький дождикъ и всѣ снасти судна покрылись ледянымъ покровомъ. Благодаря оттепелямъ и вѣтрамъ льды часто ломаются и изъ трещинъ вода выступаетъ на ледъ. Вода въ трюмѣ бываетъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ морозные дни. Эти дни готовимся къ празднику 6 декабря, когда думаемъ устроить маленький спектакль. Дѣлаемъ фонари, готовимъ костюмы, производимъ репетиціи и такъ далѣе.

1 декабря. На воздухъ совсѣмъ тепло и совсѣмъ забываешь, что находишься въ такой высокой—широтѣ. Декабрь мѣсяцъ, а температура стоитъ—3°. Сегодня прошло двѣ недѣли какъ команда мылась, и теперь съ утра затопили баню. Будемъ мыться и взвѣшиваться. Съ утра никто не мылся и начали только послѣ обѣда. Я просилъ желающихъ членовъ каютъ-компаніи вымыться пораньше, а затѣмъ уже разрѣшить купаться командѣ. Сегодня купались капитанъ, механикъ и я. Въ 6 съ половиною часовъ вечера я снова послалъ матроса предупредить, что съ 7 часовъ начнетъ мыться команда и если кто къ этому времени не придетъ, то будетъ мыться вмѣстѣ съ послѣдней. На мое предложеніе отозвался только одинъ Пинегинъ. Всю команду я взвѣсилъ и оказалось, что всѣ прибыли въ вѣсѣ и только я одинъ потерялъ 2 съ половиною фунта. Пока команда мылась, я ушелъ въ кубрикъ и проверилъ всѣ ли матросы перемѣнили постельное бѣлье. Результаты взвѣшивания я сообщилъ Сѣдову. Огорчены мы, что въ нашемъ кружкѣ идутъ разногласія и ссоры со стороны нѣкоторыхъ участниковъ экспедиціи изъ за вещей, не стоящихъ вниманія.

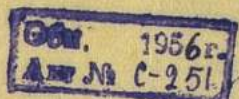
Создавшееся у насъ положеніе въ такомъ маленькомъ кружкѣ заброшенныхъ людей, которые должны жить общими интересами, является не нормальнымъ и что ни въ одной экспедиціи подобнаго разногласія не встрѣчалось, ибо всѣ шли къ общей цѣли и личные интересы подчиняли общимъ.

2 декабря. Сегодня воскресенье; команда отдыхаетъ. Праздникъ мы проводимъ частью за чтеніемъ, а частью за игрою на піанино, на граммофонѣ, въ шахматы, въ карты и т. д. Послѣ обѣда гуляемъ вблизи судна. Капитанъ никуда не выходилъ и все сидѣлъ дома. На чистомъ воздухѣ очень хорошо, но темнота начинается уже надоѣдать. Сейчасъ тепло; температура колеблется отъ —2 до —9°. Ходили въ бухту, гдѣ поставили 4 капкана на песцовъ.

3—5 декабря. Дни идутъ удивительно однообразно. Температура колеблется между —2 —10°. Работы идутъ по прежнему, хотя часто прерываются юго-западными вѣтрами, преобладающими въ этихъ мѣстахъ. При каждомъ вѣтрѣ подымается сильная вьюга и метель и выйти на воздухъ нѣтъ никакой возможности. Сидишь въ каютѣ, а мысли несутся далеко. Чего только не передумаешь въ эти темные штормовые дни! Переносишься изъ одной обстановки въ другую, отъ одного человѣка къ другому, а больше всего предаешься самосозерцанію. Какъ хорошо оно приводитъ разныя мысли въ стройную гармонію, заставляетъ разбираться въ фактахъ, пересмотрѣть

весь пройденный путь и подвести итоги былому. Какъ легко они здѣсь подводятся! Одинъ—два случая изъ собственной жизни и кое что изъ прочитаннаго заставляетъ дѣлать опредѣленные выводы, о которыхъ и не думалъ во время мірской суеты. Я понимаю отшельниковъ и ихъ ученіе. Ученія Будды, Христа созданы въ уединенныхъ пустыняхъ, гдѣ отсутствовала всякая пища, и какой чистотой отличается ихъ ученіе! Они ушли въ пустыню отъ шумнаго міра, гдѣ нельзя сосредоточиться и гдѣ нельзя дать себѣ яснаго отчета о всемъ происходящемъ. Счастливы тѣ люди, которые могутъ въ ранніе періоды своей жизни бросить все и углубиться въ самого себя. Нынѣшній человѣкъ слишкомъ много копить и подъ конецъ жизни, подводя итоги прошлаго, поневолѣ поражается пустотой своей жизни. Да оно и понятно: человѣкъ, находясь въ извѣстныхъ условіяхъ, подчиняется имъ и, приспособляя свою жизнь къ обстановкѣ, дѣлается такой же единицей, какъ и всѣ, мало значущей и ничтожной. Если бы человѣкъ приспособливалъ обстановку къ своей жизни, то для него она была бы и пріятна, и продуктивна. Къ несчастію такое положеніе возможно только людямъ съ сильной волей, на которыхъ не дѣйствуютъ ни угрозы, ни лишения, ни мнѣніе общества, которому мы подчиняемся не потому, что согласны съ нимъ, а лишь потому, что придерживаемся пословицы «съ волками жить по волчьему выть». Я думаю, что каждый человѣкъ можетъ создать, а если не создать, то найти это общество—общество съ его взглядами и его идеями. Пусть это общество ограничится однимъ тобою, собственнымъ я, но оно должно быть гораздо пріятнѣе толпы, которую презираешь. Это особенно замѣтно и кажется легкоосуществимымъ даже слабымъ натурамъ въ нашихъ условіяхъ, когда мы находимся на Новой землѣ, гдѣ полная свобода и просторъ. Работой устраиваешь свою жизнь, какъ хочешь. Все твое благополучіе и твое благосостояніе будетъ зависѣть всецѣло лишь отъ тебя и отъ продуктивности твоей работы. Читаешь описанія жизни самоѣдовъ, лопарей и эскимосовъ и поражаешься ихъ порядочности. Человѣкъ дикій, но честный, работникъ, а обратиться къ нашей культурной жизни, такъ того и гляди, что тебя либо ограбятъ, либо искалѣчатъ, а то и убьютъ, въ лучшемъ случаѣ забросаютъ грязью. Конечно, ко всему этому человѣкъ легко привыкаетъ и ему кажется, что лучшей обстановки не можетъ и быть. Когда же узнаешь лучше и увидишь, что гдѣ то вдали отъ тебя есть мѣста дикія, но не оскверненные еще человекомъ, и побываешь въ нихъ, то невольно тебя тянетъ въ эти

пустынные края. Мнѣ теперь понятны стремленія путешественниковъ посѣщать мало знакомыя и мало населенныя мѣста: для нихъ они являются чѣмъ то близкимъ и родственнымъ. Что можетъ дать путнику холодная, дикая, угрюмая, съ вѣчно шумящими отъ сильнаго прибоя разъяренныхъ волнъ страна, гдѣ нѣтъ ни южнаго солнца, ни тропической природы, ласкающей твой взоръ? Да, здѣсь этого нѣтъ, но здѣсь широкій просторъ, здѣсь безконечная свобода. Кто бывалъ въ нашихъ южныхъ степяхъ, тотъ знаетъ чувство, которое испытываешь, когда стоишь одинъ въ этомъ морѣ безконечнаго ковыля; то же чувство испытываешь и на Новой землѣ, гдѣ не меньшій просторъ въ этомъ морѣ бѣлоснѣжныхъ холодныхъ вершинъ и ледяныхъ полей. Я счастливъ, что нахожусь среди этой полярной природы, подальше отъ людей безправственныхъ, хитрыхъ, двуличныхъ и пошлыхъ. Я весь какъ то ожилъ и чувствую безконечную силу творить и творить безъ конца...

Мм 5049

1902

1902

F-20 $\frac{B-7}{13a}$

Г20 $\frac{B-7}{13a}$